

ЛЕОНИД ФРОЛОВ

ПОЛЕЖАЕВСКИЕ МУЖИЧКИ

Л

ЛЕОНИД
ФРОЛОВ

ПОЛЕЖАЕВСКИЕ МУЖИЧКИ

*Повествование
в рассказах*

Рисунки Л. Непомнящего

P2
Ф91

Ф 4803010102—068 401—85
M101(03)85

Иллюстрации.
© Издательство «Детская литература», 1985 г.
Охраняемые произведения отмечены в содержании.

СТАКАН КИСЕЛЯ

Варвара Егоровна так и сказала старшему сыну:

— Дармоед ты у меня, больше никто. Я в твои годы в поле снопы вязала наравне с бабами. А тебе, лоботрясу, дров уж лень наколоть.

— Да я наколю, наколю, не заводишься только...

— Чего уж теперь «наколю»... Без тебя наколото.

Славке было, конечно, неловко, что мать вернулась с работы и ей пришлось еще заниматься дровами. Забегался, из головы все родительские наказы вылетели.

— Я, помню, маленькая была, так все хозяйство на мне лежало: и корову доила, и полы мыла, а про дрова уж и не говорю...

— Ну чего ты, мам, сравниваешь старое время с нынешним! — остановил ее Славка. — Ты же сама жаловалась, что выросла и детства не видела. А у меня детство.

— Ой ты, поросенок, матери помогать, так не детство? В дверях звякнуло.

Дверь открылась, и Тишка, налившись кровью, переставил через порог ведро воды. Силенок у него было мало, вода плескалась через края, а ему уж ведра и не уравновесить, не нес, а волок.

— Вот у меня хороший-то парничок, вот мамкин-то помощник растет...— Варвара Егоровна притянула Тишку к себе.— Смотри-ка, семилетний ребенок воду носит, с дровами возится, а ты по деревне ветер гоняешь. Ведь тебе двенадцать годов. Скоро жениться запрочишься...

Тишка захохотал:

— Же-е-нить-ся!..

А Славик мстительно подумал: «Ну подожди, маменькин сынок! Будет и на моей улице праздник».

Он вышел в ограду и решил с вечера наготовить дров на завтрашний день.

Только размахался как следует топором, вошел в охотку, а тут Володька Воронин пришел:

— Поедем на заработки!

Вот тебе раз!

— Какие заработки?

— Тресту на льнозаводе сдавать.

Славик и топор в чурбане оставил:

— Поедем.

— Данесегодня. Завтра с утра. Ты только Маринке Петуховой скажись, что согласен. Она за командиршу у нас.

Славик сразу к Маринке и побежал.

* * *

Работа была несложная, но очень уж пыльная. Треста за зиму слежалась, и пыли в ней накопилось как на дороге. У ребят и лиц уже не видать — одни глаза оставались чистыми.

— Ой, миленькие, вас ведь и девки не будут эдаких чумазных любить. Смотри-ко, ухристосались до чего...

Маринка Петухова, женщина лет пятидесяти, сохранившая свое молодое имя Маринка за то, что была непоседлива как подросток, стояла в кузове машины, а Славик с Вовкой бросали ей снизу снопы. Маринка укладывала их поровнее и все поторапливала ребят:

— Ой, милые, поздно на льнозавод приедем, так в очереди долго придется стоять. А вам еще и умываться надо бежать.

Шофер Коля Попов, белобрысый молодой парень с Заречной Медведицы, сидел в кабине и подыгрывал Маринке:

— А я их, неумытых, и не повезу. Пускай до Березовки пешком бегут!

— Ты бы лучше, Коля, помог нам, чем барином-то посиживать,— не выдержал Славик.

— Нет, парень,— сказал Коля.— Я шофер. У меня заработок с колеса начисляется: сколь на спидометр накрутит, столь и запишут. А у тебя с тоннажа — вот и покидай снопики-то. Для мускулатуры полезно.

Он курил душистые папиросы и, изловчаясь, пускал дым колечками к Маринке Петуховой.

Маринка хохотала, отмахиваясь от колечек:

— Коля, я ведь старая с тобой играть-то. У меня и зубы давно выпали.

Коля все-таки не выдержал: натянул на себя комбинезон и стал помогать ребятам.

— Все равно не уберечься, и меня запылили.

Перед Маринкой вскоре выросла гора из снопов.

— Ой, милые, перегодите немного, а то кривой воз накладу,— взмолилась она.

Платок у нее сбился с головы, она работала простоволосая. Руки мелькали, как спицы в колесе. Но втроем-то на одну навалились, разве ей успеть.

Коля снова сел в кабину курить.

А Славик лег на траву. Спина с непривычки-то подзанемела.

Воз едва возвышался над кабиной, еще класть да класть. А силы были уже на исходе.

— Посмотри,— показал Вовка руки. Ладони у него были искрашены ссадинами.— Восемь заноз достал!

Славик посмотрел на свои повнимательней: господи, да и у него в занозах! А он-то думал, чего руки горят? Не натер пока, вроде мозолей нет. Стал булавкой выковыривать застрявшие под кожей иголки льняной костры. Насчитал одиннадцать штук.

После перерыва работать было куда тяжелее. Снопы то вырывались из рук, то перелетали через машину, и их приходилось бросать наверх по второму разу. Славка брался за них теперь уж двумя руками и сначала раскачивал, а только потом запускал к небу.

Глаза саднило от пота.

Маринка все так же легко и сноровисто укладывала воз.

Ей, конечно, что, не велика тяжесть выравнивать снопки. Пофуркала бы снизу, так сразу бы скисла. Затрата энергии в десять раз больше.

— Ой, милые мои, и я выдохлась, — возвестила Маринка неожиданно и вытянулась на возу. — Посидите, ребята, дайте в себя прийти.

Смотри ты, а еще сейчас как заводная крутилась, с одной стороны на другую лазила. Славка сразу сообразил, что Маринка их, своих помощников, бережет. Увидела, наверно, что рубахи взмокли, и пожалела.

Вовка повалился в траву сномом.

— Безобразие, конечно, — сказал он, отдуваясь. — О чем только конструкторы думают? Неужели машину не изобрести? Чтобы нажал кнопку — и воз готов.

Он уже и занозы на руках не считал: бесполезное дело — не сосчитать.

Маринка свесилась сверху.

— Николай, у тебя часы-то есть? — спросила она озабоченно. — Скажи, сколь время?

— Три берем, — пошутил Коля.

— Нет, правда, сколь?

— Скоро десять.

Маринка захохала:

— Ой, ребята, давайте воз накладем, дак в дороге наотдыхаемся.

Вовка нехотя поднялся с земли, присел несколько раз, вытягивая руки вперед, — разминочку сделал.

И Славик встал. На одном самолюбии теперь уж существовал. А то бы плюнул на все и ушел, но не хотелось видеть, как стал бы торжествовать брат: слаб, скажет, Славочка, ты в коленках — два часа поработал, а уж и выдохся. Выдохся не выдохся, но было не сладко.

Снопы, вдобавок ко всему, и развязывались. Стягивать их заново у ребят не хватало терпения: руки-то исколоты в кровь.

Славик время от времени поглядывал на ладони: пожелтели, как йодом намазаны.

— Ой, миленькие! — причитала наверху Маринка. — Вы уж растрепанные-то снопы оставляйте тут. Все равно одним разом не увезем. Потом оборками свяжем.

Она привычно вершила воз, лазила на коленях, и Славка представил, как они у нее исколоты. А Маринка и виду не

подавала, что работа тяжела ей. Пурхалась себе наверху да пурхалась.

— Ой, ну-ко, надо давно бы сдать,— говорила она сама себе.— Смотри-ко, мыши уж начали тресту точить: костра как из-под мялки сыплется. А мы-то, дуры, лен рвали и неба не видели. Впустую ведь и старались. Думали, треста двойкой пройдет, а ее и полуторкой теперь не возьмут. Ой, дуры, ой, дуры...

Коля-шофер высунулся из кабины:

— Да теребилкой ведь основное убрали.

— Как бы тебе не теребилкой! — вскинулась Маринка.— Дожди пошли, так кто всю осень-то мок? Теребилку не поднимало, на полосу и заехать не могли. Маринка да Варя выдергали ленок.

— А ребяташек-то гоняли из школы... Забыла?

— Дак ты али хотел, чтобы две бабы весь выдергали? — рассердилась Маринка.— Мы ведь тоже не лошади!

Переругиваясь с Колей, она завершила воз. Коля помог ей прижать поклажу пригнеткой.

Ребята было тоже сунулись к ним, но исколотые руки не держали веревку.

— Ладно уж вам, отвалите, без вас сделаем,— сказал Коля.

Машина, когда Коля затягивал пригнетку, шевелилась как живая и покачивалась на рессорах из стороны в сторону.

— Не запрокинет? — спросила Маринка.

— Ну да ведь мы не пьяные,— сказал Коля.— На повороте сумеем притормозить.

Кабина была рассчитана на двух пассажиров. Поэтому Славику пришлось сесть между Вовкиных ног.

— Ничего, в тесноте — не в обиде,— сказал Коля и нажал на стартер.

В машине запахло перегоревшим бензином.

Маринка всю дорогу только и говорила о льне. Ругалась, что зимой не отвезли.

— Двойкой бы сдали... Сколь вот теперь потеряем, раз пойдет не тем номером.

— Рук-то не хватает в колхозе,— сказал Коля и кивнул на ребят: — Когда вот они подрастут?

Славка за дорогу не отдохнул, а только больше устал. Хотя они и менялись с Вовкой местами, а что за езда — на двоих одно место.

Приехали на льнозавод, обоих пошатывает.

— Ничего, ребята, — сказал Коля. — Даром хлеб никому не дается. Это с непривычки тяжело, а втянетесь — будто так и надо. Вон Маринка — словно огурчик...

Руки у «огурчика» были тоже в крови. А колени исколоты ли, не видно: Маринка под юбку Пашины, мужа своего, штаны натянула. Славик только сейчас заметил, что она под мужика вырядилась.

Очередь к весам была небольшой: прошлогодний лен сдавали одни ротозей.

Славик, пока ехал, все опасался, что придется снопики таскать на весы, а с весов опять на машину, а потом уж сваливать, где отведут место. Но весы были не такие, как в колхозном амбаре. На них въезжали прямо машиной, так что лишней работы не было.

Взвесились, разгрузились, а на обратном пути пустыми взвесились — и результат готов. Одно действие арифметики: из большего вычесть меньшее.

Но вот разгружаться-то было не так-то просто, как думал Славик. Если бы самосвал, так свалил, и все. Тут же топчешься на снопах, как петух, а толку нет. За дорогу они друг с другом слежались; дергаешь за один сноп, а за него два уцепились. Вспотеешь хуже, чем на погрузке. Дергаешь, дергаешь, а оказывается, сам же на этом снопе и стоишь. Они же все одинаковые, и не разглядишь, где конец, где начало.

К машине подошла лаборантка:

— Мальчик, сбрось-ка мне три снопика.

Славик первые попавшиеся чуть не скovyрнул вниз. Но Маринка зашикала на него: «Ты что? Соображаешь?» У нее уже были приготовлены снопики — длинные, ладные, мышами не тронутые.

Она сбросила их к ногам лаборантки, но лаборантка и не подумала за ними нагнуться.

— Мальчик, дай мне вот этот и этот, — указала она длинной палкой. — А ты, мальчик, — обратилась она к Вовке, — с той стороны сбрось...

— А эти разве не наши? — закричала Маринка. — Чего не берешь?

Лаборантка ей не ответила. Подняла сброшенные ребятами снопы и ушла.

— Эх вы, простофили! — сказала Маринка ребятам.

— А мы-то откуда знали...

Трестá прошла номерной, и Маринка радовалась, что хоть не ноль — семьдесят пять и не ноль — пятьдесят.

— Я думала, хуже будет, а вы, ребята, удачливые.

Прямо тут же в кассе выдали деньги за сопровождение и разгрузку машины. Получилось по два рубля восемнадцать копеек на человека.

Вовка, радуясь, сразу заявил Маринке:

— Ну, я и завтра поеду.

А у Славика вроде бы перестала ныть спина.

* * *

Они зашли в столовую. Время все-таки перевалило давно за обед, пора подкрепиться.

Славка приглядывался к ценам в меню, но, хоть и хотелось есть, тратиться было жалко. Как же так: работал, работал — и вдруг просадить деньги в столовой, остаться ни с чем.

Он пробил талон на стакан киселя, который стоил восемь копеек, и сел за столик к окну.

Маринка выбила себе котлету, а Вовка смог расщедриться лишь на чай.

— Ну, милые, не уработались, видно, вы, — сказала Маринка. — А у меня дак живот прямо свело от голода. Вот как уломалась!

— Да чего-то неохота сейчас, — соврал Славик. — До ужина дотерплю.

— А я, наверно, и ужинать не захочу, на питье потянуло, — сказал Вовка.

А сами навалились на даровой хлеб, который лежал в тарелке, и умяли его до последнего кусочка. Маринка, пока ждала котлету у окошка раздачи, осталась без хлеба. Пришлось с другого стола переносить тарелку. Так Славик с Володькой и из нее по горбушке съели.

Маринка посмотрела на них, усмехнулась:

— Вот как деньги-то достаются...

* * *

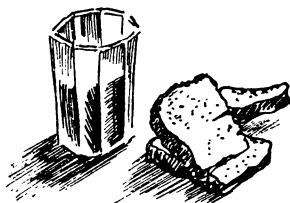
— На! — Славик подал матери два рубля с гривенником. — Еще восемь копеек на кисель издержал.

— Ой, Славка, белый свет ведь перевернется! — удивилась Варвара Егоровна. — Ты смотри, появился в доме добытчик. А я-то, глупая, дармоедом его обозвала. Ты меня извини, сынок.

Славка независимо прошелся по комнате.

— Да ладно уж, чего там, — сказал он. — Посмотрим вот только, чего Тишка твой заработает в мои годы.

ГРУЗДИ-РЫЖИКИ

С неделю, наверно, по несколько раз на дню моросили дожди, а потом установилось вёдро, и в окрестных лесах так густо пошёл гриб-листопадник, что не успевали его обирать. Казалось бы, что может остаться на запорошенной прелыми листьями поляне, когда по ней только что прошнырнула ватага ребят с корзинами и когда следом за ними прошли старухи, кланяясь каждой елочке и выщупывая чуткими ладонями каждое вздутие во мху. А Митька и по обитой росе выколупывал из травы рыжик за рыжиком. Были они величиной с двухкопеечную монету — хоть в бутылке соли. И мать, удивляясь его удачливости, нахваливала сына:

— Ты, Митя, как из-под земли достаёшь.

А ведь из-под земли и есть. Вот если бы ему вырваться в лес раньше всех, до солнышка бы уйти, сколько б он грибов наковырял! Но мать у него работала в колхозе дояркой, и, пока не управится на ферме с коровами, Митьке надо нянчиться с братом: укачивать в зыбке, чтобы Никола раньше вре-

мени глаза не продрал, а то до возвращения матери изведет своим ревом всю деревню. Уж такой уродился горластый, что просто мука! И надоел он Митьке хуже горькой редьки. Да ничего не поделаешь — брат.

Алик Макаров, приехавший в Полежаево из какого-то неслыханного села Улумбек, поморщился и покачал головой:

— И чего ты как привязанный вокруг него вертишься? Я бы оставил в зыбке, пусть надрывается сколько хочет.

— Про чужого так легко говорить,— возразил ему Митька.

— Ну, знаешь ли,— обиделся Алик.— У тебя что, своих интересов нет?

— Есть,— подавленно выговорил Митька.

— А есть, так почему не даешь им развиваться? — Алик ходил по избе, сунув руки в карманы. Рыжая голова у него была краснее галстука.— Думаешь, я без брата вырос? — горячился он.— И у меня брат был. А я никому не позволял посягать на свою свободу!

Может, и не позволял, кто его знает. У него мать покладистая. Митька не слыхал, чтобы она на Алика когда-нибудь повысила голос. Да и в деревне Мария Флегонтовна сразу нашла с бабами общий язык, будто всю жизнь в Полежаево прожила. Обходительная.

Но все равно Митька не представлял, как Алик отвоевал свободу у матери.

Конечно, если у них и в Улумбеке как здесь было: в одном доме и квартира и почта, которой Мария Флегонтовна заведовала,— тогда понятно. Заревет Алькин братишка, Мария Флегонтовна откроет боковую дверь и покормит ревуна грудью. А с фермы не прибежишь.

— Слушай, а где у тебя теперь этот брат? — поинтересовался Митька, потому что Макаровы приехали вдвоем, никакого ребенка у них не было. В Полежаево даже и не подозревал никто, что у новой почтарки два сына.

— Ну, это длинная история,— отмахнулся Алик.— Какнибудь потом расскажу,— и перевел разговор на другое.— Между прочим, у нас в Улумбеке пацаны не с ребятами нянчатся, а занимаются спортом, мышцы себе накачивают.

Алик закатал рукава: мышцы у него действительно были накачаны силой, как у боксера.

— Хочешь померяться силами? — вызывающе предложил он.

Митька оторопело покрутил головой:

— Нет, нет... — и почувствовал, как у него похолодело на сердце. Ведь если ребята узнают, что Алик положил его на лопатки, сраму не оберешься: Алик был ниже Митьки почти на полголовы.

— Ничего, не тушуйся, — Алик самодовольно похлопал его по плечу. — Меня в Улумбеке шпана и то боялась.

— А что, у вас и шпана есть?

— Сколько угодно! Это же Улумбек, не Полежаево. Двенадцать тысяч населения. Двадцать семь улиц. А мы в центре жили, так и называется — «Центр». У нас там знаешь как здорово! Река прямо под окнами, не то что ваша Березовка, — в войну подводные лодки плавали. Одна немецкая лодка и сейчас на дне лежит, всю песком замыло, поэтому и не подняли ее. И лес на сто километров.

— Да лес и у нас большой.

— Что ты мне говоришь! — возмутился Алик. — У вас партизаны не воевали? Ну вот то-то, а у нас партизанский край. У меня папа командиром у них воевал. Знаешь, какой был командир? За него немцы сто тысяч ихними деньгами обещали тому, кто поймает. Ну, я тебе потом расскажу. Ах-х-нешь!

У Митьки отец мало того, что не боевой командир, а и вообще не служил в армии: в войну, говорит, голодать довелось, с малолетства испортил желудок — так с белым билетом и ходит. Не знает даже, как из автомата стреляют.

А у Алика, похоже, отец и сейчас выполняет какое-то секретное задание правительства. Алик говорит, неизвестно когда и на побывку придет. У Митьки же отец все время с семьей. Правда, с семьей и не с семьей: с утра до вечера на комбайне.

Мать у Митьки тоже самая обыкновенная. Скажи ей, что у сына свои интересы, что он не будет больше нянчиться с братом, так и ремнем принародно отходит.

«Ох ты сопляк, — скажет, — интересами меня придумал пугать! Я вот тебе покажу эти самые интересы, что ты с неделю не присядешь!..»

Нет уж, матери об интересах лучше и не заикаться. Да и какие у него интересы? Особо каких-то и нету. Конечно, круглыми днями сидеть с Николой не больно охота. Вон ребята то за малиной отправятся, то на рыбалку бегут, то затеют

военные игры, а Митька по рукам и ногам связан — не выскочишь. В окошко на них посмотрит — и хорошо.

А теперь вот пошли грибы. Говорят, Маринка вчера уже груздей принесла. Бабы к ней высылали разведку: откуда? Из покотины или с Басалаевского хутора, из березняков? Но Маринка разве проговорится, пока груздь не понесут с разных сторон. Наоборот, наведет на обманный след.

Вот Митьке бы сейчас поперед всех угадать в Захаровские вырубки. Наверно, там от груздей и земли не видать. Оттуда в худые-то годы и то с пустой корзиной не возвращаешься. А уж нынешнее лето на особицу: как по заказу, перепадают грибные дожди.

Митька любил ходить по лесу. И на час-то вырвется, так обрадует мать: и на вареве и на соленье притащит. Он знал, где искать. В сухое лето шарь под деревьями у самых стволов, а в сырое грибы разбегаются по солнцепекам, выскивают место где потеплее. Старухи и то завидовали Митькиному умению.

— Ну у тебя и глаза, постреленок! Сквозь землю видят.

А какие глаза — чутье подсказывало. Продираешься по чащобнику, так примечаешь, что за места: мохом земля затянута — жди встречи с белыми; в мокрой траве не наступи на маслят; по урезу осинника не сомни подрумяненную яблоком шляпку красноголовика, в ельничке не просмотри рыжики.

Но грузди, грузди... Сбирать их Митька любил больше всяких грибов. Они, как правило, селятся не в одиночку, а тянутся мостами. В Полежаеве так и говорят: «Напал на груздинный мост». Рыжики тоже кучно растут. Но от них в корзине не так податливо, как от груздей. А этими... нападешь на хорошее место — за полчаса и корзину и берестяной заплечный мешок, который здесь зовут пестерем, наполнишь. Наберешь-то за полчаса, но до Захаровских вырубок ходу в три раза больше, чем работы. Как ни крути, полдня на это дело клади. А где они у Митьки, полдня?

И если бы не Маринка Петухова, не видать бы Митьке нынче груздей.

Как флаг, пронесла по деревне новость:

— Грузди, грузди пошли!

А грузди... упустишь слой — не воротишь: сегодня они есть, через неделю же и искать бесполезно, прекратился рост.

Полежаево всполошилось.

Мария Флегонтовна, Аликова мать, и та поддалась панике. Кинулась к Маринке:

— Своди моего парня.

А Маринка разве поведет.

— Ой, Мария Флегонтовна, не знаю, куда и вести. Я ведь на Басалаевском хуторе была, так все обломала. Мне не жалко, сводила бы, дак впустую время умелем... Ты бы лучше к Ване Микуленку сходила, у него парень, как ищейка, все места знает. Лучше Митьки грибника не сыскать.

Так и пришла Мария Флегонтовна к Митьке. Говорит, и с Николой понянчусь, и если долго не вернетесь, а пригонят коров, так Пеструху загоню во двор и поросенка закрою... Ни о чем не беспокойтесь, только сводите парня в лес.

Митька боялся, что мать заотнекивается — как же, оставит она с чужими людьми Николу, — но мать без уламывания согласилась:

— Пусть сходят. Алик места узнает, так и один потом сбегает.

То-то для Митьки был праздник.

* * *

Они вышли из дому поздновато: пастух уже прогнал по деревне коров. И Митька переживал, что не успеют они набрести на грибы, как солнце встанет на их пути. При встречном солнце рябит в глазах, и опавшие листья бог весть за чьи только шляпки не принимаешь. Мечешься из стороны в сторону как угорелый — и все впустую. Грибы лучше собирать, когда солнце стоит со спины. Вот тогда глаз становится спокойнее, зорче.

Тропа виляла берегом речки. На траве слезами лежала роса. Но, уже подсыхая, чадил осот и пахли медом багульники.

В кустах сновали дрозды-рябинники. В омутках, на солнышке, при приближении шагов испуганно всплескивали щурята.

День обещал быть знойным.

Тропинка свернула в лес. Митька слышал, как Алик сопел за спиной, и не оборачивался. Он боялся, что они опоздают к Захаровским вырубкам, что кто-то их обязательно опередит. Конечно, в лесу места хватит всем. Но обидно идти по чьим-то следам, натываясь на обрезанные корешки груздей. Выйди они из дому пораньше, эти грузди попали бы в их

корзины. А так еще неизвестно, что найдешь. Может, слой груздей давно отошел, и Маринка наткнулась на его остатки. Вот уж тогда от Алика насмешек не оберешься. Скажет: «У нас в Улумбеке, у нас в Улумбеке...» Митька даже голос его недовольный услышал. И почувствовал на спине насмешливый взгляд.

Оглянулся: нет, Алик и не думал смеяться. Пыхтел сзади, надламывая на поворотах тропинки лапы елочек. «Дорогу метит», — понял Митька и посоветовал:

— Не бойся, в лесу не оставлю.

— Да это на всякий случай. Мне еще папа советовал: «Примечай всё». А у него партизанский опыт.

Митька уж было заикнулся, хотел напомнить про обещание — самое время для откровенных разговоров, — но Алик опередил его:

— Я тебе потом расскажу про брата. Только ты смотри никому ни гугу.

— Чего ты меня предупреждаешь? Девчонка я тебе, что ли? Не проболтаюсь.

— Все равно потом. Вот поверю в тебя — и расскажу. Меня папа учил: первому встречному не доверяться.

— Да ты, Алька, что? В самом деле не веришь? Ну, чего хочешь сделаю для тебя. Хочешь, ножик отдам?

— Да ну, я ведь не побирушка. Я тебе сам подарю ножик, когда папа придет. Он без подарков не возвращается. В Улумбеке он всю улицу нашу одарил: кому ножик, кому гармошку губную, кому пистолет...

— Игрушечный?

— Ну даешь! Конечно, игрушечный. Настоящий по номеру на его имя записан. Потеряешь — за измену считается. Расстрел могут присудить.

— Ух-х, как у них строго!

— А иначе нельзя. Может, ты струсил среди врагов и, чтобы тебя не опознали, пистолет выбросил. Это же равносильно измене. Факт?

Митька кивнул головой:

— Факт.

Над ними с шумом, обламывая сучья, снялась какая-то птица.

Алик замедлил шаг.

— Да это сова, — успокоил его Митька. — Мышковала ночью и над тропой, видно, уснула. Мы потревожили.

— Ишь ты, а у нас в Улумбеке совы не водятся.

— Ну-у, здесь сколь угодно.

Тропа уже измелъчилась на несчетное число рукавов, и ее стало совсем незаметно среди черничника.

Алик время от времени делал заломы на деревьях, вырезал на замшелых елях залысины и все оглядывался, видны ли его отметины.

Захаровские вырубki начинались за Естехиным логом. Лог давно не косился, и его затянуло багульником, дудками и камышом, вымахавшими в рост человека. Митька сразу определил, что трава тут немая: значит, в рубках пока никто не бывал.

— Ну, наша взяла, — сказал он и удовлетворенно потер ладони одна о другую. — Готовь, Алька, корзину. Не может быть, чтобы без груздей воротились.

Пока перебирались через лог, изрядно вымокли в росе, и Алик заежился от озноба:

— У костра бы посушиться. — В нем не было прежней уверенности, он нахохлился, как воробей.

— Да ты что? Это же роса! Для здоровья полезно. Мне бабушка рассказывала, раньше больных специально в росе купали.

Солнце уже выходило с левого боку, высвечивая вершины деревьев. В его лучах искрились мокрые листья. Для Митьки хорошо знаком этот рассветный час. Пройдется поверху ветерок, обдунет лес, и листья, обсохнув, расправятся, зашеледят.

— Пошли. На ходу согреешься.

Они двинулись вдоль угора, натываясь на мокрую паутину, обмахивая ее с лица и выбирая проходы пошире, чтобы не угодить под росяной душ с кустов. Митька издали углядел под лапами ельника сахарную белизну гриба:

— Вот он, родименький!

Груздь обвесился бахромой, был плотный, как дерево. На зеленющих пластинках его обильно выступило клейкое молоко.

— Самое время ему, — сказал Митька и великодушно передал гриб Алику: — Первый — тебе. А ну поползай-ка тут на коленях.

Он не дождался Алика, сам приник к земле и стал шарить руками по подстилке из жухлых листьев. И мост из груздей потянулся от одной кочки к другой.

— Ты собирай здесь, а я дальше пойду, — продолжал великодушничать Митька, загорааясь радостью от ожидаемой и почти уже привалившей в руки удачи: «Есть, есть грузди!»

Алька, не веря глазам, суетливо срезал грибы ножиком и, торопясь, не успевал их складывать в корзину, сбрасывал в кучки, словно кто-то мог опередить его, обобрать те, что оставались пока на корню.

— Да не торопись ты, все твои будут.

Митька не успел выйти из поля Алькиной видимости, как опять напал на грибной мост.

— Ну, не кончились у тебя? — крикнул он Алику и огляделся, велика ли семейка груздей попалась ему на этот раз. Белые шляпки там и тут топорщились под листвою. — Давай сюда! У меня много.

Алик прибежал сломя голову:

— Где?..

Они обломали грибы и по урезу Естехина лога направились в вершину.

Насколько хватало глаз, впереди тянулся черничник. Для груздей лучшего места и придумать нельзя.

Но грибы, как назло, больше не попадались, будто под землю спрятались. Митька уж и в чащобу ельника залезал, и на другой берег Естехина лога бегал — только зря вымок. Да что за черт такой!

— Поворотили назад!

Они вернулись туда, откуда начали. Но, кроме обрезанных корешков, разве что-то найдешь? Уж раз «мост» кончился, так новый за десять минут не вырастет. Митька, правда, рядом со своими же срезами откопал еще два груздочка. Но ведь два — не сотня. Положил в корзину, и не видно, что прибыло. Под елочкой выпутал из травы штук десять рыжиков — холодные, скользкие, как лягушки. От этих тоже прибытку немного.

Алик уж подбивал Митьку на волнушки и сыроеги. Этих, как поганок, невпроворот.

Но стоило ли за ними в такую даль плестись. Их под Полежаевом на угорах хоть лопатой гребь!

Свернули в старую вырубку, затянутую березняком. Уж если и тут нету, то придется поворачивать оглобли домой. Ничего не поделаешь.

Но у Митьки теплилась надежда: должно же быть. Земля-то вон какая парная. На черничнике нету, так в березняке

уродилось. Год на год не приходится. По одно лето груздь прорезался в ельнике, по другое — в березняке. А нынче-то, пожалуй, на березняк и смахивает: дожди же идут. В ельнике-то и без дождей сыро, а тут целую неделю беспрестанно лило, затопило землю, до грибницы воздуху не проникнуть, какие тут грузди.

От догадки Митька повеселел.

В березняке было просторнее, лес проглядывался далеко вперед.

— Ты иди туда,— Митька махнул рукой в сторону гари,— а я здесь поищу. В четыре-то глаза больше найдем.

Они шли по лесу и аукались.

Грузди попадались здесь чаще, но одиночные. Митька уж совсем было упал духом: неурожайный год.

— У тебя-то там как? — крикнул он Алику.

— Пло-о-хо,— отозвался Алик.

— И у меня пло-о-хо,— ответил Митька.

Эхо пронеслось по березняку и затихло.

Солнце уже выкатилось к зениту. Лес ожил от шума листвы, и кусты больше не обдавали Митьку дождем, когда он лез через них напролом.

— Попадает чего-нибудь? — нетерпеливо поинтересовался Митька.

Алик долго не отвечал, и Митька, испугавшись, что он на безгрибье убежал далеко, сложил руки рупором и закричал на весь лес:

— А-а-лик!

— Ну, чего тебе? — отозвался Алик из-за ближних кустов.

— Попадает чего-нибудь?

— Плохо.

— И у меня плохо.

Митька внутренне уже решил возвращаться и пошел на сближение с Аликом. Он выскочил к гари и обомлел: поляна была усеяна свежими корешками груздей. Кого это тут носило? Митька присел на корточки, повертел перед глазами один корень, другой — недавний срез: зеленое молоко не успело обсохнуть.

— Алик! — удрученным голосом позвал он товарища, всматриваясь в кусты, за которыми Алик только что трещал валежником.

Кусты тянулись к логу, и за ними никого не было.

— А-а-лик, а-а-у! — крикнул Митька погромче.

— Ау-у! — отозвался Алик издали.

«Ты смотри, куда умахал», — подумал Митька и заторопился на голос.

По пути попалось еще несколько груздей-одиночек. Митька на ходу очистил их от налипшей хвои и листьев и снова наткнулся на следы «моста».

И опять корешки были свежие.

«Уж не Алька ли обломал? — подумал он и стыдливо отогнал неприятную мысль: — Ну, или не позвал бы...»

— А-а-лик!

Алик вывалился из кустов, тяжело избоченившись. Корзина у него доверху была набита груздями.

— У тебя-то как? — спросил Алик, ревниво заглядывая через плечо Митьки.

— Я же кричал тебе, плохо.

Алик поставил корзину на землю и, упершись руками в поясницу, прогнулся, разминая затекшую спину.

— Нет, я ничего, на три кустика набрел, — самодовольно улыбаясь, признался он.

— Да я уж видел обрезки, — сказал Митька тоскливо.

— Хорошие кустики. — Алик не чувствовал за собой никакой вины.

— Пошли! — сказал Митька сердито. — Дорогу-то домой запомнил?

— А как же! — Корзина у Алика натруженно поскрипывала. — Меня один раз проводи — на всю жизнь запомню. Потом хоть с завязанными глазами пройду.

Они стали спускаться к логу. И — надо же! — под ногой у Митьки неожиданно хрустнуло. Груздь раздавил. Нагнулся Митька — а по всему угору бело. Смотри ты, на солнышко высокочили!

Митька опомниться не успел, а Алик корзину свою отставил в сторону и запрыгал от груздя к груздю. Нарезет в подол рубахи — и к корзине. Нарезет снова — и опять вывалит в кучу.

Митька не спеша наполнил корзину. Теперь торопиться незачем: пошли груздочки. Хоть каждый день бегай сюда. А мать увидит, что не пустой вернулся, сама Митьку погонит в лес. И Николу найдет пристроить к кому.

— Ну, двинулись...

А Алик вертелся вокруг наваленной им горки груздей

и ничего придумать не мог. Рубаху было стащил с себя, хотел ее набить, да комары облепили спину. Пришлось отказаться от этой затеи.

— Митька, ну чего делать-то?

— А я знаю чего?

— Не оставлять же тут.

— Чего хочешь, то и делай.

Алик сложил грузди под елочку, забросал лапником, а на дереве залысину выстрогал.

— Сегодня же прибегу.

У Митьки пропало всякое настроение. Не груздей было жалко, а чего-то иного, чему Митька не находил объяснения.

Корзина и у него тяжело поскрипывала, а праздника на душе не было.

ТИШКИНЫ КОТЯТА

Старший брат снова надул Тишку. «Сходи,— говорит,— пожалуйста, за водой, а потом вместе за малиной пойдем». Тишка еле дотащил ведро от колодца, все руки вытянул, а выходит, и торопился зря: Славки уже и след простыл.

Тишка схватил корзину, кинулся было вдогонку за братом, до реки добежал, а перебираться по лаве на другой берег все-таки не решился: ведь брату и в лесу станешь кричать, так не откликнется — пропадай Тишка про́падом, ему и не жалко нисколько. Только дразниться и знает: «Переполошник, переполошник». Вот, скажет, струсил за нами в розыск пойти. А и не струсил вовсе, по-разумному поступил: если б Тишка знал, где малина, так и без брата ходил бы за ней не по одному разу в день, никаких бы медведей-сластен не боялся. Вот вам и переполошник!

Тишка повесил пустую корзину на руку и повернул домой.

Над Полежаевом беспокойно кричали вороны. С деревьев

облетал лист, и вороны кружились в листопаде, как в вытряхнутом из подушек пуху. Тишка приложил руку ко лбу, прикрывая глаза от солнца, и посмотрел в гору.

Сверху спускалась к реке Маринка Петухова и громко охала, разговаривала о чем-то с собой, размахивала левой рукой. Правая у нее была занята, поддерживала собранный в горсть подол фартука, в котором что-то угловато топорщилось. Тишка сначала подумал, что у Маринки в фартуке грибы. Но кто же грибы носит из дому в лес? И Тишка насторожился.

— Теть Марин! — посторонился он с тропки, когда Петухова поравнялась с ним. — Чего это в фартуке-то?

— Ой, Тишка! — еще громче запричитала Маринка. — Да ведь котят на реку топить несуд. Жизни от паразитов не стало: не изба, а кошачья ферма. Шагу ступить нельзя, так под ногами и вертятся...

Кошек у Маринки расплодилось и в самом деле полно. Вся деревня над ней насмехалась:

— Ты, Маринка, не в мясопоставку ли откармливаешь их?

А уж какая мясопоставка! Просто сердце у Маринки мягкое: живую душу не загубить...

— Ну-ка покажи, — попросил ее Тишка.

Петухова оттянула фартук: три пепельно-дымчатых комочка тесно жались друг к другу, незряче тыкались розовыми носами под лапки, в живот и зябко дрожали.

— Они что, слепые? — спросил Тишка и погладил котят. Котята, ощутив накрывшее их тепло, вытянули шеи, раскрыли шершавые рты. — Ой, да они ведь голодные! — догадался Тишка. — Ты чего их не покормила-то? — Он строго посмотрел на Маринку снизу, нахмурил брови. Ни дать ни взять, Маринкин начальник, а не Тишка-переполошник, которого ребята не взяли в лес. — А если они помрут?

— Тишка, да я ведь топить их несуд, — напомнила Петухова. А у самой и слезы на глазах выступили. — Ведь им теперь все равно, что сытые, что голодные...

Тишка вытаращил глаза. Да-а, положеньице. Котят было жалко.

— А они сами-то не проживут? — спросил он.

— Как это сами? — не поняла Маринка.

— Ну, если их в траву отпустить...

Маринка всплеснула левой рукой. Правая, с фартуком,

у нее тоже дернулась, и котят встряхнуло, перевернуло вверх лапками.

— Тишка, да ты как с луны свалился! — укорила его Маринка. — Где это видано, чтобы котята без кошки росли. Не мыши ведь...

Тишка поскреб за ухом. Маринка совсем его озадачила.

— Ну, а к другой кошке нельзя посадить? Не к матери?

Тут и Маринка не знала. На ее памяти такого не бывало еще.

Кто будет подсаживать котят к чужой кошке? Да и подпустит ли она их? Это ж не курица, которой своего цыпленка от чужого не отличить — все одинаковые.

— Не знаю, Тиша, — подавленно призналась Маринка. — Наверно, нельзя.

Но Тишку ее признание уже не остановило. Не пропадать же котяткам из-за того только, что они в Маринкином доме родились.

Да Тишка их коровьим молоком отпоит. Жить захотят, так и за резиновую соску ухватятся. Телята вон с пальца пьют... А они что, рыжие, что ли...

Тишка выдернул из-под штанов рубашонку и, оголив живот, собрал подол в горсть.

— Клади!

— Тишка, а может, в корзину лучше? — обрадовалась Маринка.

— В корзине их ветром прохватит.

Маринка переложила котят из фартука в Тишкину рубашку и осталась стоять у реки, не пошла с Тишкой: видно, боялась, что он передумает.

— Ой, только обратно ко мне их не приноси... Если чего, так сам...

— Да ты что? — рассердился Тишка. — И не подумаю топить. Выкормлю!

Тишка оглянулся.

Маринка Петухова медленно подымалась в гору: два шага сделает да постоит.

— Иди, иди! — усмехнулся Тишка. — Уж теперь-то и назад просить будешь, так не отдам.

Но Маринка вдруг встрепенулась, обеспокоенно запричитала:

— Ой, Тиша, ты, смотри, мамке не рассказывай, что это мои котята. Она ведь сразу тебя ко мне направит... Не рассказывай

смотри. Нашел, да и все... А то Варвара и на меня рассердится: «У себя,— скажет,— ферму развела, да еще и мне эту тварь подбрасываешь».

Ну что за баба... До седых волос дожила, а все как маленькая. Не зря и теперь Маринкой зовут. Она ж и вправду будто девчонка.

И Тишка, как ровесницу, припугнул ее:

— Мамка-то ничего, а Славка, пожалуй, и назад принесет. Как дознается, так и притащит. Он кошек не любит.

— Ой, Тишечка, не говори и ему. Никому не говори, миленький. Я тебе конфеток шоколадных куплю...

Уж хоть бы не обманывала Тишку. Что он, не знает ее? Купит она, дожидайся! При каждой встрече будет оправдываться, что потому-то и потому-то в магазин сходить не успела.

— У меня от сладкого зубы болят,— сказал Тишка независимо и больше ни разу не оглянувшись.

* * *

С котятами надо было что-то делать. Из резиновой соски пить молоко они не умели, с Тишкина пальца тоже не брали. Тишка уж им весь нос молоком укапал, а они хоть бы облизнуться додумались. Дрожат, как осиновые листья.

— Да вы хоть попробуйте,— отчаявшись, умолял их Тишка.— Это ведь лучше кошачьего. Кошачье-то — тьфу!.. А это все люди едят.

Котята не понимали хороших слов. Тогда Тишка пошел на насилие: сунет котенку в рот палец, а другой рукой выдавит из соски молока на шершавый язык — тот давится, не может сглотнуть. Мученье одно, а не животные! Угораздило же с такими связаться...

Тишка уж не на шутку забеспокоился, что котята умрут: подумать только — с утра голодные! Жмутся друг к дружке, холодными носами шарят по животам. Наверно, один другого за мать принимают. Не слепые бы, так разобрались. А слепым, конечно, не видно.

Да-а, котятам без матери не прожить.

Тишка устроил им гнездо в предбаннике, подальше от досужих глаз. В избе сделай, так Славик сразу наткнется.

«А это еще что за зверинец? — спросит.— Вони без них не хватает, что ли? И так две кошки в дому...»

Он Мурку — ту кошку, которая вместе с ним выросла,

почти ровесницу свою — и то не милует: попадется под ногу, так отшвырнет к стене! А уж можно бы взять в расчет, что, по кошачьим понятиям, Мурка совсем старуха, что ее можно б и пожалеть.

«Да ну ее! — отмахивался Славик. — Она только рыгает. Уж нельзя, так не ела бы...»

Молодой кот ему, конечно, не дастся, от пинка всегда увильнет. А эта — пойдет Славик навстречу — присядет, сожмется вся, будто загипнотизировали ее. Ну, а Славка уж просто так не минует Мурку, обязательно заденет ногой.

Мать, не выдержав, отвешивала Славке подзатыльника.

«Ну что за бессердечный такой!.. — сердилась она. — Сам-то состаришься, так, может, хуже Мурки будешь в ты-счу раз...»

«Сравнила тоже, — обижался Славик. — Я — и кошка. Кошка-то ведь не человек. Ее все пинают».

«Ой, Славка, не знаю, что за живодер из тебя растет», — сокрушалась мать.

В ограде кто-то оглушительно засвистел.

«Явился», — обеспокоенно догадался Тишка и накрыл котят тряпкой.

Щель между косяком и дверью в предбаннике была очень широкая. В нее свободно можно просунуть пальцы и открывать или закрывать себя на завертушку.

А уж для наблюдательного пункта лучше места и не придумать.

Тишка прислонился лбом к щели.

Славик подбрасывал вверх корзину и, когда она, кувыркаясь, падала, ловил ее, как волейбольный мяч.

«Набрал малины, — усмехнулся Тишка. — Хотя бы само наелся. А то, наверно, и ягодки в рот не попало».

— Тишка-а-а! — устав свистеть, закричал Славик. — Ты куда запропастился?

Тишка полуоткрыл дверь и, ящерницей юркнув через порог, спрятался в траве. Дверь сама отошла к косяку. Если и распахнется настежь, так только при большом ветре. «Ладно, потом закрою», — решил Тишка и пополз бороздой к гряде, на которой они копали для поросенка картошку. Там он выпрямился и взялся за вилы.

— Тишка-а! — опять закричал Славик.

— Ну, чего орешь? — отозвался Тишка. — Не видишь, картошку копаю.

Славик перемахнул через изгородь, подошел к брату.
— Мама не приходила? — подозрительно спросил он.
— Нет.

Славик успокоился, сел на сложенную кучей ботву:

— Правильно, что ты не пошел с нами... От малинки-то одни воспоминания остались.

— Кто не пошел? Я? — изумился Тишка. — Да вы же сами меня оставили.

— Ну, Тишка, и переполошник ты, — сказал Славик. — Я же тебе русским языком сказал, когда ты за водой побежал: «На угоре в березнячке будем ждать, догоняй». А ты и не подумал нас догонять... Вообще-то и правильно: кто-то всю малину до нас обобрал.

Тишка, как Маринка Петухова, руками всплеснул:

— Ну, Славочка, ты и заливать!.. Ни про какой угор ничего не говорил. Зачем выдумываешь-то?

— Да ну тебя! — раздраженно отмахнулся Славик. — Вечно ты так: сам перепутает, а на других обижается.

Он откинулся на спину, задрал ноги вверх, а потом, резким махом поставив их на землю, вскочил:

— Ну, раз начал копать, так копай. А мне еще в одно место надо сходить.

— Ага, копай, копай!.. — для приличия огрызнулся Тишка: уж сегодня-то он был рад-перерад, что брат снова убегает. — А ты-то чего будешь делать?

— Я ж тебе сказал: в одно место надо сходить.

— Ты забыл, мама наказывала дров наносить, а то все я да я...

— А ты не носи — без тебя сделаю.

Он, посвистывая, вразвалочку направился из огорода.

— Лоботряс! Опять от работы отлыниваешь! Да когда только и перестанешь на мне выезжать!

Славик прибавил шагу. А Тишка, как только брат скрылся из виду, шмыгнул в предбанник.

Котят успокоенно спали и не шевельнулись даже, когда Тишка снял с них теплую тряпку. «Ты смотри, уснули, как сытые», — подумал он.

А может, и сытые в самом деле? Много ли крохам таким надо: Тишка ведь сколь-нибудь капель да влил им в рот коровьего молока...

Он вновь надернул на котят тряпку, закрыл на завертушку дверь и отправился докапывать картошку.

А в голове неотступно стучало: «Без матери пропадут». Он уж подумал было притащить кошку от Петуховых, да остановило его то, что Маринкина кошка в их предбаннике жить не будет, а перенесет своих котят снова домой. У Маринки же насчет них намерение твердое — топить.

Нет, Тишка котяткам не враг.

* * *

Вечером мать вернулась с работы и расхвалила сыновей:

— Вот молодцы! Всё в доме переделали: пол подмели, воды принесли, дров наготовили. С такими помощниками и помирать не захочешь..

— Мама! — заторопился Славик, перебивая ее.— А я сегодня и за малиной ходил... Только там кто-то до нас побывал и ни одной ягодки не оставил.

Варвара Егоровна ласково засмеялась:

— Да признайся по-честному, пока домой шел, все и съел.

— Нет, мама, спроси у Вовки Воронина, я с ним ходил.

— Ну-у, этого свистуна я знаю. Вы друг друга стойте... Вот если бы с Тишей ходили, так всё до ягодки принесли.

Она погладила Тишку по голове, а Славик, насупившись, повернулся к кровати и ни с того ни с сего стал взбивать подушки, поправлять покрывало, подтягивать подзор.

— Ты что это на ночь глядя?— удивилась мать.

— А чего-то больно все жамканое,— буркнул Славик, оправдываясь.

Тишка не находил себе места, все ждал, когда мать достанет с печи подойник и пойдет к корове во двор. Может, парное молоко котят взвеселит? Ведь из кошки-то они парное и пьют. А он придумал их холодным поить... Маленьких таких...

— Что, детинушка, невесел? — шутила мать.— Что головушку повесил?

— А я молока парного хочу! — озадачил он мать.

Варвара Егоровна удивленно вскинула брови: бывало, и кружку не заставишь выпить, а тут сам запросил. Уж здоров ли?

Варвара Егоровна, тревожно оглядываясь на Тишку, сняла с печи опрокинутый вверх дном — сушиться — подойник.

— Сейчас напою.

И только звякнула она ведром, как из-под печи вылезла кошка, прогнула спину, вытянув назад ноги, и тихо мяукнула.

— И тебе молока? — засмеялась Варвара Егоровна. — Ну какие все сегодня голодные...

Тишку будто бес подтолкнул. И на языке ведь не вертелось, а тут сразу бухнулось:

— У нее, мама, котята родились. Я их видел сегодня.

— Где? — загорелись глаза у Славика.

Так ему Тишка и скажет.

— Под печку залезли, — слукавил он.

Славик было полез под шесток, но мать остановила его:

— Тебя там только и не хватало! Ты уж, пожалуйста, им не мешай. Подрастут — сами выйдут на свет...

Славик все же заглянул в прорубленное под шестком оконце, но где там — как в преисподней, ничего не увидишь. Без матери он бы, конечно, ухватом пошуровал, а при Варваре Егоровне не решился.

— Сколько их там? — спросил он отрывисто.

— Три... Вот такие малюсенькие. — Тишка сжал ладонь в кулачок. — Ну, может, немного побольше.

Варвара Егоровна остановилась в дверях:

— А я смотрю, чего это Мурка вдруг похудела? Во-о-о оно что... — сказала она задумчиво. — Ну, теперь надо ее получше кормить: трое-то продоят, как корову.

Она почему-то замешкалась, и Тишка уже загоревал, что сообщил про котят не вовремя.

Они, бедные, с голоду там помирают, а мать тары-бары разводит, никуда не торопится.

— Мамка, я молока хочу... — заканючил Тишка.

— Да успеешь ты! — рассердилась мать и звякнула ведром о косяк.

Она сходила на кухню, взяла для коровы кусок хлеба и опять остановилась в дверях:

— Ты смотри, трое, на старости-то лет... А в последние годы у нее всё мертвые рождались... Тишка, дак ты живых ли видел?

— Живых, живых...

Но Славик сразу же подхватил материнскую тревогу:

— Действительно! Может, опять мертвые. Я, мам, сейчас посмотрю.

— Да сиди ты! Сиди! — прикрикнула Варвара Егоровна.

— Мам, дак если мертвые, ведь на весь дом завоняет, — выставил Славик убедительный аргумент.

— Ничего, не велик и барин, пронюхаешься, — сказала Варвара Егоровна и пригрозила сыну: — Ну, Славка, смотри, сунешься к ним с клюкой — голову оторву! Сейчас их долго ли покалечить.

Она ушла во двор, а Славик покрутился-покрутился около печи, но материнскую угрозу, видно, запомнил.

— Вот бы фонариком туда посветить! — предложил он.

— Разве увидишь? — хладнокровно возразил ему Тишка. — Они вот в этом, в левом, углу... В ближнем...

— Да, в ближнем не разглядишь, — согласился брат. — Ну ладно, я сейчас к Алику Макарову сбегая...

«За фонариком ведь», — разгадал его намерения Тишка и на всякий случай предупредил:

— Фонариком нельзя. Светом их ослепит — напугать можно.

Но Славку не остановить. Выскочил за порог, скатился по перилам и уже запрыгал под окнами на одной ноге.

Тишка огляделся в сумеречной избе. Где-то под потолком назойливо пищал комар. Бились в освещенные закатным солнцем окна сонливые мухи. По половику, тяжело оступаясь, вышла из кухни застаревшая кошка, уселась перед столом и стала «намывать гостей». Она и в самом деле заметно похудела. А давно ли ходила пузатая...

— Мурка, Мурка... — позвал ее Тишка. — Не надо нам никаких гостей... Наши гости в бане сидят. Или у тебя свои есть?

Кошка ласково ткнулась ему в ноги и закружила вокруг них, как среди деревьев, прижимаясь впалыми боками.

— Надо, Мурка, покормить и чужих.

Тишка взял ее на руки, погладил и пошел с ней в баню. Кошка доверчиво терлась ему головой о руки, мурлыкала.

В предбаннике было темно, и Тишка оставил дверь незакрытой. Закатные лучи выкрасили стены в малиновый цвет.

Тишка, не выпуская кошки из рук, уселся в углу на щелестые половицы и запустил руку под тряпку, холодея от мысли, что котята уже мертвы. Котята — все трое — были тепленькие. Тишка отбросил тряпку и посадил почуявшую неладное, с вытаращенными глазами кошку на гнездо. Кошка не поджимала ноги, не собиралась ложиться. Она зло шипела, скалила пасть.

Тишка одной рукой прижимал ее спину к тряпкам, опрокидывал к котяткам, а другой, успокаивая, чесал за ухом.

— Мурочка, ну покорми ты их... Это детки твои... Разве ты не узнала?

Мурка, не остерегаясь, наступала на котят, упиралась в них лапами и, не переставая шипеть, норовила вырваться.

— Ну, Мурочка, миленькая...— уговаривал Тишка.— Я же тебя никогда ни о чем не просил. Первый раз в жизни... Ну покорми ты их, они с голоду помирают. Я за тобой, как за барыней, буду ходить...

Котят шевелились, поднимали головы и, падая, оскальзываясь, лезли под кошку. Тишка хотел по одному подсаживать их к Муркиным соскам, но они обошлись без его помощи, запричмокивали...

И Мурка вдруг стихла, устроилась в гнезде поудобнее и стала облизывать котят. Они рвали ее живот, а она прижимала их лапами к себе и облизывала.

Тишка не верил себе: «Да неужто за своих приняла? Вот это да-а...» Он сидел на холодном полу, не зная, что теперь ему делать: то ли бежать домой, то ли дожидаться, когда, насытившись, котятки отвалятся от сосков и заснут.

И все-таки он до конца не поверил кошке. Мурка ж старая, хитрая, понимает, что, раз Тишка пристал к ней с котятками, не отвяжется, пока она их не покормит. А стоит Тишке уйти, как стряхнет их с себя и поминай как звали.

Мурка оглянулась на Тишку, устала на него зеленые с продольными черточками глаза и замурлыкала, будто успокаивая своего маленького хозяина, что все, о чем он просит ее, она выполнит.

«А может, и в самом деле Мурка снова мертвых родила?— подумал Тишка.— А теперь вот решила: ожили».

Котят умиротворенно затихли, но кошка не выдавала никакого желания оставить их.

— Муры-ы-сенька-а...— умилился Тишка.

Кошка зажмурилась и, раскрыв зубастую пасть, зевнула.

* * *

Славка уже высвечивал фонариком щели подпечка.

— Ой, мама, чего-то пахнет,— кривил он нос.

— Руки, наверно, полгода не мыл, вот и пахнет.

— Не-е, мам, и вправду, вот понюхай иди.

Мать разливала по кринкам молоко:

— Буду я еще лазить за вами везде! Только и дел мне — приноживаться ко всему...

— Дак чего делать-то? — изображал растерянность Славик. — Ведь нельзя же их так оставлять... Вони будет — не продохнуть...

— Отвяжитесь вы от меня, ради бога! — взмолилась мать. — Придешь с работы, так только вас и слышать, хоть бы помолчали с минуту.

Она нацедила сквозь марлю пол-литровую банку молока и повернулась к Тишке:

— Ну, просил, так пей. Чего не берешь?

А для Тишки парное молоко всегда поперек горла. Он бы холодного и три банки выпил подряд, а от парного к горлу подступала неожиданная тошнота. Вот, говорят, парное молоко очень целебное. Но ведь Тишка здоровый, ему лекарствами пичкать себя ни к чему — пусть пьют те, кто болеет. А он как-нибудь обойдется и без него.

— Ну, чего стоишь, будто столб? — поторопила мать.

Тишка, пересиливая себя, сделал два глотка и невольно задержал дыхание: к горлу подступал неприятный комок.

— Я, мам, потом допью.

— Во-от, — укорила мать, — все не по вам... Уж и сами не знаете, чего и просить... Голодом бы с недельку вас поморить, так, небось, не стали бы разбираться, что вкусно, а что невкусно. Что подадут, то и ели бы.

— Мама, да я все выпью, — остановил мать Тишка. — Ты только Мурке налей. Она ведь голодная ходит: ее котята доят.

Славику надоело возиться под шестком, он уж и то на волосы обобрал всю паутину, она с него так катышами и свешивалась.

— Нет, никого не видать, один запах... Все-таки мертвые, наверно.

— Ты сам мертвый! — обиделся за котят Тишка.

— Ну, а почему тогда ни разу не пискнули?

— У тебя пискни, — нашелся Тишка. — Они уж знают, с кем дело имеют. Потому и молчат.

— Да ла-а-дно тебе, — протянул Славик. — Тоже мне, кошачий защитник нашелся. — И он вылез из-под шестка.

Варвара Егоровна собирала на стол: прижимая к груди,

резала на тарелку хлеб, разбавляла молоком творог, доставала яйца, выдвигала на середину соль.

— Ти-ишк! — начала она осторожно, когда уселись ужинать. — А чего все же с кошками-то будем мы делать? Две есть, да три вырастут. Как у Маринки, ферму, что ли, нам открывать?

Славик обрадованно захохотал:

— Во-во!... Три вырастут, да девятых родят.

Тишка понял, куда они клонят, и у него кусок не полез в рот.

— Тебе бы, Славочка, только топить... — захныкал он. — Ты и Мурку угробить рад...

Варвара Егоровна пригладила Тишкины волосы.

— Да не реви, дурачок, раньше времени... Я ведь ничего такого и не говорю... Зачем топить? Пусть живут. Только я задумываюсь, чего с ними делать потом.

— Отдадим кому-нибудь, — подсказал Тишка.

— А кому? — покачала головой мать. — В каждом доме по одной да по две кошки живут.

— Мама, — возразил ей Тишка, — белый свет ведь не на одном Полежаеве клином сошелся. Я в другие деревни схожу, там поспрашиваю.

Варвара Егоровна снова погладила сына по голове и, будто бы рассуждая с собой, продолжала:

— Мурку, хоть и старая она, выбрасывать жалко, привыкла я к ней. Пусть уж до смерти у нас доживет. Васька ловчий очень, не шварничает: ну-ка, на столе хоть чего оставляй — не заденет. И на улицу захочет, так голос подаст, не забьется в угол...

Тишка чувствовал, что она подбирается все же к его котяткам.

— Мама, а ты ведь про этих-то ничего не знаешь... Может, они ловчее Васьки вырастут.

— Может, и ловчее, — вздохнула она. — А вот подожди, папка вернется с курсов, как он посмотрит на наше пополнение?

— Мама, да папка ведь тоже человек...

И все же Тишка задумался: отец, конечно, несговорчивей матери. Учеба у него кончается через восемь дней. Но ведь если он сдаст все экзамены хорошо, так и настроение у него будет хорошее. Ой, только бы ему легкие билеты достались...

Ночью Тишке снилось, как отца спрашивают сразу десять учителей, и каждый-то лезет из кожи, стараясь задать такие вопросы, чтобы отцу не выпутаться. И только один, седенький, в круглых зеленых очках с продольными, как кошачьи зрачки, черточками, подбирал вопросы попроще, но отец как раз на них и сыпался.

«Вот у вас на сушилке,— говорил седенький,— опять по ночам свет горит. Надо выключить».

И отец лез под крышу выкручивать лампочки.

«Папка, да рубильник же есть!»— подсказывал Тишка, но отец не слышал его, топтался на приставной лестнице и не мог дотянуться до лампочек.

Седенький учитель качал головой: «Нет, нет, нельзя ему электриком в колхозе работать, нельзя... Давайте лучше Тишку пошлем... Он все знает...»

Тишка проснулся от шепота: мать кого-то горячо убеждала:

— Если бы он не знал, что они родились,— другое дело. А он же знает... Он же видел их. Зачем ребенка травмировать?

— Да, конечно,— отвечал ей знакомый голос.

— А я уж, признаться, думала, что она опять мертвых родила,— шептала мать.— Смотрю, третьеводни заявила худющая такая, тоскливая — опросталась, вижу,— и сразу на печь. Три дня с печи не слезила, туда ей и блюдец с молоком подавала...

— Так неужто котята три дня голодом жили?

— Папка! — закричал Тишка, окончательно проснувшись. Выскользнув из-под одеяла, он зашлепал по настывшим половицам к кровати отца.

— Папка, а ведь тебе восемь дней оставалось?

— Досрочно сдал, поэтому и отпустили пораньше.

— Ага! — торжествуя, заколотил Тишка ногами по отцовской постели.— Значит, ты добрый приехал? Я так и знал. Ну что, мамочка? Чья взяла?

Мать беззвучно смеялась.

Утром Тишка не нашел под тряпкой котят. Гнездо отволгло от ночного тумана и было холодным.

Первое подозрение у Тишки пало на Славика, но брат еще не вставал, распластавшись, лежал на кровати. Не мог же он ночью бегать в баню. Его, сонного, в туалет и то не поднимешь: помычит, помычит, перевернется на другой бок да и опять засопит носом.

Мамка с папкой на такое дело пойти не могли. Им Тишка все-таки доверял, не обманщики.

Да ведь — самое главное! — кроме Тишки, никто и не знал, что котята находились в предбаннике. Кто же это его подследил?

На росной тропинке вычернился всего один след — Тишкин. Неужели с вечера кто-то забрал их?

Тишка вернулся в избу угрюмым.

— Что, детинушка, не весел? — затянула было Варвара Егоровна, но Тишка бросился ей в колени и заревел:

— Ко-о-тят украли-и...

— Да кому же они нужны, дурачок ты мой...— прижав Тишку к ногам, сказала Варвара Егоровна.— Под печкой где-нибудь и лежат... Вон Славик фонариком светил, так и то не увидел. А ты сразу: ук-ра-а-ли-и...

— Да-а, они под печкой и не были никогда...— уже совсем распустил нюни Тишка.— Я их в предбаннике под тряпками прятал...

— Ну, а кошка-то где их кормила?

— Та-а-ам и корми-и-ла...

— Господи, ну что за наказание на мою шею свалилось...— притворно захохала мать.— Только и не хватало мне кошкиных котят искать.

Тишка вырвался из объятий Варвары Егоровны и зареванными глазами посмотрел на мать:

— Мамочка, да они ведь не кошкины...

— А чьи?

— Мо-о-и...

Тут уж Варвара Егоровна не сдержалась, легонько оттолкнула сына от себя и захохотала:

— Ну, Тишка, с тобой хоть стой, хоть падай... «Мо-о-и-и»...— передразнила она и опять засмеялась. Живот у нее мелко затрясся.

Славик поднял всклокоченную голову от подушки и тоже передразнил:

— «Мо-о-и-и»... — У него спросонья получилось так, будто промычала корова: «Мо-о-у»...

— А ты не мычи там! — сразу унял слезы Тишка: при старшем брате он никогда не ревел; Славка и сейчас не услышал бы Тишкиного плача, если б не притворялся спящим.

Но Славик был настроен миролюбиво.

— Ладно, помогу их тебе найти, — великодушно предложил он.

— Ага, поможешь, — разгадал его маневр Тишка. — Опять скажешь: «Воды принеси... Накопай картошки...» А сам только вид сделаешь, что будешь искать.

Славик пропустил критику мимо ушей, свесил ноги с кровати и, прижав кулаки к плечам, потянулся.

— Никуда не денутся твои котята, — бодро сказал он. — Где-нибудь там же по бане и шныряют. Найдем! Вот подожди, я только оденусь...

— Ай-ай-ай... — удивленно покачала головой Варвара Егоровна. — Так это разве не Славик вчера и воды принес, и дров наготовил? — Она вприщур посмотрела на старшего сына. — А я-то его стараюсь хваливаю, говорю «молодец».

— Ты «молодцы» сказала, — поправил Славик и побегал умываться.

Варвара Егоровна взяла Тишку на руки, будто маленького.

— Тишка, какой же ты у меня хороший, — прочувствованно сказала она.

Тишке сделалось неловко, что брат может увидеть его на руках у матери, и он стал извиваться, чтобы соскользнуть вниз.

— Стыдишься? — спросила мать. — Какой же ты у меня большой и какой маленький.

Варвара Егоровна поставила сына на пол.

— Вот что, Тишка, скажу тебе, — проговорила она. — Ты не ищи их больше, котят своих. У них глаза прорежутся, и Мурка их сама приведет...

Тишка задумался. Если даже мать не права, у него все равно другой надежды увидеть котят не оставалось.

Мурка вела себя, будто ничего не случилось. По-прежнему жалась к Тишкиным ногам, преданно и невозмутимо смотрела ему в глаза и, если Тишка нагибался ее погладить, охотно и громко мурлыкала, вытрубив свой пушистый хвост.

Тишка, приседая на корточки, пристально вглядывался в продолговатые черточки темных зрачков.

— А ну признайся по-честному, где они? — спрашивал он грозным шепотом.

Мурка, как ни в чем не бывало, терлась головой о его колено и не обращала внимания на Тишкины угрозы.

— Мурысенька, да неужто и ты про них ничего не знаешь? — допытывался Тишка, и губы у него предательски вздрагивали.

Похоже было, что кошка потеряла интерес к подброшенным ей котяткам. Тишку больше всего угнетало, что она целыми днями валялась на печи или, когда солнышко вытягивало поперек половиц продолговатые скатерти света, свернувшись в клубок, располагалась на них. Тишка насильно выгонял ее из избы. Она, посидев у дверей, дожидалась, когда кто-нибудь выходил на улицу, и проскакивала под ногами в дом. А если она вдруг и просилась, чтобы ее выпустили на двор, то отлучки были очень непродолжительными.

Конечно, чего ей кормить чужих котят? Да и живы ли они? Может, Мурка же их и убила? Ведь у кошек бывает по-всякому, у них сознание свое, не такое, как у людей...

Тишка уселся на крылечке, выставив голые ноги под увядающее солнце. Было по-утреннему тихо. С березы неспешно осыпались зашелушившиеся сережки. Их сердцевидные пластинки усеяли двор золотистыми блестками и всё текли и текли по-над крышей колышущейся сквозной кисеей, оседая потом на землю, как изморось, накапливаясь в копытных следах, в выбоинах, в щелях деревянного тротуара, в траве-мураве.

Из дому выскочил Славик с куском хлеба в руке.

— Опять на ходу жуешь? — подражая матери, укорил его Тишка.

— Да ладно тебе, не приставай, — отмахнулся брат.

— Вот подожди, заболит желудок, узнаешь...

— Не твое дело.

Славик что-то задумал и был возбужденно деятелен. Он перемахнул через изгородь, сбегал в баню, потом заскочил в дровяник. Тишка услышал, как под ним раскатилась, загромыхав, поленница. Потом Славка выскользнул в слуховое окно на крышу, зачем-то, рискуя свалиться, вприсядку спустился к ее обрезу, ухватился за выпирающую стропилину и, зависнув вниз головой, заглянул под тесовую кровлю, где вили гнезда голуби.

У Тишки с земли-то смотреть на брата и то перехватило дыхание. А Славик, распластав ноги, лежал на крыше, как на кровати.

— Порядок! — прокричал он и тем же путем, через дровяник, спустился в ограду.

— Чего порядок-то? — обнадеживаясь догадкой, спросил его Тишка.

Славик многозначительно помолчал.

— Ты вот что, Тишка... — сказал он наконец. — Ты сегодня дров опять наноси, воды притащи два ведра, на веники наломай березы, картошки не забудь накопать, корову запри, поросенка домой пригони, овец закрой...

— А ты-то...

— Я тебе, Тишка, два раза повторять задание не буду.

Чего-то со Славкой происходило таинственное: раньше он так не командовал, и Тишка перестал упираться, предчувствуя, что попал в какую-то прямую зависимость от брата.

— Вот когда все сделаешь, котятка будут твои, — провозгласил Славка.

— А они что? Под крышей? — робко поинтересовался Тишка.

Брат не удостоил его ответом.

— Ну, я к Алику Макарову побегу. Мы с ним беспроволочный телефон изобретаем.

На беспроволочный телефон посмотреть, конечно, тоже бы интересно. Но Тишка знал, что его к изобретению и близко не подпустят, да и дел предстояло переделать немало. За какие-то надо было браться с утра — сходить в березняк за вениками, наносить дров и воды, накопать для поросенка картошки, промыть ее, — а то потом, когда пригонят скотину, только успевай поворачиваться: то овцы улизнули неизвестно куда, ищи их по всем дворам — никогда своего дома не

знают,— то поросенок сбежал, да и корова, если встретишь ее без куска, вздымет хвост и, как годовалая телушка, метнется от тебя вдоль деревни; пока завернешь ее, и душу богу отдашь.

Тишка взял вилы, пошел в огород копать картошку.

От бани несло полынным угаром. У закоптившегося оконца горели красным огнем цветы иван-чая. Тишка любил слизывать с их лепестков выступавший мелкими росинками мед. Он и сейчас, воткнув вилы в грядку, направился было по колкой косовице к бане, как журавль переставляя босые ноги, но непредвиденное обстоятельство остановило его.

По тропке неторопливо пробиралась кошка, ее серая спина спокойно покачивалась среди черствеющего окосья. «К котятм идет!»

Тишка изумленно замер. Кошка посмотрела на него и, поджав хвост, уселась. Тишка равнодушно отвернулся, а сам косил глазом в ее сторону. Кошка продолжала невозмутимо сидеть. Тишка лег в траву, намеренно демонстрируя, что не обращает на нее никакого внимания. Кошка тоже хитрила. Выбрав на тропе местечко поутоптаннее, она свернулась клубком и закрыла глаза. Тишка с досады чуть не плюнул, но решил взять Мурку измором. Неужели уж у него меньше терпения, чем у нее...

Он повернулся на бок, подставив спину солнцу, и вприщур стал следить за кошкой. Она не подавала никаких признаков беспокойства и, сунув голову между лап, дремала.

В траве, перед Тишкиными глазами, сновали муравьи. По засыхающей трубочке обрезанной тимopheевки ползла кверху божья коровка. От травинки к травинке плел тягучую паутину тенётник.

Тишку разморило под солнышком, и он не заметил, как уснул.

Проснулся он, когда кошки не было на тропе, а голова, как чугун, гудела.

Солнце уже не припекало спину, переместилось к тополям, показывая, что давно миновало время обеда, и Тишке надо было торопиться, чтобы до возвращения матери переделать и свои и Славкины дела.

Вечером брат хохотал и подпрыгивал на одной ноге, напевая дразнилку:

Обманули парняка
На четыре кулака.
Еще бы кулак —
Был бы Тишка дурак.

Тишка не выдержал, схватил с земли палку и запустил в Славика. Славик увернулся от нее, да Тишка и бросал так, чтобы не попасть в брата, а только припугнуть, показать, что он разъярен.

Еще бы кулак —
Был бы Тишка дурак,—

повторил Славик самые обидные строчки, высунул свой широкий, как лопата, язык и, подразнив Тишку, опять убежал в деревню. Теперь ему что не бегать: убедился, что Тишка все материнские наказания выполнил, и на душе полегчало: не будет взбучки. А Тишка-то хорош, поверил братовым басням. Ну-ка, какая кошка полезет по отвесной стене в голубятню? Да еще с котятами в зубах. Ну и простофиля же ты, Тишка, ну и разиня! Ведь и голуби не стали б гнездо вить там, где их кошка может достать... Вот всегда умные-то мысли приходят после поры. Обвел братец Тишку вокруг пальца, как маленького. Да что там братец! Возьми кошку — и та его обдурила. Ну что за полоротый такой!..

Тишка казнил, не находя себе места.

Нет, уж больше-то Славке он и на грош не поверит. И за Муркой, если возьмется следить, уследит. Ему бы только дознаться, живы котята или неживы. А там уж он не стал бы кошке мешать, если она его так стесняется: корми на здоровье, Тишка подглядывать не будет.

Тишка обследовал в бане каждую половицу, заглянул под полук, прощупал руками темные углы — никакого намека на котят. Приоткрыв дверь, по скобам, которые прибиты были на разном уровне — из предбанника выше, а из бани пониже, — взобрался на потолок, но только вывозился в тенётах.

— Тишка,— остановила его Варвара Егоровна, направлявшаяся во двор к корове,— ты же им только хуже делаешь: найдешь, так встревожишь — кошке новое место придется искать.

У Тишки дрожала губа: ну почему мать о главном-то не подумает? Ведь, может, этих котят уже и в помине нет? А она все об одном поет: встревожишь, встревожишь...

— Мне бы, мама, одним глазком на них только взглянуть,— начинал он кукситься.

— Ну и беспонятный же ты у меня,— ласково укорила его мать, прислонилась к изгороди и повесила подойник на кол.— Выведет вот через неделю их Мурка — насмотришься. Еще и надоедят.

— Мама, да не Муркины ведь это котята,— опять подступал к недовысказанным сомнениям Тишка, но мать опережала его:

— Знаю, знаю — твои...

В глазах у нее лучился беззастенчивый смех. Вот и поговори с такой: смешинка в рот попадет, так никого, кроме себя, не замечает.

Тишка, понурившись, побрел из огорода.

Тревожно попискивая, над землей носились стрижи, едва не касавшиеся дороги. Неуютно хохлились курицы. Напыжившись, сидели над застрехами воробьи.

Тишка, гнетомый тяжестью на душе, сел на крыльцо.

Варвара Егоровна сняла с кособочившегося кола подойник, открыла двери к корове. Из двора пахло парным молоком.

Тишка прислушался, как дзинькали о ведро тягучие струйки, как мать уговаривала корову не мотать хвостом.

Из-за угла вывернула кошка и, горбятя спину, закружилась у Тишкиных ног.

Тишка нехотя оттолкнул ее от себя, но она, не обидевшись, запрыгнула на ступеньку, мурлыча, придвинулась к Тишке вплотную и улеглась.

— Нуж-ж-на т-ты м-мне,— зло закричал на нее Тишка,— как телеге пятое колесо!

Он спихнул ее со ступеньки. Кошка непритязательно устроилась внизу, обвила передние лапы хвостом и, недоумевая, следила оттуда за Тишкой.

— Ну чего глазищи-то выворотила? — возмутился он.— За нос водишь и рада?

Он прогнал ее взмахом ноги. Кошка, оглядываясь, пошла к воротам, пролезла под нижнюю жердь, ящерицей скользнула в траве и направилась тропкой к бане.

— Ну да, так я тебе и поверил! — возмутился Тишка ее нахальством.

Мурка снова выбралась на вытоптанный в окосье пяточек земли и уселась умыться.

— Сиди, сиди... Думаешь, опять меня усыпишь? Да я за тобой и следить не буду... Иди куда хочешь.

Тишка отвернулся к дороге. И пока он, набычившись, сидел вполоборота к бане, кошка провалилась как сквозь землю.

Тишка забегал по ограде, закидал, но Мурка не отзывалась. Он заглянул в баню, обследовал кусты малинника и заросли иван-чая — кошки нигде не было.

— Мама, она к котяткам ушла! — закричал Тишка.

Ржаво скрипнула дверь. Варвара Егоровна, не обращая внимания на возбужденного сына, вытянула в руке ведро с молоком, боком выпятилась на улицу.

— Чего-то сегодня Пеструха в удое сбавила, — озабоченно сказала она и пошла в избу.

* * *

С утра заморосил мелкий дождь, к полудню же он так разошелся, так разохотился, что не оставалось никакой надежды на чистый закат. Сумеречный день по-сумеречному дотлел и, минуя границы вечера, сгустился в непроглядную ночь, а та так же незаметно уступила свое место новому заволочному дню. Да вот так и пошло и поехало: на целую неделю зарядило ненастье.

Тишка, пока кошка отогревалась на печи, не выходил из дому. Но как только она за порог, он хватал с вешалки пиджачишко и устремлялся за ней. Но уж если в ясный-то день ее не уследишь, то в такую погоду и подавно. Мурка вспрыгивала в сених на ларь, с которого, как белка, распушив хвост, перемахивала на верхнее бревно стены, подлежала под крышу и, уже с улицы проскрежетав когтями по углу, спускалась на землю. Тишке столь юркий путь не проделать.

Он возвращался в избу, садился к окну. Но в непогоду и у окна быстро наскучивает. Тогда Тишка забирался в кро-

вать, маясь, крутился с боку на бок и не засыпал до прихода матери.

— Ну, Тишка,— вздыхала она,— ты со своими котятами весь извелся. Опять, что ли, их искал?

Тишка, не отвечая, укрывался наглухо одеялом. Мать чего-то говорила ему, он не слышал да и не хотел прислушиваться к ее словам. Все равно ничего хорошего не подскажет, только посмеется над ним.

И когда он потерял всякую надежду увидеть котят, мать, разбурянившаяся, пришла с улицы и сказала:

— Ну, Тишка, высмотрела сейчас твоих красавцев...

Славик подвернулся ей под руку:

— Мама, котят, да? А где? — и, догадываясь, что ответа ему не дожидаться, бросился в сени.

Тишка встревоженно посмотрел ему вслед.

— Да не найдет, не пугайся,— успокоила его мать.— Они за ларем прячутся.

Тишка, веря и не веря, посмотрел на нее. Она налила кошке в глиняное блюдце молоко, вынесла в сени к ларю:

— Пусть и они полачут. Пора уже приучаться.

Славик гремел на подволоке прогибающимися под ногами тесинами.

— Славка! — вышла из терпения Варвара Егоровна.— У тебя ум есть? Ты чего там, как лось, носишься?

— Мама,— отозвался Славик, перестав греметь тесом,— да я не раз видел, как Мурка по углу забиралась на подволоку.

— На то и кошка, чтобы лазить везде...

Варвара Егоровна покискала, но Мурки, видать, поблизости не было.

Тишка прижался головой к стене, пытаясь заглянуть за ларь: в узком проеме было темно, как в подвале. И все же Тишке показалось, что темнота несколько раз сверкнула зеленоватыми кружочками отблесков: «Ой, да рядом ведь они совсем...» Тишка сунул руку за ларь и сразу же уткнулся пальцами в податливый комочек тепла.

За ларем сердито зафыкали, зашипели.

— Мамка-а,— растроганно протянул Тишка,— и правда они-и... Котята-а...

— Тишка,— сказала Варвара Егоровна,— я же тебе говорила, что Мурка их в дом приведет. Ну? Чья правда вышла?

Славка уже спустился с подволоки и, оценив обстановку, принял сторону матери.

— Да ну его, переполошника,— скривил он губы.— Наш Тишечка вечно так... На него смотреть, так с ума сойдешь...

— Это ты-то сойдешь? — задохнулся обидой Тишка.— Да ты сам кого хочешь с ума сведешь! Помнишь, как...

— Да ладно, ладно тебе,— примирительно зачастил Славик.— Я ведь в шутку сказал, не всерьез.

Варвара Егоровна придвинула блюдце с молоком к простенку и пристрожила Славку:

— Чтобы не трогать котят! Они сейчас пока дичатся людей, а через неделю и в избу прийти осмелятся... Если, конечно, ты раньше времени шею им не свернешь...

— Ма-а-ма! — запетушился Славик.— Да я на них и смотреть не хочу, не то что в руки брать! Это Тишка пусть со всякой нечистью нянькается! — Он сердито распахнул дверь и убежал в избу.

Варвара Егоровна погладила Тишку по голове:

— Вот Мурка и привела нам своих гвардейцев. И ты, Тишенька, зря расстраивался. Сколько слез понапрасну пролил...

Тишка набирал, набирал воздуха в рот и чуть не разревелся опять.

— Мама, да гвардейцы-то ведь не Муркины... Я поэтому и расстраивался.

— Знаю, знаю, не Муркины, а твои,— опять не дослушала Тишку Варвара Егоровна и засмеялась.

ФОНАРИК

Вечерами у клуба играли в волейбол. Мелюзгу к площадке и близко не подпускали. Вовка заранее смирился с этим и устраивался в судьи: ему, хочешь не хочешь, приходилось торчать у волейбольной площадки. Заведующий клубом жил у них на квартире, и Вовка был у него как бы негласным помощником. Мало ли, придут колхозные механизаторы, разгорячатся в игре да и пнут мяч в крапиву. Никому за ним бежать неохота, а тут как раз киномеханик начнет зазывать ребят в клуб, и они всей ватагой ринутся за билетами. Вовка же весь клубный инвентарь должен собрать и сдать Геннадию Ивановичу, заведующему, в полном наличии и сохранности.

Теперь же, к грибной поре, понаехало в Полежаево отпускников и студентов, и каждому охота перед земляками похвастаться, какие он «свечи» научился тушить и какие «гвозди» может забивать вдоль сетки.

Школьникам на волейбольную площадку и соваться нечего — в спину вытолкают:

— Помирать разве раньше времени собираетесь? Толик Неганов припечатает мячом, так от вас одно мокрое место останется!

Толик Неганов ходил по площадке пружинистым шагом. Мяч он держал в ладони над головой, как сосуд с водой, — небрежно, но ни капли не выплеснется. Поговаривали, что у него по волейболу первый разряд. Да оно и без всяких удостоверений видно: классный игрок.

Вовка только за ним и следил: как Толик принимал мяч, как выходил на подачу, как разыгрывал пасовку и как посылал через сетку гвоздевой мяч, который никто не мог взять.

— Вот это студент! — восхищенно вздыхала глазающая толпа, и Вовка тоже не мог удержаться от зависти.

— Ух ты! — шептал он и срывающимся голосом объявлял счет.

В душе-то Вовка каждую секунду желал одного — чтобы Толик осрамился перед односельчанами: поскользнувшись, растянулся бы вдоль площадки бревном или, с разгону-то, запустил мяч выше берез, а еще лучше — утопил его в сетке. Но Толик и пушечной мощи удары брал легко, будто меж его рук создавалось какое-то силовое поле, входя в которое мяч гасил свою скорость и становился покорным — Толику оставалось направить его, усмиренного, своему партнеру, а потом, с подачи этого же партнера, неминуемо пробить брешь в защите противника.

Шура Лешукова, колхозный агроном, всегда игравшая в команде Толика Неганова, в такие победные минуты начинала безудержно, без меры рукоплескать своему капитану.

— Толик, ты гений, — влюбленно говорила она, и Вовка кривился от ее слов, как от зубной боли.

«Ну, надо же, — хмурился он. — Забил мяч — и гений». А может, Геннадий Иванович, Вовкин квартирант, потренировался бы с Толиково, и был бы на волейбольной площадке посильнее этого шаркуна-кривляки. Только Геннадию Ивановичу некогда заниматься пустяками, у него серьезных дел по горло. А этому лоботрясу только и заботы — с мячом попрыгать.

Как Шура-то не разберется, кто чего стоит. Ведь знает

же, что у Геннадия Ивановича на ее счет самые серьезные намерения.

Конечно, Неганов без пяти минут инженер и отец у него не простой колхозник — директор школы, но любовь-то выше всего! Разве Неганов будет Шуру любить так, как Геннадий Иванович!

Вовка сидел на табуретке, вынесенной из клуба, и отмахивался от комаров. А комаров была тьма-тьмущая.

Начинало темнеть и по-вечернему холодить. На землю пала роса.

Мяч, намокнув, отяжелел, и удары по нему раздавались как выстрелы.

Народу уже набился полный клуб, но председатель колхоза не разрешал начинать сеанс, пока не придут с фермы доярки.

— Мы, понимаешь ли, должны обслуживать не отпускников, а тружеников, — говорил он.

И люди высыпали на улицу, чтобы не сидеть в духоте.

Заведующая почтой, Мария Флегонтовна, подошла к волейбольной площадке и, разглядев в темноте играющих, позвала:

— Шура, милая, а я с ног сбилась — тебя ищу.

— Ой, Мария Флегонтовна, немножечко погоди! — задыхаясь, отозвалась Шура Лешукова. — Сейчас заканчиваем.

— Шурочка, держите! — Толик Неганов послал ей мягкий пас и отскочил к сетке, чуть не наступив Вовке на ногу. Вовку обдало волной здорового пота.

Шура приняла мяч и подала его назад Толику.

Толик, изогнувшись, подпрыгнул, и пушечный залп прорвал тишину.

Вовка кошачьим зрением увидел, что мяч лег по эту сторону бровки и, облизав спекшиеся губы, объявил счет:

— Четырнадцать — семь.

Но в это же самое время Вовка успел заметить, что в прыжке у Толика вывалился из кармана не то портсигар, не то бумажник.

— Шурочка! — опять позвала Мария Флегонтовна, ничего не понимающая в игре. — Ты распишись у меня только да получи. Я приготовила тебе без сдачи.

— Чего получать-то, Мария Флегонтовна? — не вникая в смысл ее слов, переспросила Шура, не отключившаяся от игры.

— Да деньги.

Вовка босой ногой потрогал, что выпало из кармана Толика. Нет, не бумажник и не портсигар. Ногу холодило металлом, и Вовка сразу догадался, что это «жучок», электрический фонарик. Он не раз видел после кино, как Негановы всем семейством отправлялись домой. Толик жужжал динамиком и направлял луч под ноги отцу, Николаю Павловичу, который шел первым.

В полежаевском магазине фонарики не переводились, но вот с батарейками были вечные перебои. И обзавестись «жучком» мечтали не только мальчишки, но и взрослые. Поэтому у Вовки ногу даже свело судорогой. Хоть бы одну минуту подержать фонарик в руках... Послушать бы, как внутри у него, когда нажимаешь на ручку, умиротворенно гудит механизм, вырабатывающий электроэнергию.

И Вовка, замирая, метнул взгляд в сторону Неганова. Но разве от этого задавали дожدهшься, что он кому-то даст побегать с фонариком хотя бы минуту-две. Это тебе не Геннадий Иванович.

Толик пружинисто передвигался по волейбольной площадке, всякий раз успевая переместиться туда, куда летел мяч. Он, наверное, и один обыграл бы целую команду. Партнеры ему только мешали.

Уж как не хотелось Вовке указывать Толику на пропажу, да ведь кто-нибудь наскочит сгоряча на фонарик — раскрошит стекло, раздавит лампочку...

— Толик, ты потерял... — У Вовки пересыхало во рту от этих слов и голос становился сиплым. — Толик, у тебя из кармана выпало...

Толик носился по площадке как ветер, и что ему было до писклявого заискивания Вовки!

— Шурочка, миленькая, один только пас, всего один! — умолял Толик Шуру, и когда она подала «аккуратную свечку», он резким ударом направил мяч вдоль сетки, и, конечно же, никто не смог отразить его атаки.

— Ну, вы, Шурочка, умница, — ликовал Толик. — Позвольте, я поцелую вам ручку.

И Шура, хохоча, подала ему руку. Ну, это уж слишком! Ему-то чего к ней ввязаться, будто у него в своем институте девочек мало. Знает ведь, конечно, что Геннадию Ивановичу поперек дороги встает.

Вовка от возмущения забыл объявить счет. Но все уже

и без него знали, что игра закончилась, и столпились вокруг Неганова.

— Шурочка, — не терпелось Марии Флегонтовне, — не отказывайся от богатства. Деньги прямо в руки плывут, а она отворачивается.

— Какие деньги? — засмеялась Шура. — Я зарплату в колхозной кассе получаю, а не на почте.

— Из редакции тебе гонорар. Рубль восемьдесят четыре. Шура, разгоряченная игрой, все еще не могла понять, о каких деньгах говорит Мария Флегонтовна, смущенно отряхивала с ладоней налипший песок.

— Шурочка, счастье мое! — подскочил к ней Толик. — Я и не предполагал, что в один прекрасный момент вы так баснословно разбогатеете.

Он, вскинув руки вверх, прошелся перед Шурой на носочках, будто танцующий кавказец, и неожиданно присел на колено:

— О госпожа, повелевайте и приказывайте... Я у ваших ног!

Шура весело хохотала, бесхитростно принимая заигрывания Толика за чистую монету.

— Ниже голову, раб! Ниже! — капризно приказала она.

Толик мостиком прогнул спину, коснулся лбом земли:

— Повелевайте! Все, что прикажете, будет исполнено.

Вовка насупился: этого еще не хватало! Эх, вышел бы сейчас из клуба Геннадий Иванович, он бы ему «наповелевал»...

Геннадий же Иванович не выходил. У Вовки даже мелькнула мысль сбегать за ним.

Но Шура-то, Шура-то хороша! Нет бы отшить этого пристава, а она, наоборот, поощряет его: смеется, прижимая руку к груди, рада-радешенька, что будущий инженер за нею ухаживает. Забыла совсем, что всего день назад чуть не до утра провожалась не с кем-нибудь, а с Геннадием Ивановичем. Ох, до чего уж непостоянны эти женщины!

Вовка, разволновавшись, наступил на фонарик и, как от ожога, отдернул ногу.

«Жучок» лежал у бровки, обозначающей границу волейбольной площадки.

«Вот пускай тут и валяется, — торжествуя, подумал Вовка и посмотрел на Толика: Толик все еще стоял перед Шу-

рой на коленях. — А я-то, простофиля, еще хотел указать ему на потерю. Ну уж нет! Пускай у меня язык отсохнет, если хоть слово скажу о фонарике!» Он демонстративно отошел в сторону.

Мария Флегонтовна все-таки оттянула Шуру от Толика:

— Иди, иди сюда, миленькая...

И волейболисты, и те, кто глазели на игру, обступили Шуру и Марию Флегонтовну. Посыпались шутки:

— Шура, давай, пока магазин не закрыт, беги покупай на всю команду конфет.

— На всю команду не хватит.

— Не хватит — добавим.

— И когда это ты успела в корреспондентки записаться?

— Ну, с тобой ухо надо держать востро: пропечатаешь нас, потом и не отмоемся всю жизнь от критики!

Шура хохотала, принимая из рук Марии Флегонтовны рубль с мелочью:

— Да ну вас, ребята!

— Нет, поделись опытом, и мы в корреспонденты пойдем.

Шура, оправдываясь, вспомнила, что еще во время посевной в контору колхоза позвонили из редакции и стали выпытывать у нее, как работают механизаторы.

— Фамилии по три раза переспросили! — смеялась она. — А потом поинтересовались, с кем разговаривали. Ну, Лешукова, говорю, агроном. На следующий день, глядь, в газете — «Вести с полей». И подпись — «А. Лешукова, агроном колхоза имени Жданова».

— Легко так денежки зарабатывать, — сказала Надя Микулина. — Меня бы спросили, так сразу на тысячу ната-рабанила. Ты, Шура, не могла, что ли, больше-то, чем на рубль восемьдесят, наговорить? И зачем только в техникуме тебя учили?

Батюшки, оказывается, доярки уже явились! Вовка только теперь заметил, что около Нади Микулиной и другие крутятся — и Зойка Дресвянина пришла, и Маня Абрамова, и Нюрка Прядина, и Оля Теплякова.

Наде-то Микулиной можно бы и не ходить в кино: годовалый ребенок дома оставлен. Опять на Митьку свалила. Вот подожди, в школу Митька пойдет, так кого в няньки посадишь?

И все же Вовка спросил у Нади про сына:

— Митька-то чего делает?

— А с Николой водится...— И, как перед большим, оправдалась: — Нас тут председатель премировать ладится, так уговорила и вечером посидеть.

Председатель уже сам созывал людей в клуб.

Вовка утащил табуретку, сдал Геннадию Ивановичу мяч и не стал оставаться в кино, хотя его пускали как помощника заведующего клубом без билетов.

Ему не терпелось взглянуть, подобрал ли Толик Неганов свой «жучок».

«Шурочка, счастье мое,— передразнил Вовка Неганова,— позвольте, я поцелую вам ручку»... Нахалюга несчастный...»

Ночь уже вызвездилась, и все чаще стали вспыхивать над полем зарницы, перечеркивающие небо желтым огнем.

Вовка, переступая с ноги на ногу, оглянулся.

Поблизости никого не было. Из окон клуба ложились на землю яркие прямоугольники света, и от этого на улице казалось темнее.

Вовка, делая вид, что прогуливается, неторопливо двинулся к волейбольной площадке.

Фонарик лежал на прежнем месте.

Вовка вспомнил Неганова, мстительно усмехнулся: «Походи теперь в темноте! — и, стремительно нагнувшись, спрятал фонарик под рубаху — металл ожег кожу холодным ознобом.— Вот так-то вот... «Позвольте, я поцелую вам ручку...» — торжествующе передразнил Вовка Толика.

В голове его уже одна картина сменяла другую: и как Толик Неганов, напросившись к Шуре Лешуковой в провожатые, не разглядел в темноте, где мосточки через канаву, и угодил в застоявшуюся, покрытую тиной лужу, и как Шура смеялась над Толиковой неловкостью, как, разочарованная в своем неудачливом кавалере, оставила его, мокрого, провонявшего плесневелой водой, отжиматься, а сама вернулась в клуб к уже противившему ее минутные заблуждения Геннадию Ивановичу.

Воображение работало прекрасно, витало над облаками, взмывало к звездам. Но, опускаясь с небес на землю, заставляло Вовку задаться простым вопросом: что делать с фонариком? Не выбрасывать же его в ту канаву, в которой Толику, по Вовкиным расчетам, предстояло еще искупаться,

если он надумает провожать Шуру домой? И не присваивать же его насовсем?

«Ладно, сегодня вечером с ним побегаю, а завтра Неганову подсуну. Пусть хоть ночь не поспит из-за пропажи... Вот уж повздыхает, поохает...»

* * *

Вовка выскочил за угол клуба, достал из-под рубахи фонарик, но по дороге кто-то шел, разговаривая, и Вовка сиганул через канаву к конюшне. Он зашел в пахнущее свежей травой и конским потом застоявшееся тепло и нетерпеливо нажал на ручку динамика.

Фонарик уркнул, радужный круг света вспышкой лег на запорошенную сеной трухой землю и медленно растворился в темноте.

Вовка нажал на ручку снова, потом еще раз, быстро напал на самый экономный ритм работы динамика и, ликуя, высвечивал на конюшне все подряд: сложенные друг на друга сани с вывернутыми оглоблями, телеги, бочонок с дегтем, мякильник, в котором конюх разносит лошадям корм, колоду с водой, крутую лестницу на сеновал и под ней сбрю, вывешенную на деревянных гвоздях.

— Эй, кто там? — раздался из темноты хриплый голос.

Вовка перестал жужжать фонариком и затих.

— Ты, что ли, Анатолий?

Ну конечно же, в Полежаеве Толика Неганова узнают по фонарику за три версты.

— Ты чего тут делаешь?

Вовка весь сжался. Глаза у него еще не освоились с темнотой, и он начал пятиться наугад, по памяти. Из ограды выскочил как ошпаренный и, не чуя ног, дал стрекача от греха подальше.

Деревня как вымерла. Светился окнами один только клуб, да под горой маячила огоньками изба Микулиных. «Митька с братом сидит». И ноги сами свернули под гору — передохнуть некогда.

Отдыхался он уже на крыльце у Митьки. Погони, кажется, не было.

В избе Микулиных ревел ребенок.

С улицы было слышно, как он надрывался и как Митька раскачивал скрипучую зыбку.

Вовка взлетел по лестнице, распахнул дверь и от порога похвастал фонариком:

— Видал?

— Неганова, — разочарованно протянул Митька.

— Ну и что! Был Неганова, а теперь не его! — сказал Вовка напористо и, несколько раз нажав на ручку, навел свет на Николу. Никола сразу затих.

— Неужели у Толика выменял? — не поверил Митька.

Пришлось рассказать все, как было.

— Отберут, — сочувствуя, заключил Митька и тяжело вздохнул.

— Да я и не собираюсь зажиливать, хотя, знаешь, поговорка есть: «Что с возу упало, то пропало».

— На чужом наживаться нехорошо...

— Ты думаешь, я нажиться хочу? Нет, Митенька, я хочу кое-кого проучить. А то понаехали тут перед нами нос задирать!

Он, не попрощавшись, хлопнул дверью и побежал домой, раздражаясь Митькиной непонятливостью.

Дорогой он долго не мог остыть и все ругал Митьку: «Уж больно добреньким ты стал к этим приезжим нахаалам... Нет, Митенька, пусть они язык-то свой поукоротят».

Вовка жужжал фонариком, высвечивая себе тропку.

— Анатолий, ты? — остановил его хриплый бас.

— Нет, не я, — растерянно отозвался Вовка. Ему бы промолчать, а он, раззява, подал голос на опознание.

— А-а, Вовка, — проговорил в темноте незнакомец, и Вовка совсем сник. Теперь уж и бежать бесполезно. — А я по фонарику-то смотрю — вроде Неганов. Хотел попросить, чтобы посветил мне. В Доброумово к товарищу ездил на именины да попростыл немного. Слышишь, хриплю?

Вовка только теперь признал в знакомце Васю, сельповского возчика.

— Ты чего меня испугался-то?

— Ничего я не испугался.

— Ну не ска-а-жи-и. Я позвал, а ты и свет потушил — да деру... «Не испугался»... Ну ладно... Я ведь только выпрягся, полез на сеновал в кормушку сена спустить, а тут чую: вжик да вжик. Думал, Анатолий, больше-то таких фонариков ни у кого нету.

Вовку насторожило это многократное упоминание Анатолия, но Вася больше ничего не сказал.

— Ну, до свидания, товарищ Воронин, — по фамилии почему-то Вовку назвал и руку подал.

Вовка побежал домой совсем расстроенный. Фонарик уже не радовал его. Вовка даже перестал освещать им тропку.

Небо по-прежнему играло всполохами, то справа, то слева от Вовки занималось холодным огнем, и от этого глаза у него никак не могли привыкнуть к темноте. Вовка уже не раз спотыкался о камни, залетал в канаву, обжигался придорожной крапивой.

Голос Васи сельповского преследовал его: «Ну, до свидания, товарищ Воронин...»

Вовка слышал в этом голосе усмешливый намек на то, что Вася заподозрил его в чем-то нехорошем и — мало того, что заподозрил! — дает понять: не робей, мол, я тебя никому не выдам...

«Уж не подумал ли он, что я фонарик украл?» — похолодел от испуга Вовка и сам же себя успокоил: ничего, вот завтра вернет он «жучок» Толику, и все узнают, какой Вовка честный. Недолго Васе сельповскому ухмыляться.

И все же беспокойство не отпускало его.

* * *

Вовка слишком поздно проснулся. Уже все Полежаево знало, что Толик Неганов потерял фонарик.

Митька Микулин, прибежавший сообщить эту весть своему дружку, растерянно хлопал ресницами.

— Толик грозит: говорит, найдет похитителя, так спуску не даст...

— Ох, ох, расхвастался! — презрительно скривил губы Вовка. — Сам потерял, а теперь похитителя ищет. — Ему не хотелось показать себя перед Митькой дрогнувшим.

— Ой, Вовка, верни ты ему этот проклятый «жучок»! На кой он тебе? — наседал Митька.

— Да ладно, расквакался...

— Ой, Вовка, верни...

Ему легко говорить «верни». Вовка и без советчиков знал, что надо фонарик вернуть. Но время-то для этого оказалось упущенным. Теперь понесешь Неганову «жучок», а он тебя чем встретит, каким вопросом? «Ага, — скажет, — вот он, ворюга. Нашелся». Докажи, что ты на одну только

ночь брал фонарик. Или, может, заявишь Неганову, что за Шуру Лешукову хотел ему отомстить? Геннадий-то Иванович и то тебя не поддержит...

— Вовка, верни...

— Ну чего над душой стоишь? — не выдержал Вовка. — Без тебя, что ли, не знаю, чего мне делать?

Митька обиженно махнул рукой и, не оборачиваясь, поплелся домой.

* * *

Вовка не выходил из избу. Завалился в кровать с «Приключениями Тома Сойера» и пролежал до обеда, листая измусоленные страницы.

Читать ему совсем не хотелось, не спеша разглядывал картинки. Раньше на них и внимания не обращал: вопьется глазами в строчки и не отрывается. А оказывается, и на картинки можно подолгу смотреть.

Конечно, Вовка не маялся бы, если б Вася сельповский не «застукал» его с чужим фонариком. Вовка бы сейчас ликовал, что Толик Неганов с ног сбился, ищет «жучок». Он бы сбежал даже хоть одним глазом взглянуть, как этот франт лазит на карачках по волейбольной площадке. Шуру бы Лешукову еще привести, пусть она посмотрела бы на своего ухажера, как он нюни развесил.

Но Вася сельповский в любую минуту мог подойти и сказать:

«Да чего вы вчерашний день ищите? У Вовки фонарик».

Вот позору-то! Вот уж отомстил, называется, Вовка студенту...

И выбросить фонарик теперь не выбросишь... Поздно! Вася сельповский скажет:

«Да вчера вечером «жучок» был у Вовки».

* * *

В полдень пришел Геннадий Иванович, квартирант.

— Ну, сегодня все с ума посходили. Фонарик ищут. Ребята вон с Большой-то Медведицы и то прибежали, а ты чего, Вовка, лежишь?

— Да ну! — скорчил Вовка гримасу. — Очень мне надо!

— Толик весь свой маршрут за вчерашний день вспом-

нил, обошли кругом — ничего нет. Не иначе, на волейбольной площадке выронил.

— Что с воза упало, то пропало,— сказал Вовка.

— Чего-чего?

— Я говорю, что с воза упало, то пропало... Нашел кто-нибудь.

— Ну, нашел бы, так или не отдал?.. Находка приметная.

Геннадий Иванович пристально посмотрел на Вовку.

— Во-о-овк,— сказал он, прищурившись,— а уж ты, слушаем, не знаешь ли, кто фонарик нашел? Ты ведь в судьях сидел, вся игра на твоих глазах прошла...

Вовка покраснел и, чтобы Геннадий Иванович ничего не заметил, отвернулся к окну.

— Я за мячом следил, а не за негановским фонариком,— сказал он насупленно и, набравшись смелости, посмотрел Геннадию Ивановичу в лицо.— Очень мне надо за маменькиным сынком смотреть... Я к нему в прислуги не нанимался... Пусть сам за собой следит... Тоже мне фон-барон выискался... Шишка на ровном месте...

— Да ладно, ладно тебе,— успокоил его Геннадий Иванович.— Я ведь просто к слову спросил. Не видел, так и не видел. Чего обижаться...

«Просто к слову спросил... Как бы не так!» Вовка насмешливо скривил губы: просто к слову у Геннадия Ивановича ничего не бывает; что тревожит, о том и спрашивает. Вовка не чурка осиновая, моментально сообразил: был у Геннадия Ивановича разговор о нем с Негановым. Ну конечно же, был. Вон Геннадий Иванович как прищурился. Сразу видно, что по заданию Толика Вовку прощупывает.

Ох, не на таковского вы напали! Вовка и Геннадию Ивановичу ничего не скажет... Раз в союзе с Негановым — никаких откровений!

Ну до чего же Геннадий Иванович простоват: не может никак понять, что у Вовки за него же, бесхитростного, сердце болит. У Геннадия Ивановича из-под носу невесту норовят увести, а он ушами хлопает и помогает этому проклятому задавале фонарик искать. Да пусть бы помучился, попереживал, что «жучка» уже не найти. Эх, Вовка бы на месте своего квартиранта показал этому Толику, где раки зимуют!

— Понимаешь, в чем дело...— признался Геннадий Иванович.— У меня, конечно, насчет тебя никаких сомнений нет:

судье по сторонам глазеть некогда, за мячом уследить бы. Но Толик очень просил: узнай, говорит, на всякий случай, может, Вовка видел, кто подобрал «жучок».

— Уж не на меня ли он думает? — встрепенулся Вовка и почувствовал, как у него пересохло во рту.

Геннадий Иванович замялся, и Вовка, переборов испуг, перешел в наступление:

— Пусть тогда с обыском приходит! — гордо заявил он. — Вот уж я ему в бесстыжие-то глаза наплюю, и не отмыться будет всю жизнь!

— Да ты, Вовка, не заводишь, — примиряюще сказал Геннадий Иванович. — Он ведь не обвиняет тебя ни в чем, он только спрашивает.

— Знаю я, как он спрашивает, фон-барон, белоручка, хвастун несчастный!

— Ну, ну, поехал! — засмеялся Геннадий Иванович. — Тебе уж и сказать ничего нельзя. Недотрога какой.

— А чего он? — Вовка обиженно шмыгнул носом.

Геннадий Иванович ушел на работу, а у Вовки совсем испортилось настроение.

Ну-ка, надо же было ему разыграть перед Геннадием Ивановичем такую комедию, и вспомнить стыдно теперь. Откуда только и нахальство бралось? Вот уж позора не оберешься, если станет известно, что фонарик и в самом деле у Вовки.

И чем больше распалял он себя укорами, тем отчетливей понимал, что «жучок» надо возвращать не затягивая: это же настоящая пытка — владеть фонариком и делать вид, что и знать не знаешь, куда он запропастился.

А как возвращать? После разговора с Геннадием Ивановичем сделать это стало еще труднее. Вовка знал, что Геннадий Иванович при встрече с Негановым первым делом заявит: «Нет, Толик, ты на Вовку лучше и не греши: уж мне-то бы он признался... У нас с ним секретов нету».

Вовка прокручивал в голове всевозможные варианты, больше и больше склоняясь к тому, что «жучок» легче всего подбросить.

Сначала он думал сделать это на волейбольной площадке, но, пораскинув умом, понял, что тогда станет слишком очевидным: фонарик подбросили. Волейбольную площадку миллион раз за сегодняшний день облазили. Но это бы еще полбеды: миллион раз облазили, а на миллион первом разе

наткнулись на этот распроклятый «жучок». Страшнее-то другое.

А если еще кто-то позарится на фонарик снова? Подберет, упрячет, а Вася сельповский проговорится, скажет: у Вовки видел...

Вовку пот прошибал от таких раздумий.

И все-таки есть справедливость на свете! Посетила и Вовку гениальная мысль: а что, если засунуть фонарик Николаю Павловичу в пиджак? Вовка знал, что пиджак, в котором директор школы работает по хозяйству, вешается на гвоздик в прихожей. Конечно, без причины идти в дом к Негановым рискованно, а причины никакой не было. Оставалось пробраться незамеченным и незамеченным же вернуться назад.

Вовка выскочил на улицу, ощущая в кармане холодящую тяжесть фонарика.

По его расчетам, Негановы сейчас собрались за столом, обедали.

Ну, так и есть. Неганиха принесла из ограды дымящийся самовар.

Лучшего момента и не придумать.

Но поселил же черт директора школы рядом с магазином! Кто-нибудь да торчит на улице: то из магазина, то в магазин.

Вовка собрался с духом и пошел мимо магазина в открытую: покупателей не переждешь.

И надо же: Вася сельповский на крыльце появился, пальчиком Вовку к себе подозвал:

— Горит по деревне-то, товарищ Воронин.

Вовка с перепугу не понял, что горит, заоглядывался.

— Да нет,— засмеялся Вася,— не в буквальном смысле горит. Негановский фонарик ребята ищут.

— А уже нашли,— соврал Вовка.

— Ну да,— не поверил Вася,— а карман-то у тебя чем оттянуло?

— У меня другой.

— Ты вот что, парень,— сказал Вася серьезно,— тебе это баловство ни к чему. Доставай фонарик сюда.

Вовка совсем растерялся.

— Доставай, доставай.— Вася сам направил Вовкину руку в карман, и, едва фонарик вынырнул на свет, как сразу же переключился к Васе в пиджак.— Ну вот, и не было у тебя ничего.

Вовка, не мигая, смотрел на Васю и ничего не мог сообщить.

— Ну, чего глазки вылупил, дурачок? — сказал Вася ласково. — На, возьми себе рубль на конфетки.

Вот уж такого поворота Вовка не ожидал.

— Да вы что, дядя Вася... Я же отдать хотел...

— Вот и отдал, — сказал Вася, хихикнув. — Бери, бери конфет-то, пока магазин не закрыли.

Вовка бы ни за что до такой низости не опустился, не стал бы ничего покупать на омерзительную рублевку, но продавец вышел закрывать магазин на перерыв.

— Аркадий Ильич, — сказал Вася, — тут малец к тебе за конфетами прибежал. Уважь его.

Пришлось Вовке язык проглотить и молча войти за продавцом в магазин.

— Ну, каких тебе? — спросил Аркадий Ильич.

— Да хоть каких.

— Дешевых или дорогих? — не унимался Аркадий Ильич.

— Дорогих, — отчаянно сдался Вовка.

— Правильно. Гулять, так с музыкой! — засмеялся Вася и похлопал Вовку по спине. Вовка поежился.

* * *

Митька был непреклонен.

— Да ты что? — возмущался он. — Принимать подачки? У меня бы самые дорогие конфетки в горле комом застряли, если бы таким образом мне достались. Ой, Вовка, не подкупайся...

— Да я ведь не подкупался. Он сам мне сунул.

— Ну и отдай их ему обратно. Скажи: мол, не продаюсь. Не на таковского, мол, напал.

— Да я уж две конфетки съел из кулька. Он догадается.

— А ты все равно верни.

— Дак фонарик-то он не отдаст.

Тут уж верно. Фонарик у Васи теперь не выудишь. Другой бы кто, может, и посочувствовал, а Вася сельповский не из таких. Для него полежаевцы не свои, совеститься их нечего. Он всю жизнь по вербовкам проездил, а попал в Доброумовский лесопункт да и познакомился там с Катей-Маланей. Теперь уж третий год живет у нее, но в Полежаеве все как

чужой. За товарами съездит в район и полдня свободен. А нет чтобы в поле выйти и пособить колхозу — и не подумает.

С ним не знаешь в разговоре, с какого боку и подступиться. Теперь как хочешь, Вовка, крутись. Положеньице создалось хуже и не бывает.

— А ты его припугни: мол, Неганову скажу, — посоветовал Митька.

Но в одиночку идти за фонариком у Вовки не хватало духу. Пришлось дожидаться, когда вернется с фермы Митькина мать и Митька будет свободен от брата.

* * *

— Ну что вы, ребята, — сказал Вася. — У меня зубы не терпят сладкого. Я конфеты и в рот не беру.

— Дядя Вася, я Неганову скажу, — выбросил Вовка последний козырь.

Вася осуждающе покачал головой:

— Вот дурачок. Его же спасают, а он никак не хочет понять. Ну, скажи Неганову. Я ведь у него не украл. — Вася строго посмотрел на ребят и поправился: — Не я у него украл.

Митька аж подскочил:

— Вовка тоже не воровал!

— Ну, я и не обвиняю его, потому что не знаю. Я только хочу сказать, что купил у Воронина за рублевку, что я не украл. Мне, ребята, фонарик по работе необходим. Я в разъездах бываю, мало ли где посветить потребуется. Без фонарика я как без рук.

Ребята поняли, что его не уломать. И Митька, весь покраснев, сказал в сердцах:

— Ну, дядя Вася, ну и хапуга вы!

— Ругайтесь, ругайтесь, меня не убудет. Только не проговоритесь где-нибудь, себе же хуже наделаете.

Вовка уловил в его голосе беспокойство.

— А чего нам не проговариваться, мы не заговорались... Нашел я этот фонарик, на волейбольной площадке нашел... Понимаете?

— Ну и чего раскричался? Ты нашел, я купил. Вот и весь разговор. Но если уж вы такие неблагодарные, я уступлю вам его назад.

Вовка, не веря своим ушам, пододвинул поближе к Васе кулек с конфетами. Вася посмеивался:

— Нет, нет, молодые люди, я сладкое не люблю... Три рубля — и весь разговор, — предложил он спокойно. — Ну как? Согласны?

Уж он-то, конечно, знал, что денег у них ни у которого нет. Да еще таких денег!

— Это же нечестно, — упавшим голосом простонал Митька.

— Но я же вас не неволю. Хотите — выкупайте свой фонарик назад; хотите — нет. — И, радуясь замешательству ребят, развел руками: — Ну, как хотите. Было бы предложено. Если надумаете — жду. А Неганову, впрочем, так и можете передать: готов вернуть в любую минуту. За соответствующую плату, естественно.

Не солоно хлебавши оставили ребята Васин дом.

* * *

И все-таки Вовке ударила в голову счастливая мысль. Ну как он сразу-то не сообразил? Да можно же просто на этом разбогатеть. А уж на три-то рубля он сумеет по телефону наговорить шутя. Наговорила же Шура Лешукова на рубль восемьдесят четыре... Ну, а если Вовка один не сможет, так Митька на рублевку да подскажет ему. Вдвоем-то на трешник, глядишь, и вытянут.

Вот только о чем говорить...

Они не один час шушукались с Митькой. Ничего подходящего не могли придумать. А дело-то было стоящее, только бы знать, о чем говорить...

— Давай о пионерском сборе расскажем, — предлагал Вовка.

— О каком?

— Ну, на котором сказки читали... Помнишь, как всем понравилось?

— Так это же когда было... Зимой еще... А в газету надо про сегодняшний день.

— Ну, тогда... как грибы собираем.

— А как?

Действительно, как? Тут и на десять копеек не наберется слов. Сходили в лес, принесли по корзине... И рассказывать не о чем.

И все-таки у Вовки светлая голова! Прибежал вечером к Митьке — слова схватить не может:

— Придумал!

Митька и верить ему боялся. Сколько уж случаев перебрали — и оказывалось, зря.

— Мы про твою маму расскажем! Что она хорошо работает... Что председатель колхоза вручил ей премию...

— Так не только ей.

— А мы и другие фамилии назовем. Ты только узнай у нее, по сколько литров она надоила от каждой коровы... Без цифр они с нами и разговаривать не будут. Достанешь цифры?

— Достану.

— Ну то-то же... А я уж в школе окно приготовил, обе задвижки открыл.

— А если учительская на замке? Телефон-то в учительской...

— Ты что? Как с луны свалился. Они же ключ над косяком прячут. Табуретку придвинул — и все. С приветом.

И Вовка, довольный, понесся домой. Дело было уже почти в шляпе.

* * *

В школе остро, до слез, пахло свежей краской. Митьке хорошо, он остался стоять у угла на карауле, а Вовка, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не чихнуть, пробирался в учительский кабинет. Ноги липли к покрашенным половицам, но следов никаких не оставалось — уже подсохло.

Вовка снял телефонную трубку и чуть не вздрогнул от резкого голоса, резанувшего по уху:

— Пятый!

Вовка испуганно положил трубку назад. Какой пятый? Потом догадался, что это телефонистка на станции назвала свой номер, и снова взял трубку.

— Пятый.

— Дайте редакцию, — неуверенно попросил Вовка, и вот уж другой женский голос устало проговорил:

— Слушаю вас. Антипова.

Вовка немного замешкался, и женщина раздраженно поторопила:

— Слушаю вас! Что вы молчите?

— Я сейчас буду говорить. Вы записывайте,— сказал Вовка, облизывая ссохшиеся губы.

— А что вы будете говорить? — насмешливо поинтересовалась женщина.

— Про Митькину маму.

— Мальчик, здесь не детский сад,— строго сказала женщина.

Вовка насупленно затих. Молчала и женщина.

На линии что-то пощелкивало и гудело.

— Тетенька,— решился Вовка,— я немного наговорю, только на три рубля.

На том конце провода повесили трубку. Частые гудки оглушили Вовку.

Он постоял расстроено и тоже повесил трубку.

Хоть бы спросила о чем-нибудь, а то и разговаривать не стала. Наверно, Вовка неправильно что-то сказал. Ну конечно, неправильно! Надо было фамилию сразу назвать, про Микулину, мол, Надежду Матвеевну, а также и про других доярок колхоза имени Жданова. А он: «Про Митькину маму...» Эх, тюха-пантюха!.. Придумал тоже...

Митька подпрыгивал на улице под окном, лбнул лбом к стеклу. Вот ведь и не поверит еще: не звонил, скажет, струсил.

А не попробовать ли еще разок? Эх, была не была!.. Попытка не пытка.

И когда Митькино лицо снова оказалось на уровне нижнего переплета рамы, Вовка снял трубку.

— Пятый.

Ну, с телефонисткой-то проще, а вот как быть с той...

— Редакцию.

И опять усталый голос ответил Вовке:

— Слушаю вас. Антипова.

Вовка как с обрыва прыгал, и глаза закрыл.

— Тетенька,— начал он срывающимся голосом,— я же про передовую доярку, про Микулину Надежду Матвеевну... Ей премию председатель колхоза выдал... Я и цифры все знаю про нее...

— Мальчик, не мешайте работать,— сказала сердитая женщина.— Смотри, узнаю, откуда звонишь, и милицию вызову.

У Вовки волосы взмокли. Он метнулся от телефона в коридор.

Митька уже поджидал его у раскрытого окна:

— Ну как?

Вовка вылез в окно, сердито захлопнул створки рамы:

— «Как, как»! Ты на карауле стоишь или где? Чего к учительской-то прибежал, заподпрыгивал, как заяц? Тебе сказано было: стой у угла.

— Да чего уж... Не прозевал бы...

— «Не прозевал бы»... Вечно ты так.

Вовка, сгорбившись, поплелся домой. А Митька, то и дело забегая вперед, сочувственно заглядывал ему в глаза.

Вовка остановился.

— Ну, чего, как козел, бегаешь? — Он стер с лица пот и махнул рукой: — Не видишь разве, что не вышло... Такая злая попалась... Хуже нашей Клавдии Ипполитовны!..

— Али уж трех рублей пожалела? — спросил Митька заискивающе.

— «Трех рублей, трех рублей»... — передразнил Вовка. — Ничего ты не понимаешь... Она разговаривать не захотела с нами! Она... — Он чуть не прикусил язык.

С горы, от колхозной конторы, спускались Геннадий Иванович и Шура Лешукова.

Батюшки светы! Что же делается-то? У Вовки глаза на лоб полезли. Шура цепко держала Геннадия Ивановича под руку. Это ж надо: на виду у всего Полежаева повела Вовкиного квартиранта в столовую. Мимо негановского дома провела (Толик, наверно, их и в окошко видел!), мимо магазина, полнущего народу, мимо судачивших на крылечке женщин...

Вовка ошарашенно остановился. Если бы слезы помогали мужчинам, он бы, не стыдясь Митьки, навзрыд разревелся и кинулся к Геннадию Ивановичу с покаянной...

СЕРЕЖКИНА ПРЕМИЯ

Все началось с прошлого лета. А бабушка Ульяна утверждает — раньше. Говорит, Сережка тогда еще в школу не ходил, совсем маленький был. Убежит на конюшню и все вокруг лошадей лазит, пока его не прогонят. Потом собачонку раздобыл где-то, с ней возился.

— Ну, а дояром-то с прошлого лета стал! — смеялась мать.

— Дояром с прошлого, когда во второй класс перевели, — соглашалась с ней бабушка и подытоживала: — Ну вот видишь, за год велосипед заработал.

Сережка боялся на велосипед и дышать. Поставил его у крыльца к стене, а сам отходил то к черемухе, то к воротам и все любовался на него издали. Вишневого цвета, отсвечивающий в закатном солнце никелированными ободами и спицами, с круто изгибающимся рулем, велосипед был и вправду хорош.

— Вот, Сереженька, работай, не ленись, так всегда будешь

в почете, — поучала бабушка и тоже не отрывала от велосипеда глаз.

...Она, узнав, что внука будут премировать, оставила сегодня все дела по хозяйству и заявила в битком набитый колхозниками клуб, в котором не помнила, когда в последний раз и была. Сидела, жарко стискивая Сережину руку, и, дождавшись, когда председатель колхоза назвал фамилию внука, вытолкнула Сережку к сцене. Сережка был весь в поту, не слышал председательских поздравлений и из всего зала видел одну лишь бабушку, которая хлопала в ладоши и улыбалась.

Из боковой комнаты выкатили к Сережке на сцену новенький велосипед, и бабушка, не удержавшись, ринулась к внуку на помощь.

— Да ты-то, Ульяна, куда? — осаживали ее женщины.

— Ну-ко, как это куда? — удивлялась бабушка. — Ведь ему в такой тесноте одному такую махину и не протащить.

— Ну и пушай постоит на сцене. Не по головам же поедете.

Бабушка настойчиво отмахивалась от советчиков. А ведь и в самом деле, куда в толкотне сунешься? Надо переждать, пока председатель не вручит все премии и пока люди не высыплют на улицу.

Бабушка отодвинула велосипед к стене, а сама встала у руля, как в почетном карауле.

— Фуражку на нее наденьте, фуражку! — сквозь хохот подсказал кто-то из зала. — Вот и будет вылитый часовой.

Но председатель колхоза строго оборвал шутника:

— Если б у нас все бабушки были такими, как Ульяна Семеновна, мы б не испытывали голода на людей, молодежь не оставляла б деревню... Спасибо вам, Ульяна Семеновна, за воспитание внука.

Бабушке захлопали, она смутилась больше Сережки:

— Да мне-то за что?.. Он сам себя воспитал...

После торжества люди вывалились на улицу, и бабушка, взгромоздив велосипед на плечо, шатко спустилась по лестнице.

— Ну, води свою премию! — сказала она, выпрямляя скособоченное плечо.

Но ребята обступили Сережку со всех сторон, и у всех одна просьба:

— Дай прокатиться...

Бабушка прикрикнула на попрошайек:

— Сами заработайте — и катайтесь! — оттеснила опешившего Сережку от руля и повела велосипед сама.

Сережка побежал за ней сзади, как козленок.

— Жади́на-говя́дина! — затянул кто-то писклявым голосом, Сережка не мог и разобрать кто.

Бабушка оглянулась, погрозила пальцем:

— Ой, Тишка, хоть ты и изменил голос, а я ведь сразу тебя узнала!

Тишка-переполошник юркнул в гомонливую толпу ребят, будто его и не было.

Бабушка грозила ему пальцем и выговаривала:

— А не ты ли, Тишка, больше всех насмеялся, что Сережа за немужское дело взялся? Не ты ли его доярочкой обзывал?

Тишка отмалчивался.

— Да вижу, вижу тебя, нечего прятаться, — продолжала бабушка. — Дразниться — так первый, а теперь в товарищи насылаешься.

— Да я и дразниться не первый, — выбрался из толпы смущенный Тишка. Рубаха у него выехала из-под штанов, а он и не замечал этого. Ну, не зря же его прозвали переполошником. В панику ударится, так все на свете забудет и делается будто слепой.

— Ну, а какой, раз не первый? — не унималась бабушка.

— А по правде, дак второй только... Сначала не я обзывался, а потом уж я.

— Ох ты, «не я-а», — сказала бабушка, опрокинула велосипед на землю и пошла за крапивой, — зато ты самый надоедливый был...

Тишка мгновенно разгадал ее замысел, осушил рукавом под носом, невежливо показал Сережке язык и припустил к дому.

Бабушка пригрозила:

— Ну, прохвост, пого-о-ди! Заявишься к нам... — И уже для всех говорила: — Всякий труд уважителен. Ни над какой работой смеяться нельзя.

Сережка по ее голосу понял, что у нее на Тишку нет никакого зла, что она ради шутки устроила этот розыгрыш и что у нее сегодня расхорошее настроение. Да и в самом деле, за что на Тишку сердиться? Тишка маленький, бестолковый, осенью только в первый класс пойдет. А дразнился он без

всякого умысла. Другие ребята засмеялись, и он подхватил, как попугай. Теперь вот, после премии-то, никто и словом не попрекнет Сережку. А раньше Сережка сам себя и то стыдился. Ну-ка, не позор ли, за женское дело взялся — коров доить. Будто мужской работы в деревне нет — около машин крутиться или топором на стройке стучать. Сережку же к лошадям да коровам тянуло.

Нет, не зря бабушку председатель благодарил. Велосипедом не Сережку надо было премировать, а ее. Только какая бабушке от велосипеда улада? Сережке бы и отдала его все равно.

А началось-то с нее все...

Прошлым летом Сережкину маму увезли в район на совещание передовиков сельского хозяйства. Доить коров вместо нее занарядилась бабушка. Сережка за ней и увязался.

Бабушка сначала будто и не замечала его. А потом уж, когда поле прошли и по лаве перебрались через реку на другой берег и когда вот уж она, ферма, взберись на взгорок да заходи, бабушка Ульяна оглянулась и всплеснула руками:

— Ой, а ты-то куда?... Нет, Сережа, пока не стемнело, поворачивай домой.

— Ага, поворачивай, какая умная! — не согласился Сережка. — А дома-то еще темнее будет.

— Дак ты у меня не в кормушках же ночевать станешь. Я ведь долго проображаюсь.

— Долго, зато без долгу, — по-взрослому отшутился Сережка, не отставая от бабушки.

Уж он-то знал, что бабушка Ульяна поворчит, поворчит да сама же и возьмет его за руку. Не первый раз.

— Сережа, ты ведь маленький, — не сдавалась бабушка. — Руки надсадишь. Ну-ко, легко ли коров-то доить!

У него тогда еще и в мыслях не было — под корову садиться, — а она уж вела разговор такой, будто он каждый день только то и делает, что на дойку бегаёт. Сама же, выходит, и натолкнула его на мысль.

Сережка сначала не решился попросить у нее подойник. А натаскал в кормушки травы, сменил у коров подстилку, и вроде бы делать стало нечего. А бабушке еще оставалось доить пять коров.

— Бабушка, давай помогу, — предложил неуверенно.

А она как должное приняла, не заметила даже его растерянности.

— Ты, Сережа, под Ульку-то не садись: Улька тугомолая, не продоишь ее... А вот Красотка у меня хороша... У этой к вымени не успеваешь притрагиваться, молоко само струйкой бежит.

Бабушка подставила к боку коровы скамейку, подала Сережке ведро:

— Ну, садись.

Ведро было широкое, меж колен умещалось с трудом. С ним, с пустым-то, мұка сидеть, а полное не удержать ни за что. Верхний срез подоюника доставал Сережке до подбородка — и вымени из-за ведра не видать, хоть на ощупь работай.

— Ну, доярочка-то у нас какая! — засмеялись во дворе женщины.

И Сережка сник: узнают теперь ребята, не дадут и проходу.

— Нет, бабушка, я не буду, — встал он со скамейки.

— А чего такое? — не поняла она.

Доярки сначала смолкли, а потом навалились на Сережку:

— Ага, тяжелым наш хлеб оказался? То-то... Вы, мужики, всегда так: что потяжелее — бабам. А сами — за баранку, там знай крути, а машина и без вас дело сделает.

— Да что вы, бабы, на него напустились? — заступилась за внука бабушка. — Он у меня от тяжелого никогда не бегал. Если хотите знать, так он и дома доит корову. И еще побойчей меня у него выходит.

Тут бабушка не привирала. Дома Сережка если не каждый вечер, то через день — это уж точно — замещал бабушку во дворе; ей надо то квашонку замешивать, то полы мыть, а Сережка всегда свободный. Да ведь дома, кроме бабушки, его под коровой никто и не видел, а на ферме он сразу попал на глаза всей деревне — хоть сквозь землю теперь проваливайся.

— Побойчей, говоришь? Ну, дак, а в чем дело тогда? — спросили доярки.

— Ведро велико-о, — стал оправдываться Сережка.

— Ну, это не беда... А мы уж думали, спасовал...

Сережка покосился на бабушку: и она заодно с женщинами посмеивалась.

— Ой, Сережа, — сказала она, лукаво прищурившись, — про ведерко я и забыла совсем... Из ума ну-ко выпало... Есть ведь у меня маленькое...

Она побежала в молокомерную и притащила оттуда светлый подойник — на пять литров всего: хорошую корову начнешь доить, так прерываться придется. С таким не под корову — под козлуху впору садиться. Но для Сережки это ведро знакомо давно. Он ведь дома с ним и ходит во двор.

— Бабушка-а, да это же...

Она не дала договорить, перебила:

— А это я под бруснику, Сережа, брала. Думала, в березнячок зайдем на обратном пути... Да темно уж будет.

Сережка снова сел под Красотку.

А доярки ждали, не уходили. И советы еще подавали со всех сторон:

— Сережа, ты руки-то в молочке обмочи, легче будет доить...

— Сережа, ты кулачками дой, кулачками...

Бабушка же, как курица-наседка, его защищала:

— Да будет вам! Али не слышите, что подойник уже звенит? Советчики выискались... Своих учите!

Сережка быстро назвinyкал ведро, а у бабушки уж приготовлен и молокомер — слил да снова уселся.

— Бабы, вы только не рассказывайте никому, — будто прочитав Сережкины мысли, попросила бабушка женщин.

Ну, а у женщин теплая водичка разве во рту удержится? На другой же день и разрезвонили по деревне: Сережка Дресвянин, как заправская доярка, с коровами управляется. Конечно, и до ребят дошло. А уж попало им на язык — пропащее дело: не успокоятся, пока тебя не изведут вконец. На улице встретят — «Доярка!», в школе не потрафил кому-то — «Доярочка!». Одним словом, «Баба!».

Так Сережка, чтобы быстрее отстали, в открытую стал на ферму ходить. Подойник на руку — и пошел. Ни дня не пропустил, ни зимой, ни летом. Мать семь коров подоит за вечер, и он семь. Не отставал от нее ни на шаг.

— Ну, Сережа, уж не дояркой ли будешь? — улыбалась она.

А бабушка поправляла:

— Пошто дояркой? Он и на зоотехника выучится. Ну-ко, такие хорошие отметки носит. Все «пять» да «пять»... Он им, дразнильщикам, еще нос утрет!

Тишку-переполошника, не такого уж и прицепливого дразнильщика, бабушка однажды сцапала за ухо:

— Вот я тебе «доярочку»-то сейчас покажу...

Тишка заверещал, как баран недорезанный, и вывернулся, сбежал.

А у бабушки с тех пор занозой засело в мозгу: он, Тишка, — главный дразнильщик. А какой он главный? Так, подпевала, не больше. Дак подпевала-то неопытный: другие и больше орут, да не попадают, а он только рот откроет — и влип.

Теперь, с велосипедом-то, Сережке не страшны никакие дразнилки.

Да и язык не повернется теперь у ребят дразнить. Умрут все от зависти.

Сережка заметил, как у Тишки-переполошника заблестели глаза, когда тот увидел велосипед, который бабушка вынесла на плече из клуба. Тишка даже красный глазок на заднем колесе вроде бы нечаянно, но потрогал. И когда ребята хором заканючили: «Дай прокатиться», Тишка тоже, не веря в успех, просил. И уж если б не бабушка, Сережка в первую очередь дал, конечно б, ему, Тишке. А бабушка и не посмотрела ни на кого: держите карманы шире, даст она вам! Но ведь, в конце-то концов, Сережка над велосипедом хозяин, не кто иной. Правда, сейчас заикнись попробуй — бабушка сгоряча и от Сережки премию спрячет. «Ах, — скажет, — они дразнили тебя, измывались, а ты же им и даешь, ну что за характер у человека!»

А теперь велосипед стоял у крыльца. Сережка любовался на него издали, и ему нравилось в нем все: и что он не какого-нибудь зеленого, а вишневого цвета, и что узор на колесах волнами, и что руль изгибается круто вверх, как оленьи рога, а не свисает хватом.

Сережке почудилось, будто за углом что-то отрывисто прошуршало. Он даже увидел, как в сточную канавку засочился песок.

— Кто там? — обеспокоенно окрикнул Сережка.

А бабушка возмущенно захлопала руками:

— Ох уж мне эта шантрапа!.. Саранчой сейчас налетят! Им волю дай, так и железо изгложут... Чует сердце мое, недолго ты накатаешься на своей премии...

— Ну и что... Новую заработую, — беззаботно сказал Сережка.

— Ишь ты, — удивилась бабушка. — Бойкий стал. (За углом что-то снова треснуло.) Эй, кто там у избы зауголки вышатывает? Выходи на свет.

— Я и не вышатываю вовсе... Я и не держался за них.— Из-за угла, посапывая, выбрался Тишка.— Они сами трещат.

— Ну конечно, сами,— язвительно протянула бабушка.— А чего за спиной прячешь?

— Это не вам,— сказал испуганно Тишка.— Это ему,— и кивнул на Сережку.

— Знаю, что мне от тебя ничего не отколетса... Ну, а ему-то чего принес? Конфетки, поди?

— Конфетки,— пораженно признался Тишка.— А вы как узнали? Я ведь вам не показывал.

— Я вашу породу знаю,— сказала бабушка.— То ругаетесь, а то дня друг без дружки прожить не можете... Чего? Задабривать пришел? Так он ведь и без конфеток у нас за-добренный, для милого дружка последнюю рубаху отдаст.

Тишка смущенно топтался на месте.

— Ну, чего мнешься? — спросила бабушка.— Наверно, больше и дразниться не будешь?

— Не-е,— вздохнул Тишка,— не буду.— И неожиданно для Сережки признался: — За велосипед и я бы коров доил.

— Да ну? — изумилась притворно бабушка и вдруг кинулась к изгороди, где у нее на колу сушилось ведерко.— Так вот он, подойник-то, забирай да пошли на ферму.

Тишка неуверенно повесил подойник на руку.

КЛЮЧИ

Заведующего клубом на пять дней вызвали в Березовку.

Вовка по этому поводу устал давать объяснения. Кому надо и не надо, все останавливали его и спрашивали:

— Вовка, куда это запропастился твой квартирант?

— Геннадий Иванович будет в субботу, — отвечал Вовка сдержанно. — У него методический семинар в районе.

— Ну, хоть бы ты клуб открыл...

Вовка беспомощно пожимал плечами: и рад бы, товарищи, — не могу. И побыстрее смывался с глаз просителей, а то начнут еще удивляться, почему это Геннадий Иванович не оставил Вовке ключи. Ни в бильярд не поиграешь теперь, ни волейбольного мяча не достанешь — слоняйся вечерами без дела. Ох, не приведи никому держать в квартирантах нужного человека!

Конечно, во всем этом есть и свои преимущества. Так бы Вовку и не замечал никто, а тут всякий пытается его приветить. Все знают: Вовка у Геннадия Ивановича правая рука, внештатный комендант и распорядитель.

Случалось и Вовке характер свой проявить. Заиграются механизаторы в волейбол да со зла, с неудачи — потеряют подачу или пас плохо передадут — и поднимут мяч ногой так, что он свечой в небо взмывает. Вовка — тут как тут: мяч в охапку — и в клуб. Не нарушай правила! Геннадий Иванович сам-то и не увидел бы, а от Вовки не скрыть ничего. Геннадий Иванович в таких случаях всегда Вовку поддержит, и как бы его механизаторы ни упрашивали, мяча обратно не даст. От этого Вовкин авторитет только рос. Бывало, схватит он мяч, игроки и начинают оправдываться:

— Вовка, да не нарочно же, нога подвернулась! Ты же сам видел, что я упал.

Вовка более милостив, чем Геннадий Иванович. Его за это и уважали. С отъездом Геннадия Ивановича спрос на Вовку удвоился. Как же, думают, заместитель остался. И Вовка разважничался. Будь у него ключи в кармане, он бы свою власть показал! И все же не давала ему покоя задача: отчего Геннадий Иванович не оставил ему ключей? Забыл, наверное; другого объяснения тут не найти.

Вечером, когда молодежь собралась у волейбольной площадки, Вовка так и объявил всем:

— Геннадий Иванович по забывчивости увез ключи с собой. Звонил вчера по телефону, передавал извинения.

— Он бы лучше ключи передал, а не извинения, — сказал Толик Неганов.

Вовка на секунду смутился, но нашел выход из положения:

— По телефону пока ключи передавать не научились. Вот, может, вы, будущий великий физик, изобретете такое устройство, что будем передавать на расстояние не только слова, но все, что вздумается.

Кругом засмеялись:

— Ну отбрил! Вот это заместитель у Геннадия Ивановича!

Мало-помалу люди стали расходиться. Осталась одна мелюзга, которую все равно в волейбол играть не пустили бы и которой уже весело оттого, что она вместе.

— Нет, это невозможно, — сказал Алик Макаров, поудобнее усаживаясь на клубном крыльце. Брючки у него отутюженные — стрелками обрезать можно. И рубашка белая, свежепроглаженная. — Второй день клуб на замке. Культурно и отдохнуть нельзя.

«Ну гусак», — подумал Вовка про Алика. В Полежаеве ре-

бятя не привыкли следить за собой: в чем вырвались из дому, в том и ладно. Только бы мамка не остановила да не придумала какое-нибудь задание: картошку окучивать, дрова колоть, воду носить, корове поило готовить...

Алик осенью пойдет в седьмой класс. Но замашки у него, как у взрослого, и Вовка немного робел перед ним. Со всеми ребятами у Вовки просто, вон даже Толика Неганова высмеял, студента, а с Аликом его сковывала непонятная немота.

Алик достал из кармана расческу, пригладил рыжие волосы.

— Ну что же это такое? — сказал он значительно. — Мы для клуба или клуб для нас?

Ребята слушали его почтительно, не возражали.

— Нет, товарищи, так нельзя. У нас в Улумбеке на каждой улице был клуб, и в любой заходи, каждый открыт. А здесь один клуб и тот на замке. Как вы только живете?

Крыльцо было обшито тесом, как веранда, но окно вделано одностворчатое, узкое, свету через него проникало мало, и из углов всегда напирал полумрак. А уж теперь, вечером-то, было совсем не разглядеть лиц. И все же ребята, стесняясь встречаться с Аликом взглядами, понурились. Вовка скреб босой ногой половицу и не смел выскочить из крыльца, хотя выслушивать упрёки ему не хотелось. Он выжидал, когда Алик закончит и когда незамеченным можно будет выскользнуть за угол и убежать.

— Володя, — сказал Алик вежливо, — у меня есть к тебе конфиденциальный разговор.

Ребята переглянулись при незнакомом слове, и Алик, чтобы не интриговать их, разъяснил:

— Как говорят у нас в Улумбеке, разговор т-т-т.

Ну, так говорили и в Полежаеве. Ребята свободно вздохнули.

Алик поднялся, ботиночки на его ногах скрипнули. (Господи, даже Толик Неганов ходил по Полежаеву в кедах!)

Они зашли за угол, и Алик, размахивая руками, горячим полупшепотом заявил:

— Я не хотел говорить об этом при всех, чтобы не унижать твоего человеческого достоинства. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Вовка насторожился. Такое начало ничего хорошего не сулило.

Алик оглянулся, не подслушивает ли кто-нибудь из ребят, и, успокоившись, приступил к делу.

— А если Геннадий Иванович уедет на месяц? — спросил он зловещим шепотом.

— Не уедет, — несмело возразил Вовка.

— А если уедет? Отпуск, женитьба, похороны — миллион причин.

Тут Вовка сдался. Одна из этих причин — он знал — наверняка может осуществиться: не зря же агроном Шура Лешукова сегодня тоже отправилась в Березовку, хотя ее ни на какие семинары не приглашали.

— Ты отдаешь себе в этом отчет? — вел наступление Алик, догадываясь, видно, что Вовка задумался неспроста.

— Отдаю, — согласился Вовка.

И Алик неожиданно сделал резкий выпад против него:

— А почему он не оставляет тебе ключей?.. Нет, я не стал при всех, я тебя один на один спрашиваю... Он что, не доверяет тебе?

Вовка опустил голову.

У него и у самого возникали такие вопросы, только он отгонял их подальше. А теперь не отгонишь.

Конечно, чего о доверии теперь толковать, когда Вовка первым Геннадию Ивановичу и не доверился. Уж как тогда Геннадий Иванович пытался у него: «Вовка, ты не видел, кто негановский фонарик подобрал? Ты же в судьях сидел, должен был заметить, как Толик выронил «жучок» на площадке...» А у Вовки и глаза от стыда не лопались, таращился на Геннадия Ивановича, как баран на новые ворота: «Этого еще не хватало, чтобы я за ним, фон-бароном, следил!»

Потом-то, конечно, пришлось открыться во всем своему квартиранту. Да ведь говорят, дорогá ложка к обеду... Впрочем, не признался — доверие потерял. Обижаться не на кого. Сам виноват.

— Ты ли ему не помогал, — зудил Алик на ухо. — Ничего не понимаю! Да я бы на твоём месте...

От учительских выговоров Вовка так не страдал, родительские упреки выслушивал вообще вполуха, а тут совсем сник.

— Да он, наверное, и в самом деле забыл, с собой увез, — проговорил он подавленно.

Но Алик трезво остановил его:

— По телефону, конечно, ключа не передать, в этом ты, к

сожалению, прав. Но ведь Паша-почтовоз каждый день ездит в Березовку. Захотел бы Геннадий Иванович, мог с ним послать.

Тут уж все козыри оказались у Вовки выбиты. Не возразишь. И он захлопал себя по ногам, будто бы комары кусают, а сам не знал, что и сказать в ответ.

— Ну ладно, ты над этим подумай,— посоветовал Алик.— Конечно, можно бы и не говорить ничего, но я не в силах терпеть, когда человек заблуждается в чем-то. Извини меня, пожалуйста.

— Да ну, что ты! — стушевался Вовка.— Чего извиняться-то, это ты меня извини.

Алик положил ему руку на плечо:

— Ничего, духом не падай. Выводы из этой истории сделаешь — для самоусовершенствования полезно.

Они вышли из-за угла в обнимку. Ребята нетерпеливо дожидались их у крыльца.

— Вовка! — свистнул Славик Соколов.— Иди-ка сюда. Но Вовка и не подумал отзываться.

— Ну, ребята, я домой побежал. Меня сегодня только до девяти отпустили.

Такой примерный стал.

— Во-о-овк! — умоляюще позвал Славик.

Но у Вовки только пятки засверкали, побежал — не догонишь.

Всю ночь делал он выводы — для самоусовершенствования. Крутился на кровати и так и сяк — сон не брал его.

ОдолеВ Вовку страх, что и ребята могут подумать так же, как Алик Макаров. Алик хоть по-человечески поступил: отозвал в сторонку и выложил все с глазу на глаз. А эти ведь охламоны на смех поднимут — и на улицу будет показаться нельзя.

Нужно было с наименьшими потерями выбираться из дурацкого положения. Уж ребята-то никак не должны думать, что он вышел из доверия у Геннадия Ивановича. Да и как это так — сразу вышел? Негановский фонарик — это одно, а клубные дела — другое. Разве в клубных делах Вовка когда-нибудь подводил?

В конце-то концов помощник он или не помощник Геннадию Ивановичу? Сам же Геннадий Иванович говорил, что без Вовки совсем бы пропал. Ну, а раз помощник, так и дайте ему право действовать как помощнику.

Вовка на цыпочках прокрался в комнату квартиранта. Родители досматривали десятый сон и не пошевелились, но Вовка для предосторожности прикрыл дверь.

На заборке висели два пиджака Геннадия Ивановича. В одном Геннадий Иванович всегда ходил на работу.

Вовка потрогал карманы снаружи, но ничего не нащупал. Мелочь какая-то звякнула, а ключей не было. Проверил другой карман — и тоже безрезультатно.

Так ни с чем и отправился он снова в кровать. Ну что же, утро вечера, говорят, мудренее.

Но и утром Вовка ничего придумать не смог. С ужасом дожидался вечера. А ну как Алик ребятам проговорился о секретничании с Вовкой? Надо было, пожалуй, дожидаться, чтоб Алик первым ушел. Из Вовки-то слова не выжмешь, умеет держать язык за зубами.

* * *

— Вот правильно,— похвалил Алик Вовку.— У него семинар, а мы тоже люди и должны отдыхать культурно.

Он стоял у клуба перед раскрытым окном и дожидался, когда Вовка отыщет мяч.

— Ты под столом посмотри. Может, туда закатился,— подсказывал Алик.

Вовка уже начал догадываться, что мяч, как и бильярдные шары, закрыт в шкафу. Была у Геннадия Ивановича такая привычка — все запирает под ключ. «Подальше спрячешь — поближе возьмешь»,— говаривал он.

— Ну, чего ты там? — торопил Алик.

— Да не могу найти.

— На шкафу посмотри.

— Уже смотрел. Нету. Видно, в шкафу закрыт.

— Ну и порядочки,— раздражаясь, заговорил Алик.— У нас бы в Улумбеке давно такого заведующего прогнали. Ну, вызвали тебя на семинар, так не делай из этого проблемы для окружающих. Что мы, бильярдные шары вместо яиц будем глотать? Или волейбольный мяч зажарим на сковороде и съедим?

Вовка выглянул из-за косяка в окно: Алик, заложив руки за спину, разгуливал вдоль нематых зарослей крапивы и распалял себя ровным голосом:

— Безобразие! Элементарная вещь, волейбольный мяч,—

и та под замком! Да что здесь, вор на воре сидит и воров погоняет? У нас в Улумбеке...

Тут уж Вовка не выдержал. Подобрался пальцами под верхнюю створку шкафа, подергал — вроде пружинит. Видно, левая дверца на крючок изнутри не зацеплена. Вовка подергал сильнее — оттягивается. Или, может, створки фанерные, поэтому прогибаются? Если на крючок не зацеплена, тогда, поднатужившись, шкаф можно открыть сразу на обе створки. А закрывать и того проще: совместил дверцы поаккуратнее, надавил по центру плечом — и все по своим местам встанет, будто и не открывали.

Вовка перехватился руками за низ и, почти сев на пол, уперся ногами в кромку шкафа. И едва он это сделал, как правая дверка, прогнувшись, затрещала. Вовка испуганно отпрянул от нее. Но дверка уже соскочила с шарнира: шурупы выскочили из дерева «с мясом». Вовка попробовал поставить ее на место, но она теперь уже не держалась.

— Ну, достал, что ли? — крикнул в окно Алик.

— Достал,— сказал Вовка, вытирая со лба испарину. Он уже не рад был, что полез за мячом, но покойника, говорят, назад не воротить.

Трясущимися руками Вовка открыл левую створку — на крючке-таки оказалась — и в нижнем углу увидел мяч. У него уже не было никакой охоты играть в волейбол, но Алик покрикивал во дворе, сколачивал команду.

Вовка выбросил мяч, потом перевесился через подоконник сам и не рассчитал прыжка, угодил босыми ногами в крапиву. Вскрикнуть даже не успел, потому что Алик уже расставил всех по местам и звал Вовку:

— Ну, где ты там? Мы готовы.

Вовка второпях послонявил ожоги, но зуд не спадал, и, прихрамывая, побежал на площадку.

— Мы тут без жеребьевки решили: твоя подача,— объявил Алик великодушно.

Вовка вышел за бровку, подбросил мяч для удара и — давно не бывало такого — забил его в сетку.

— Опомниться не дали,— сказал он, оправдываясь.— Знаете, как запышкался!

— Пусть перебьет,— разрешил Алик.

Но и второй удар оказался неточным: мяч улетел в аут.

Игра что-то не клеилась. Как ни подбадривал Алик ребят,

азарта не было, будто людей согнали на площадку из-под палки. Да и сам Алик, хоть и шумел больше всех, часто мазал, отчего злился и бросался на партнеров, как цепная собака:

— Ты что, не мог повыше подать?..

— Ну куда, куда? Не видишь, я у сетки стою?..

— Ты чего подправлять суешься? Я бы и тут взял...

— Опять столбом торчишь? Принимай!..

Счет так и не довели до победного.

И вообще лучше было бы кончить еще раньше. А то с Заречной Медведицы подоспели взрослые парни. «Мы,— говорят,— и не знали, что Геннадий Иванович в Березовке. Ну не в бильярд, так в волейбол поиграем». Вовка и возразить не успел. Началась такая потеха, что глаза бы не смотрели на волейбольную площадку. Вовка было уселся судить. А зареченцы играть-то как следует не умеют. Тузят мяч, будто боксерскую грушу, и сами же над собой хохочут. Их счет и не интересовал. Били по мячу, как в драке. Он звенел и взмывал выше деревьев. А они, как дурачки, и рады.

Вовка уж хотел улизнуть с мячом в клуб. Да в окно не полезешь. Придется, видно, терпеть, пока зареченцы не устанут. А они совсем обнаглели: видят, что у Вовки защитника, Геннадия Ивановича, нет, и творят чего вздумается.

Алик вздыхал и шепотом давал Вовке советы:

— Володя, ты прекрати игру. Они же мяч порвут.

А как прекратишь?

— Ты объяви: мол, хватит, товарищи, наигрались.

Держи карман шире: так они и послушают. Сегодня он для них не начальник. Еще на него же и нажалуются потом: скажут, мяч утащил раньше времени. Пойдут расспросы: что да чего? Вот все и раскроется.

Нет уж, сам себе Вовка не враг.

Пусть зареченцы наиграются вволю.

Мяч у них залетал то в огород, то в крапиву. Вовке же приходилось и бегать за ним, обслуживать ретивую бестолковщину. Ничего не поделаешь: назвался груздем — полезай в кузов. Для тех случаев, когда мяч закатывался в крапиву, у Вовки был припасен кол. Но и с колом он обстрекался так, что ноги усыпало волдырями. Крапива-то разрослась, как лес,— никаким колом мяча не достанешь.

Вовка все же решил перехитрить зареченцев. В очередной раз, когда ему снова выпало забраться в жгучие заросли, он

подходил к крапиве и с одной стороны и с другой, елозил колом по зелени и туда и сюда, а сам все норовил затолкать мяч под бревна, которые были штабелем сложены у огорода. Вот уж настрадался-то: всего изожгло, руки и те пупырьками подернуло, как чирьями.

— Что, не можешь найти? — крикнули зареченцы в нетерпении.

— Не-е...

И вся площадка с гоготом сорвалась с места. Такой оравой иголку в стогу сена найдут, не только мяч. Да человек пять в сапогах были, для них и крапива не крапива.

— Вот же он, под бревно укатился...

Выпинали. А на ногу одному попало, всем охота попробовать, как мяч взмывает в небо. Вовка, будто вратарь, самозабвенно бросался на спасение мяча. Да где там... Одному с двенадцатью не совладать. Только разгорячил зареченцев. В футбол-то они играли лучше, чем в волейбол.

Но футбольного отношения к себе мяч не выдержал, на чем-то сапоге — разгорячившийся Вовка и не разглядел, на чем, — лопнул. Как из пушки выстрелило.

Парни освобожденно захохотали: им надоела игра.

Алик подскочил к Вовке.

— Я же тебя предупреждал! — возмущался он. — Ты меня не послушал.

Но Вовке-то не легче было от этих предупреждений.

Алик покрутился, покрутился вокруг него и шепнул:

— Вон тот порвал, кудреватый.

— Колька Попов?

— Да тише ты! Я не знаю, Колька не Колька, а говорю тебе — кудреватый. Ну, я пошел, до свидания. — Алик быстрым шагом скрылся за углом клуба.

А остальные ребята уже давно разошлись по домам: чего дожидаться, когда зареченцы и близко к волейбольной площадке не подпускают...

Вовка еле сдерживал себя, стоял куксился.

— Да не горюй, Вовка, — сказали зареченцы. — Покрышка целая, а камера стоит копейки. Не вечным же он и был, твой мяч. Когда-нибудь да порвался бы.

Если б знали они, что «когда-нибудь» Вовку вполне устраивало, а вот «сегодня» — нет!

Зареченцы двинулись шумной ватагой вдоль Полежаева. И частушки еще запели:

На дворе барана режут,
Я баранины хочу.
Если осенью не женят,
Печку к черту сворочу!

Вовка расшнуровал покрывало, достал камеру: надеялся, что можно будет заклеить. Где там! По всей длине разъехалась — только выбросить.

Не сознавая, зачем он это делает, Вовка набил в покрывало травы, листьев, тряпок, и она опять приобрела форму мяча.

На улице уже стемнело. А в клубе, когда Вовка перевалился через подоконник, было хоть глаза выколи. Вовка на ощупь пробрался к шкафу.

И вот ведь верно говорят, что беда не ходит одна. Дверка у Вовки выскользнула из рук и грохнулась на пол. Вовка по дребезжащему звону понял, что она если и не раскололась сверху донизу, то пустила широкую щель. В потемках-то и не разглядишь, где да что. Вовка сунул мяч на нижнюю полку, прислонил дверь к шкафу — и дай бог ноги. Даже не вспомнил, закрыл ли окно.

* * *

На следующий день Вовку разыскала Шура Лешукова: — Тебе от Геннадия Ивановича привет.

Вовка сидел на кровати набычившись. Тело у него зудело от волдырей, и он расскреб их до крови.

— Да что это с тобой? — испугалась Шура. — Ты же весь в расчесах.

— Вчера в крапиву упал, — поразмыслив, соврал Вовка и не посмел взглянуть Шуре в глаза.

— Так хоть бы вазелином намазался. — Она кинулась по избе искать вазелин и нашла что-то в комнате Геннадия Ивановича, в которой ориентировалась не хуже, чем у себя дома.

— Ну-ка, давай подними штанину!

Шура намазала Вовкины ноги, и боль сразу смягчилась. На Вовку накатывалась волна раскаяния. Он лежал как маленький, и ему хотелось расплакаться. Если бы Шура не заговорила первой, то, наверно бы, Вовка не удержался и рассказал про вчерашний вечер.

— А Геннадий Иванович тебе ключи от клуба послал, — сказала Шура. — И письмище вон накатал какое длинное — инструкция целая.

Вовка чуть не закашлялся, подавившись слюной, которой накопился полнешенек рот. Он сглатывал, сглатывал ее и все давился. А Шура, не унимаясь, рассказывала:

— Я Геннадия Ивановичу говорю: «Может, мне ключи-то отдашь?», а он головой мотает: «Нет, Вовка надежнее». Видишь, как тебе доверяет. Гордись!

У Вовки по спине заструился мороз — так и передернуло всего.

— Не заболей хоть,— забеспокоилась Шура.— Может, в медпункт покажешься?

— Да нет,— отказался Вовка.— Это я так.

— Ну смотри.

Шура выложила ключи на стол, подала Вовке письмо:

— Тут все сказано. А на словах Геннадий Иванович велел передать тебе вот такой привет! — Шура показала руками, какой большой привет.— И еще сказал, что без такого помощника он совсем бы пропал.

Вовка помигал, помигал и спросил:

— А чего он с Пашей-то, почтовозом, не посылал ключи?

Шура просияла:

— Ну, Геннадий Иванович как в воду смотрел. Говорит: «Вовка, наверно, обиделся, что я ключи увез». А ты не обижайся на него, он по забывчивости увез. А с Пашей не мог послать: его с занятий не отпускали.

— К тебе так отпустили, а к Паше — нет,— подколот Вовка.

— Ну, Фома неверующий! — засмеялась Шура.— Я же вечером с ним встречалась. У них же не круглые сутки занятия. А Паша днем приезжал... Вот другое дело, что Геннадий Иванович сразу тебе ключи не оставил. Так опять же понятно: впопыхах собирался, забыл... Тут ему столько отчетов надо было с собой везти, что зашился с ними, со мной и то не простился. Ругаться вот ездила из-за этого. Ну-ка, уехал — и не поцеловал меня.

Ох, умела Шура подкатиться к человеку! В другое бы время Вовка ликовал, а теперь не знал, куда и деваться. Он томился приходом Шуры и ждал, когда она оставит его в покое.

Но Шура будто и не собиралась никуда уходить, обожаясь смотрела на Вовку и загадочно улыбалась.

Вовка насупился: скорее бы уж заканчивала пытку.

— Володя! — провозгласила она наконец торжественно.— Тут Геннадий Иванович расстарался и тебе еще один

подарок послал. Говорит: Володе без этого подарка нельзя, в вечернее время, говорит, клуб закрывать приходится, в темноте полной, и чтобы не маяться... Ну, в общем... Она радостно возвысила голос: — Вовка, пляши!

Шура достала из сумки электрический фонарик, «жучок». Не такой, как у Толика Неганова, не металлический, корпус выплавлен из пластмассы, но при бережном отношении и его хватит надолго. Главное-то не корпус, а то, что фонарик работает без батареек — считай, что вечный.

Шура зажужжала динамиком и направила луч Вовке в лицо. Вовка сглотнул слюну, но не решился протянуть руку к фонарику.

* * *

Шура, сияя, ушла. А Вовка сунул «жучок» под подушку и с головой накрылся одеялом.

Посреди стола лежали уже не нужные ему ключи.

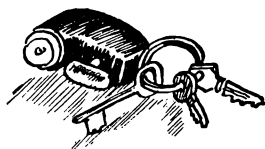
Уж лучше бы Геннадий Иванович их и не присылал, не травил душу. А то лежат они на столе и, как живые, укоряют Вовку: «Эх, помощничек ты, помощничек... Геннадий-то Иванович надеялся на тебя, словно на самого себя, а ты...»

Вспомни, не Геннадий ли Иванович советовался с тобой по всяким клубным делам. А мячи в магазине покупали — и футбольный, и волейбольный, — так Вовкино слово самым веским было: какие понравились Вовке, те Геннадий Иванович и взял.

Всё забыл Вовочка, всё на свете. И про фонарик негановский выскочило из головы. Ведь не кто иной, а Геннадий Иванович спас тогда тебя от позора. Не кто иной, а именно он сходил к Васе сельповскому за «жучком», и ни одна душа в Полежаеве не узнала, что в истории с этим распроклятым фонариком был замешан Вовка.

А теперь вот Вовка Геннадия Ивановича и «отблагодарил» за его доброту и доверие. Эх, вернуть бы назад вчерашний день...

Но вот уж верно сказано, что после драки кулаками не машут.

АМБАРНАЯ МУЗЫКА

Бригадир Гомзиков собирал по деревне кошек.

— Что, Иван Сергеевич? — смеялись женщины. — Кошачью ферму открываешь в Полежаеве? Молочную или мясную?

— Эксперимент покажет, какую лучше, — отшучивался бригадир и уже всерьез добавлял: — Спасу от крыс не стало на зерносушилке. Вот попробуем армию на армию напустить — чья сильнее...

— Думаешь, экспериментальная победит?

— Да если Тишку к ним в командиры определим, они и не такое войско одолеют.

Тишка Соколов — от горшка два вершка — сидел на завалянке и куксился: опять старший брат убежал без него за ягодами. Алика Макарова, чужого человека, взял, а его, Тишку, оставил. И это брат называется. Конечно, Алики Тишке не ровня, Тишка это понимает и сам. Ну и подумаешь, семиклассник, но не студент же еще пока. Конечно, с Аликом брату интереснее. Но если уж по-честному говорить, то и

Алик Славику не чета, хоть Славка и моложе Макарова всего на один год. У Алика не голова, а Дом Советов, у Славки же — дырявый горшок, ему еще до Алика тянуться и тянуться. Тишка даже быстрее дотянется. Брали бы его старшие ребята с собой, Тишка бы от них все перенял, он восприимчивый... Вот подождите. Тишка через две недели первоклассником станет, он всех отличников за пояс заткнет...

На коленях у Тишки грелись три котенка — лапы и головы исперепутаны, не поймешь, где чья. Тишка гладил этот теплый мурлыкающий клубок и ниспосылал на голову обманщика брата всевозможные кары.

Тишка вполуха вслушивался, о чем перекикивался с женщинами бригадир Гомзииков. И только когда тот снова выкрикнул его имя:

— Ну, так как, Тишка, командиром согласен быть? — Тишка понял, что Гомзииков мимо него не пройдет.

Гомзииков и в самом деле свернул с дороги на луговину и направился к Тишке.

Тишка, чтобы не тревожить котят, не поднялся, поздоровался с бригадиром сидя. Гомзииков потянулся к котяткам:

— Ну, Тишка, вот это у тебя молодцы так молодцы... Почему бы им не потрудиться на пользу колхоза? Почему бы не двинуть их на крысиный фронт?

А какие котята фронтовики? Глаза еще недавно прорезались. Молоко из-под мамки сосут.

Тишка накрыл котят подолом рубахи:

— Не дам!

Иван Сергеевич Гомзииков нахмурился:

— Ох, защитник какой выискался... Котят ему, понимаешь ли, жалко, а колхозное зерно на сушилке не жалко? Ты, Тишка, подкулачником растешь, не колхозником. У тебя зимой снегу не выпросить. Ты вот нынче в первый класс пойдешь, так с тобой, скупердяем, никто и сидеть рядом не будет...

Совсем застыдил Тишку. Тишка уж и не рад был, что заступился за котят. Но им ведь не то что с крысой, с мышью еще не управиться... Как же Гомзииков-то, взрослый человек, не поймет этого?

— Ну ладно, Тишка, — неожиданно сдался Гомзииков, — своих жалко, так пробегись по деревне — чужих собери. Да мелюзги не трогай, тащи на сушилку котов покрупнее, побоевитей.

Сушилка белела за рекой свежееоструганными стенами. Ее построили прошлым летом, и она не успела еще заветреть, из ошкуренных бревен до сих пор выкипала смола. Тишка вместе с братом не раз бегал туда собирал щепки для самовара и всегда примечал, что обманно чистые слезы смоляной накипи кого-нибудь, но обязательно притянули к себе: то они клейко пленили мохнокрылую бабочку, то длинноногого паука, то комара-пискуна, умудрившегося прильнуть почему-то крылом и безрезультатно пытавшегося с помощью второго крыла оторваться от липучей стены.

А крыс эта смола не испугала, хоть и говорят, что они боятся хвойных деревьев, никогда не селятся в ельнике. Сушилка же собрана из еловых бревен, она еще и сейчас хвоей пахнет, а крысы, видать, почуяли и другой запах — запах хлеба. И он переборол в них испуг. Видишь, Гомзикову пришлось по деревне бегать, кошек по домам собирать.

Вообще-то сушилка — дело не гомзиковское. Гомзиков, правда, как бригадир над нею начальник. Но сушильщиком работает Федюнин Василий Сергеевич. Да не повезло мужику — в самую горячую пору свалился, подхватил воспаление легких. Теперь вот бригадиру приходится и за него крутиться. Сушилка — не прежний овин, кому-нибудь ее не доверишь, знающий человек нужен, понимающий толк в современных машинах. Они, конечно, и есть, такие люди, но в уборочную все расставлены на нужных местах, никого не оторвешь от работы.

Так что, Гомзиков, хочешь не хочешь, а и федюнинскую лямку тяни. Да лямка-то оказалась изъеденной крысами. Что-то Федюнин не проговаривался раньше о них. Наверно, спал много, не замечал.

А Гомзиков решил дать им сражение.

* * *

Кошки были запущены в помещение сушилки. Гомзиков с Тишкой — оба с исцарапанными руками — сидели на крыльце. От реки, трепетно стуча крылышками, время от времени налетали стрекозы-коромысла, садились на прогретые солнцем стены, от которых сомлевшие пахло смолой.

Гомзиков жаловался Тишке как большому:

— Порог, понимаешь, переступаю, а они из-под ног — врассыпную. Да здоровущие, как поросята. Мне даже страшно сделалось... Чуть обратно не поворотил.

Тишка и сам не то что побаивался, но чувствовал себя неуютно, когда видел крыс. Остромордые, с длинными чешуйчатыми хвостами, с голыми, будто ошипанными, ушами, они с перепугу могли броситься человеку под ноги и до полу-смерти испугать кого хочешь.

Тишка однажды пришел к матери на ферму, и та отправила его в кормозапарочную за концентратами. Тишка едва дверь открыл, как из деревянного ларя выскочила крыса, да, не разобравшись, где что, кинулась Тишке прямо под ноги. Пробежала по босой ступне, будто крапивой ожгла. Тишка выронил ведро, которое собирался нагрузить запаренными концентратами, а крыса, испугавшись звона, с налета ударилась в дверь и унырнула в образовавшуюся у косяка щель. Тишка долго стоял ни живой ни мертвый, сердце почти у горла колотилось. Он потом в кормозапарочную, прежде чем войти, кулаком стучал. А ногу, будто в проказе она, целую неделю керосином смазывал.

Он вот и теперь сидел на лесенке у сушилки и спиной ощущал неприятный холодок, будто дверь могла ни с того ни с сего открыться и выпустить на улицу крыс.

— Год, видно, тяжелый будет,— рассуждал уже сам с собой Гомзиков.— Оттого они так и активизировались...

— Какой тяжелый? — не понял Тишка.

— А вот примечай,— поднялся Гомзиков и указал рукой на березу.— Если листья у нее осенью начинают желтеть с верхушки, то весна будет ранняя, а если снизу, то поздняя. Значит, кормов надо запастись больше. Звери, смотри, это хорошо чувствуют.

Береза действительно сулила долгую зиму, пестрела листьями только снизу, вершина у нее стояла нетронута зеленой.

— Или вот много паутины на бабье лето летает...— продолжал поучать Гомзиков.— Это тоже к холодной зиме... И Томилиха мне сказывала — она примечает по пчелам,— говорит, матка уже перестала в улье яйца откладывать... А перед теплой зимой она еще и в сентябре кладет...

По всему выходило, что крысы не напрасно совершали набег на зерносушилку — чуяли приближение затяжной суровой зимы.

И Гомзиков не мог найти на них никакой управы. Они прогрызали дыры в полу, обходили хитроумные ловушки, избегали приманки в капканах. Плотники зашьют дыры брусом,

крысы в другом месте прогрызут пол — и прямым ходом к мешкам с зерном. Все мешки распороты. Из рассыпанной пшеницы дорожки тянулись до самых нор.

— Напасть, да и только, — разводил руками Гомзиков. — Они ведь повадились, так все подчистую сожрут... Ну-ка, представь себе, что плодятся через каждые три месяца да рожают по десять — пятнадцать штук — армия, другого слова не подберешь... Все, все сожрут...

Тишка прислушивался, что творилось в помещении сушилки. Но там было тихо. Видать, армия призадумалась, почуяв появление кошек. Что там ни говори, но кошек было предостаточно — Тишка четыре раза бегал за ними в деревню, да двух котов принес с собой Гомзиков.

Утром кошки, жалобно мяуча, стабунились у порога и, когда Гомзиков открыл дверь, они напористо ринулись к выходу. Их невозможно было удержать.

Гомзиков включил свет, ощерившиеся крысы нехотя потянулись к норам. Зерно снова было рассыпано по всему полу.

— Ох, камень надо было прихватить... я бы их камнем. — Славка, старший брат Тишки, был настроен воинственно.

— Да чего бы ты камнем сделал, — охладил его пыл Гомзиков. — Мы вон с Тишкой шесть кошек к ним подсадили — и то никакого толку. Видал, как рванули к выходу? Наверно, не одну эти крокодилы изувечили. Заметил, как зубы скалили? С такими не всякая кошка сладит.

Тишка жался к Гомзику, а Славка не оробел, деловито исследовал дыры в полу, принюхиваясь, будто кот, суя в темные выгрызы в дереве пальцы, словно собираясь ухватить крысу за хвост и вытащить ее на белый свет.

— Травить надо! — убежденно заявил он.

Гомзиков усмехнулся:

— У меня, Славочка, в поле комбайны работают, я не могу их останавливать.

Ох уж этот Гомзиков! Он всегда так: сначала что-нибудь скажет, а потом начнет объяснять. В прошлый раз по-заячьи напетлял вокруг затяжной зимы. Теперь так же неясно крутит вокруг комбайнов.

— Так разве одно другому мешает? — не удержался Славик.

— А как же? — в свою очередь удивился Гомзиков. — Я фуражное зерно сушу, на корм скоту. Если яды в него попа-

дут, то и скот отравиться может. Конечно, в незначительной дозе не страшно, но тут же, сами видели, что творится... Тут крысидом фукать и фукать у каждой дыры — их же армия... А десятипроцентным фтористым натром еще опаснее, чем крысидом... Куда ни кинь, везде клин... Одна надежда была на кошек.

— Может, мы еще раз попробуем? — предложил Тишка. — Вон у Егорихи кот такой злыдень, что на собаку и то бросается. Неужто от крысы задаст драпака?

— Давайте еще раз попробуем, — согласился Гомзиков и неожиданно засмеялся: — Я вот на сушилку бежал, так у Егорихина дома козу видел с рогатиной на шее. Хитрущая, видать, скотинка — голову норовит между жердей в огород просунуть, там трава ее манит сочная. Да Егориха хитрее козы оказалась: на шею ей рогатину привязала. Та как ни тянется между жердей к траве, рогатина ее не пускает... Вот и крыс бы нам так обхитрить.

Славик сразу задумался. Но Тишка-то братца знал — ничего ему путного в голову не придет. Только и хватает его на то, чтобы на крыс выйти с камнями.

И точно.

— Эх, если бы я с камнями вошел, так не одну бы прицельным огнем уложил, — похвастался Славик.

Но Тишка-то уже знал, у кого идей полная голова. К Алику Макарову надо бежать. Уж если он беспроволочный телефон изобретает, то и насчет крыс может чего-нибудь придумать.

У Алика голова варит.

Но и от кошек отказываться пока нельзя. Егорихин кот не зря в деревне прозван Агрессором. Уж он-то от крыс не отступит.

* * *

Но и Агрессор, к сожалению, сплеховал. Он сконфуженно встретил Гомзикова у порога сушилки. На носу у него запеклась кровь. Правое ухо безжизненно переломилось надвое. И когда Гомзиков включил свет, ощеренные крысы со вздыбленными загривками опять лениво потрусили к норам.

— Разбой среди бела дня, — только и сказал Гомзиков.

Алик Макаров даже не стал в сушилку и заходить:

— Я могу консультацию и отсюда дать.

— Едрена-матрена, да ты хоть посмотри, какие они дырищи выгрызли,— уговаривал его Славик.— Ты посмотри, какие потери от них колхоз несет...

— Я могу представить и без осмотра.— Алик достал из кармана расческу, взволнил ею «коровий» зализ, набриоленный дома. Зубья у расчески подернулись жирным блеском.

На голоса вышел из сушилки Гомзиков.

— Что за шум, а драки нет? — спросил он, подозрительно оглядывая ребят. Они были как нахохленные воробьи: Славка рвался в помещение сушилки, чтобы в натуре продемонстрировать зазванному сюда башковитому гостю все, что высмотрел вчера сам, Алик же — в отутюженных брючках, в сверкающих гляncем ботиночках — высокомерничал, упирался и, как казалось Тишке, набивал себе цену.

Тишка обрадовался тому, что Гомзиков вышел к ним на крыльцо.

— Вот Алик Макаров,— сказал он.— Он придумал уже... Он...

Алик и в присутствии Гомзикова продолжал важничать.

— Да вот, позвали,— кивнул он на Тишку и Славика.— Говорят, крыс вы тут расплодили.

— Точно,— подхватил Гомзиков.— Усиленно занимались селекцией... Не изволите ли взглянуть?

— Да нет, зачем смотреть,— то ли не поняв издевки, то ли сделав вид, что не понял, сказал Алик.— Мне и так все ясно.

— А то взглянули бы,— настаивал Гомзиков.— Особо породистых я отлавливаю и, как свиньям, подвязываю на шею деревяшку, чтобы ее грызли, а не пол. Это благотворно воздействует на нервную систему, сказывается на привесах.

Славка откровенно захохотал.

Тишка ткнул брата и покосился на Алика: а вдруг тот обидится?

Алик стоял насупленным, играл желваками.

— Мне что? Я могу и уйти.— Он знал себе цену.

Тишка дернул его за рукав:

— Алик, Али-и-ик... Ты же про пластинки хотел рассказать...

— Ну, если они не хотят,— пожал Алик плечами и покосился на Гомзикова.

Гомзиков стоял чуть в сторонке, и Тишка, наблюдавший за ним, видел, что бригадир то и дело смеживал веки, пряча в глазах насмешливость.

«Не верит,— догадался Тишка.— А зря! Кроме Алика никому не сообразить».

Славка все же вовремя одернул себя, насторожился.

— Да ты, Алик, чего? — пошел он на примирительные уговоры.— Ну, бывает же... Смешинка попала в рот. Не обращай внимания. Скажи все Ивану Сергеевичу, чего нам говорил.

Алику этого было достаточно. Он повернулся к Гомзикову:

— Иван Сергеевич, я думаю, на крыс можно подействовать музыкой.

— Это что, как в той сказке про скрипача, который всех крыс за собой в море увел?

Гомзиков по-прежнему не скрывал насмешки. Но Алик-то — Тишка знал это! — тоже не лыком шит.

— Да нет,— сказал он спокойно.— Та сказка не опирается на научные сведения... Крысы, наоборот, не любят музыки и за скрипачом никуда не пойдут...

— Ну, так зачем же и огород городить? — опять не сдержал ухмылки Гомзиков.

Алик прочертил носком ботинка черту — излюбленный его жест.

— Знаете, Иван Сергеевич,— сказал он,— дело в том, что крысы очень болезненно реагируют на музыку. У них даже случаются от нее эпилепсические припадки.

— Чего, чего? — не поверил Гомзиков.

— Иван Сергеевич, я ничего не придумал,— сохраняя достоинство, сказал Алик и опять провел ботинком полукруглую линию по земле,— я читал научную работу английского психолога Мойры Вильямс...

— Какого, какого психолога? — переспросил растерянно Гомзиков.

— Английского.

Гомзиков недоверчиво покрутил головой: ох и заливаешь же, мол, ты парень.

— А на каком языке написано? — все же уточнил он.

— На английском. Но я читал в переводе на русский.

— Ага, значит, пишет он все-таки на своем, не на нашем?

Тут уж и Славик не утерпел:

— Иван Сергеевич, а чего? Рус не верит — дай проверить...

Гомзиков захохотал:

— Ну, ученые головы, заморочили вы меня английским психологом: тащите вашу амбарную музыку... Какая она: буги-вуги или трали-вали?

— Да нет, — возразил Алик. — Самая мелодичная... И кстати, английский психолог — женщина, не мужчина.

Гомзиков, конечно же, после этого еще больше засомневался в успехе «амбарной музыки»:

— А-а, валяйте... Толку не будет.

Он знал, что вот если бы сушилку приподнять, как на курьих ножках, на каменных круглых сваях или окопать ее глубокой траншеей, крысам было бы не пройти. Он знал, что грызунов можно травить крысидом, углекислым барием, фтористым натром. Он знал, что на них можно ставить капканы, что их можно заманивать в хитроумные ловушки. Но чтобы их можно было выживать из амбара музыкой...

— Бред собачий!

* * *

Алик заставил нести проигрыватель Тишку, а сам важно вышагивал впереди, как журавль. Проигрыватель был нелегок, Тишка то и дело переменял руки, но не пищал: главное, Алик согласился помочь Гомзикову. Теперь бригадир прекратит издевочки над ребятами: он, лобастый, ничего не сумел придумать, а они, школьники, избавят колхозную зерносушилку от всякой твари.

Славик уже орудовал на сушилке — под присмотром Гомзикова тянул электрошнур с розеткой к дощатому столу, на котором намеревались установить проигрыватель, Гомзиков скептически похмыкивал:

— Валяйте, валяйте... Чего вот из вашей затеи выйдет... Опозорите вы своего англичанина... или... как ее... англичанку...

— Мойру Вильямс, — подсказал Алик.

Гомзиков повторять ее имя не стал: затея зряшная, и имя запоминать ни к чему.

Пластинки Алик подобрал действительно мелодичные. Под такую музыку «буги-вуги» не спляшешь и никакую горластую дребедень не споешь. Хорошие пластинки.

Они вышли на улицу, оставив проигрыватель развлекать крыс. Вот жалко только, что пластинка, хоть и долгоиграющая, имеет конец, и надо будет переставлять иглу.

От реки тянуло сырой горечью черемушника, прелью крапивы. Над водой, слышно было, щебетали стрижи, готовившиеся к отлету на юг.

Музыка проникала сквозь толстые стены зерносушилки глухо. И Гомзиков снисходительно поглядывал на ребят:

— Нет, парни! Пустое дело... Вот если бы к каждой норе поставить по громкоговорителю да «буги-вуги» включить, может, чего и вышло бы. От «буг-вуг» меня и то оторопь берет, и их, наверно, хоть они и нахалы, проняло бы...

Гомзикову — Тишка догадывался — хотелось заглянуть в помещение сушилки.

— Там они, поди уж, на пластинку взгромоздились,— предположил он,— и спят под музыку... А может, в проигрывателе дыру грызут, охота ведь и пластмассу испробовать...

Он явно провоцировал ребят заглянуть в помещение.

— А вдруг они танцы сейчас устроили?..

Алик невозмутимо сидел на ступеньке.

— Надо подождать, чтобы до них до всех дошла информация о том, что в сушилке установлена музыка.

Гомзиков прикрыл ладошкой смехок, но согласился ждать. Тишка видел, что бригадира неодолимо тянет в сушилку предчувствие забавы: дверь открывается, а крысы, снова ощерившиеся, готовые и на человека броситься, нехотя трусят к дырам...

Гомзиков выкурил папиросу, хлопнул себя по коленям:

— Ну, пошли!

Тишка затаил дыхание. Гомзиков рванул дверь, нашарил на стене выключатель и, когда свет неровно замерцал под потолком, удивленно присвистнул:

— Ну и ну...

Крыс в помещении не было. Нет, они не валялись на полу в эпилепсии, они просто-напросто не вылезли из своих нор.

— Я же говорил,— важно заключил Алик.— Вы замечали? Собаки иногда тоскливо воют, если слышат неприятную для них музыку? А крысы, эти вообще...

— Я тоже вою, если неприятную,— сказал Гомзиков и перевернул пластинку другой стороной.— Да не может быть, это мы их испугали...

Он снова выключил свет, вывел ребят на улицу.

— Давайте подальше отойдем, вон к реке спустимся... Они, наверно, нас чуют...

Гомзиков был шокирован. Да не может же такого быть, чтобы крысы от музыки разбегались. Просто какое-то необъяснимое стечение обстоятельств... Может, в эти часы они не промышляют... Может, сон у них в это время... Вон, уж если на ученых ссылаться, и по радио много говорят о всяких биологических ритмах — может, ритм отдыха как раз наступил.

Вода в реке за последние дни заметно убyla, обнажив песчаные отмели. Похоже, что осень не за горами. Отсверкает паутиной бабье лето, а там уж и белыми мухами запахнет. Бывало, что снег ложился и в последних числах октября... Не сулят ли крысы такую раннюю зиму...

Нет, Гомзикову не сиделось и у реки. Не успел выкурить сигарету, как повел ребят обратно к сушилке.

Опять резко рванул на себя дверь, опять торопливо включил свет...

Ну что ты будешь делать, крыс не было...

Гомзиков обескураженно почесал затылок. Тишка победителем смотрел на него: ну что, мол, чья, Иван Сергеевич, взяла? Так Иван Сергеевич против Тишки и обернул Тишкино торжество.

— Вот видишь, Тишка,— сказал он поучающе.— Книжки надо читать. Ты вот ничего не читаешь и никакого средства мне предложить не смог... А этот,— он кивнул на Алика,— сразу-у...

Гомзиков, отвернувшись от Тишки, уже уважительно хлопал Алика по плечу:

— Слушай, а вот если бы еще и другие языки выучить... Ну, английский хотя бы... Наверно бы, еще чего-то дополнительно можно узнать... Применить на практике...

Алик важно соглашался с ним.

Проигрыватель стоял на грубо сколоченном дощатом столе, и из него лилась обволакивающая нежная музыка.

— Надо же,— удивлялся Гомзиков.— Такая хорошая музыка, а им, паразитам, не по нутру...

Голос у него игриво подрагивал. И Тишка вдруг обнаружил, что не только голос, но и глаза у Гомзикова какие-то неестественные, словно он вот-вот вскочит и обрадованно закричит: «А здорово же я провел вас, ребята!»

Нет, не было повода Гомзикову торжествовать над ними. Пластинка усердно крутилась на диске проигрывателя, и крысы не показывались из своих нор.

Но Тишку-то не обманешь. Он нутром чувствовал неестественность поведения Гомзикова: и к реке с ними ходил — зачем? Чтобы потом посмеяться: вот, скажет, к реке повели — иду, в сушилку не дают заглянуть — терплю, весь в вашей власти. Далаю, мол, вид, что поверил вам.

Тишка невольно попытался проследить за взглядом Гомзикова: может, тот крысу увидел где? Так нет же... Просто смотрит на загруженную зерном шахту.

Тишка решил обойти сушилку вдоль стен: а вдруг у какой-нибудь дыры крыса сидит и дожидается, когда свет погасят. Он, свет-то, и так не ярок, но крыса караулит, когда люди уйдут.

И боже ж ты мой, что Тишка увидел? На каждую дыру сетка из проволочных решет приколочена. То-то Гомзиков их разыграл... При таком свете и не увидишь: темнеет дыра и темнеет, а проволока слилась с темнотой...

— Тишка, да ты вон в том углу посмотри, там не забито, — сказал Гомзиков и протянул руку к закоптившемуся оконцу. Насмешки в его голосе не было. Вот и пойми его. То прячет глаза, а то, когда уж вроде бы над ребятами можно и посмеяться, говорит серьезно.

— Я там две дыры не успел забить — вы притащились с музыкой... А на остальные решетки набил и крысиду нафукал...

Тишка чуть с кулаками на него не наскочил: Гомзиков сам же утверждал, что крысидом, когда фуражное зерно сушишь, пользоваться опасно.

— Так у меня же с решетками, ребята, — оправдывался Гомзиков. — Они же сюда не проникнут... Крысид знаешь как действует? — спросил он у Тишки. — Она в норе в нем возится, начнет шерсть облизывать — и готова... Если бы не решетки, она бы, конечно, не успев облизаться, сюда выскочила и залезла б в зерно... Тогда — да, опасно...

— Но две-то дыры не заколочены? — вскричал Тишка.

— Не успел, — развел руками Гомзиков.

— А если бы из них выскочили?

— Ну, ребята, я на вашу музыку понадеялся...

Вот и пойми его, всерьез он говорит или смеется над ними.

— Зря вы заколачивали,— строго сказал Алик.

Гомзиков вроде бы и сам не знал, зря он это сделал или не зря.

— Но не помешает же... Для перестраховки...— сказал он, оправдываясь.

— Да вы же испортили все! — не сдержал себя Тишка.

Гомзиков будто не слышал его выкрика:

— Кто его знает, ребята,— сказал он задумчиво,— может, и в самом деле музыкой можно их вывести... Не знаю... Но я уж по-своему. По своей науке.

Алик отключил проигрыватель от электросети, молча собрал его и толкнул ногой дверь. Славка устремился следом за ним.

— Ребята, да вы на меня не сердитесь.— Гомзиков встал в дверях, и Тишка не знал, как мимо него проскользнуть, ткнулся с одной стороны, с другой, не пройти.— Ребята, вы напрасно обиделись, я против вас ничего не имею,— уговаривал их Гомзиков.

— Ага, не имею,— пропищал сзади Тишка.— А сам все время посмеивался.

Гомзиков обернулся к Тишке:

— Милые мои, так слыханное ли дело — музыкой крысам на нервы действовать... Спервоначалу-то сомневался...

— Спервоначалу, спервоначалу,— передразнил его Тишка.— А сам и эти дыры заколотишь?

— Заколочу,— чистосердечно признался Гомзиков и вздохнул.— И крысиду в дыры нафукаю...

— Ну, вот видишь.— Тишка чуть не ревел. Было обидно, что уж такое верное дело — из книжек вычитанное! — и то поставлено под сомнение.

Гомзиков был, как никогда, серьезен.

— Тишка,— сказал он грустно,— дыры-то я, конечно, заколочу, но они ведь, собаки, и в другом месте их прогрызут... Так я в сушилку и музыку проведу... Кто его знает, может, и помогает...

Тишка видел, что глаза у бригадира не ввали.

ЗЯБЛЕВАЯ ВСПАШКА

Вовку заела совесть. Все ребята пристроились к делу: кто пошел работать на зерноток, кто напросился на подвозку семян к сеялкам, кто льнотеребильщикам стал помогать. Один он бродил по деревне как неприкаянный. Уж на что Славка Соколов лоботряс, но и тот с Колей Поповым на автомашине в стажерах ездит. Вот только он, Вовка, да Алик Макаров вс всем Полежаеве остались незанятыми. Так Алик и то сразу сообразил, что в такую горячую пору по улице лучше не бегать, не мозолить людям глаза — взялся изобретать беспроводной телефон. Вовка посмотрел-посмотрел на его затею да и махнул безнадежно рукой: бесполезная трата времени.

Он ходил по деревне, притопывая босыми ногами скопившуюся на дороге пыльную, как мука, пыль, и дурел от скуки.

— Что, парень, не знаешь, как день убить? — услышал из-за спины недовольный голос отца, заставшего его за таким неприглядным занятием.

— Да нет,— смутился Вовка.— Я сейчас у Алика Макарова был.

— Это хорошо. А я уж думал, опять из клуба норовишь волейбольный мяч утащить.

Вовка понуро молчал, не желая развивать неприятную для него тему. Теперь ему из-за этого мяча и проходу в Полежаеве не дают: как огнем занялось — от Вовки Воронина, мол, надо подальше все убирать, а то, не ровен час, и стащит чего...

— Ну? Чего язык прикусил? — строго поторопил отец. Вовка пожал плечами.

— Бывает и на старуху проруха,— невинно протянул он.

— Ишь ты, проруха...— возмутился отец.— Ничего себе проруха. В окно залез и шкаф изломал. За такую проруху в детскую колонию отправляют!

Вовка сжался: ну, отец, видать, снова возьмется его воспитывать. Так ведь уже понапрасну все, Вовка и сам свою вину осознал.

Отец, посмотрев на съездившегося сына, сказал:

— Хорошо хоть с Аликом дружбу завел. Этот парень серьезный, на плохое никого не наставит.— Он расстроено покачал головой, заикнулся было что-то добавить, но безнадежно махнул рукой и, не оглядываясь, пружинисто зашагал по дороге.

Вовка погрузил ступни в теплую пыль.

Над деревней подрагивало знойное марево, и от этого кромка леса, поддерживающая синее небо неровным частоколом деревьев, расплывчато рябила, как ветровая дорожка на воде.

Неумолкающие кузнечики, упрятавшиеся в сухой траве, наперебой просили жары, хотя, наверно, уже и сами от нее изнывали. С радостным щебетом над крышами домов стригли воздух ласточки.

За Полежаевом же стоял гул моторов.

Вовка прислушался к нему и, неожиданно для себя перемахнув через изгородь, побежал в поле. Головки клевера забивались меж пальцев. Вовка, сдерживая себя, чтобы не вскрикнуть от боли, замедлял бег, нагибался их выколупнуть и потом уже старался попадать ногами туда, где в траве не краснели мохнатые шарики медоносов. Но и белопестковые ромашки были не лучше, они тоже заставляли Вовку смирять прыть.

Вовка бежал в поле со все укрепляющимся намерением переговорить с комбайнером Микулиным, чтобы тот взял его в помощники. У него были все основания надеяться на успех: у Микулина в помощниках ездил Витька Зотов, по прозвищу «Зот», который был старше Вовки всего на три года. Два дня назад, разомлев от жары, Витька хватил из колодца студеной воды и теперь валялся в кровати с перевязанным горлом, жалуясь навещавшим его ребятам, что не может даже продохнуть — как клещами сжало. И еще рассчитывал Вовка на Микулина потому, что как-никак, а они с его сыном Митькой товарищи. Вот если бы Митька не нянчился сейчас со своим годовалым братом, так, может, вместе с Вовкой тоже просился бы к отцу в помощники.

Вовка, запыхавшись, пересек зеленеющую луговину и чуть не свалился в размытую весенними ручьями глубокую борозду. За ней начиналось поле.

Вовка глянул вперед и обмер: ровный срез золотистой стерни топорщился почти до горизонта, переходя вдали в плотную, будто зацементированную, гладь. Комбайн урчал у самого леса, но желтое облако ржаной пыли вздымалось над ним, обнадеживая Вовку, что жатва все-таки не закончилась.

Исколов ноги в стерне, Вовка добрался до кулиги, бронзовой налитым колосом ржи, и, усевшись на комковатую землю, стал дожидаться, когда комбайн завершит круг и выплывет прямо на него.

Рожь знойно потрескивала, и Вовка встревоженно подумал: уж не осыпается ли она? Он даже подполз к стене бурого стеблестоя, впился глазами в подернутую кое-где зеленоватым лишайником пашню, по которой сновали озабоченные муравьи, но не заметил на земле ни зернышка и, успокоенный, воротился на свое место.

Комбайн вывернул из-за уреза ржи. Вовка торопливо вскочил и стал махать комбайнеру руками. Микулин испуганно выключил крутившиеся мотвила, остановился и, сбавив газ, закричал Вовке:

— Что случилось?

Он приставил руки к ушам, чтобы шум мотора не помешал услышать Вовкин ответ.

Вовка по металлической лесенке поднялся к комбайнеру наверх.

— Матвей Васильевич, — запаленно выдохнул он.

— Ну что, что такое? Чего стряслось? — Микулин обеспокоенно уставился на него. На закоптившееся, в подтеках грязного пота лицо налипла ржаная ость.

— Матвей Васильевич, возьмите меня в помощники! — И, боясь получить отказ, Вовка без передыху выпалил: — Вы не беспокойтесь, я справлюсь... Я с техникой не хуже Витьки Зота знаком... Я у киномеханика и движок завожу... И с Ванькой Подольским на «Беларуси» ездил...

— Ух ты! — облегченно вздохнул Микулин. — А я уж думал, дома беда стряслась. Ты меня чуть от ума не отставил. Там ведь у меня нянька-то знаешь какая — ненадежная. Уронит ребенка — на всю жизнь Николка калекой останется.

— Ой, что вы, — возразил Вовка, — Митька никогда не уронит.

— На вас надейся, — успокаиваясь, сказал Микулин и уже другими глазами, не тревожными, посмотрел на Вовку: — Так, говоришь, в помощники захотел?

Он почесал за ухом, приподняв кепочку-восьмиклинку. Волосы у него на затылке были седыми от пыли.

— Я бы тебя в помощники взял, — сказал он задумчиво и покачал головой. — Надо нам смену себе готовить. А раз ты к технике тянешься, так и сам бог велел...

Вовка, покрываясь ознобными мурашками, уже почувствовал, что Микулин откажет ему.

— Но сам, парень, видишь, работы осталось всего на полдня. Подзапоздал ты маленько со своим предложением.

— Я и в другую бригаду согласен ехать, — не унимался Вовка. — Куда угодно.

— Да ведь и в других картина такая же... Всё! Под навес ставим комбайны. До новой жатвы теперь.

Вовка, обмякнув, спустился на землю.

— А ты как будто расстроился? — спросил Микулин. — Мы радуемся, что так рано управились, а ты, как пузырь, надулся.

— Я не надулся, — возразил Вовка. — Я поработать с вами хотел.

Микулин прищурился:

— Что, наверно, дома за волейбольный мяч не дают проходу?

Вовка похолодел: и этот знает. Ну всё, тогда надеяться не на что. Конечно, с такой ославушкой кому он нужен теперь?

— Да ты не расстраивайся,— подбодрил Микулин.— Мало ли чего не бывает.

Но Вовке-то от такого подбадривания ни жарко ни холодно.

— Вот что, парень,— сказал Микулин.— Мы через день зябь начинаем пахать. Вот и определяйся ко мне в напарники. Мы с тобой поладим.

Вовка не поверил своим ушам.

— А не обманете? — переспросил он, пытливо взглядываясь в глаза Микулину.

— Не обману,— засмеялся Микулин.— Только ты к Гомзикову сходи, к бригадиру. Скажи, я соглашаюсь тебя взять. А то он, наверно, кого-то уже подыскивает мне. На Витьку Зотова надежда теперь плохая. Ангина — она прилипчивая. До школы, пожалуй, не отпустит его.

Вовка полетел как на крыльях. И уж отмахал порядочно, когда вспомнил, что не попрощался с Микулиным. Он вернулся назад.

Комбайн заворачивал к лесу. Мотовила подгибали рожь, и Микулин следил за ними, ни разу не оглянувшись.

— До свидания, Матвей Васильевич! — крикнул Вовка.

Микулин из-за шума мотора не услышал его. Но все равно на душе у Вовки стало полегче. Он, не остерегаясь стерни, побежал в деревню.

* * *

— Ну и правильно! Хватит баклуши бить,— заявил Гомзиков.

У него на плечо был подвешен реечный шагомер, и он собирался бежать в луга, где косили отаву бабы. Еще минута, и Вовка бы не застал его дома.

— Очень правильно,— подтвердил бригадир свое решение.— Ну, а мне вот чего интересно... Ты зябь пахать собираешься, а знаешь ли, что это такое — зя-я-ябь? — Он испытующе посмотрел на Вовку.— Что за блюдо такое? С чем его есть будешь?

Вовка помялся, будто на экзамене.

— Ну, это... когда пашут летом, а сеять будут весной... — запинаясь, объяснил он.

— Верно,— похвалил Гомзиков.— Летне-осенняя обра-

ботка почвы под весенний посев яровых... Всё знаешь... Поработаешь — и практические навыки приобретешь. А то у вас, у нынешней пацанвы, в голове-то ума палата, но руки ничего не умеют. Голова-то не по рукам.

Вовка скривил в несогласной усмешке губы, но тут же и испугался, что Гомзиков может обидеться, погасил улыбку.

Гомзиков недовольно глянул из-под нахмуренных бровей.

— А что, разве не так? — спросил он и, не дожидаясь ответа, задал новый вопрос: — Ну, вот, к примеру, я сейчас иду косьбу замерять, — Гомзиков кивнул на свой шагомер. — Как по-быстрому замерить участок, если он треугольной формы?

— Мы этого не проходили еще, — краснея, потупился Вовка. — Задачки о треугольниках в седьмом классе начинают решать.

— Эх ты, в седьмом классе... — укорил его Гомзиков. — Выходит, у тебя и в голове еще ничего нет.

— Есть, — обиделся Вовка.

Гомзиков удивленно вскинул лохматые брови.

— А есть, так, наверно, сообразил бы, что треугольник, грубо говоря, половина прямоугольника, разрезанного по диагонали. А у прямоугольника-то вычислить площадь проще, чем пареную репу съесть.

— Мы и прямоугольник пока не проходили, — набычился Вовка, еще больше краснея оттого, что за лето перезабыл всю математику.

— Ну, уж этих-то сказок ты мне не рассказывай, — не поверил Гомзиков. — Шесть зим учился и чтобы о таком простом деле не слышал... Да век не поверю!

Вовка уже проклинал ту минуту, когда остановился с Гомзиковым поговорить. Надо было, получив согласие, не задерживаться и секунды. А теперь вот стой как привязанный, выслушивай бригадирские поучения. Пятки у Вовки давно чесались, как наскипидаренные, — так бы и унырнул из-под гомзиковской руки.

— Ну, а с такой задачей как бы ты поступил? — продолжал Гомзиков, не замечая Вовкиного нетерпения. — Скажем, я хочу поиграть в волейбол, а мяч находится под двумя замками: первый — на дверях клуба висит, второй — на шкафу, в котором игровой инвентарь хранится... Ну-ка, ну-ка, додумаешься ли здесь?

Глаза у бригадира добродушно посмеивались.

Вовка рванул бежать. А Гомзилов засмеялся вдогонку:
— Не понравилось, что ли?.. Ну ничего. Руки настоящим делом займешь, и голова поумнеет.

* * *

Лето переломилось как-то сразу. Вечером Вовка ложился спать — в полнеба пылал закат, а утром проснулся — окна в сплошных подтеках дождя. Да как же так? Ведь примета такая есть: если солнце садится, малиново раскрасив подступающие к нему облака, значит, день ожидается ведренный. Тут же наоборот получилось: не ведро установилось, а как из ведра льет.

Вовка в трусиках и майке выскочил в сени, и его обдало промозглым холодом.

«Все, кончилось лето», — тоскливо подумал он и услышал на улице чавкающие шаги.

— Ну как, помощник, не передумал? — в дверях появился Микулин. С брезентового плаща у него непрерывными струями стекала вода.

— Да ведь завтра же, — опешил Вовка, поеживаясь от того, что Микулин принес с собою под крышу добавочный холод.

— Завтра-то завтра, — согласился Микулин. — А думаю, не отговорил ли тебя сегодняшней дождь... Видишь, заоблачило кругом, — кивнул он на небо. — Теперь не на один день зарядит.

— Да что вы, Матвей Васильевич! — испугался Вовка, что Микулин передумает брать его в помощники. — Я хоть сейчас с вами готов.

— Ну, положим, сейчас-то не готов, — усмехнулся Микулин. — Штаны хотя бы надень...

— Да, да, я сейчас! — заторопился Вовка и бросился бежать в дом.

— Ну подожди, подожди, — добродушно остановил его Матвей Васильевич. — Поешь, оденься как следует и приходи в мастерские. Я тебе там, не торопясь, и покажу, как плугом орудовать.

— Да я уже знаю: рычаг на себя потянешь — плуг включился, на развороте опять на себя потянешь — выключился.

— Много знаешь, — сдержанно усмехнулся Мику-

лин.— Ну, ты все-таки приходи. Может, еще чему-нибудь научу.

Вовка покраснел от стыда. Вот всегда так: лезет хвастаться там, где надо молчать. Хорошо, Микулин такой мужик — подтрунивать не будет. А окажись на его месте Гомзики — не пощадил бы.

* * *

Вовка никогда не думал, что плуг такое уж хитрое устройство. А тут ему Микулин наговорил столько, что Вовка и половины запомнить не смог.

Лемех, отвал, нож, предплужник... Это для Вовки знакомые названия: не на необитаемом острове вырос, крутился вокруг механизаторов, видел. А вот то, что у лемеха есть магазин — утолщение такое для оттяжки носка и лезвия, — впервые услышал, хотя ему было известно, что лемеха снашивают и что их нужно точить. А выходит, если у лемеха магазин израсходован, то и лемех уже не лемех, а просто металлолом.

Ну, в этом Вовка разобрался с ходу и безошибочно набирал из кучи несколько лемехов с почти нетронутыми магазинами.

— Молодец, — похвалил Микулин. — Но у меня поставлены на плуг самозатачивающиеся. Они раз в десять надежнее.

Вот, оказывается, еще не все. Вовка выскочил из мастерской под дождь и, миновав ливневую стену, юркнул под крышу навеса, где находились прицепные плуги, дисковые бороны, рядовые сеялки и всякий мелкий механизаторский инвентарь.

— Да куда ты? — обеспокоенно закричал Микулин, встав в воротах мастерских и следя за Вовкой. — Я бы тебе и здесь показал.

Вовка сунулся к микулинскому плугу, зеркально отсвечивающему пятью корпусами — хоть в какой смотришь. Рубаха у него прильнула к спине, и с нее струйчато потекло в штаны, холодя ягодичи. Вовка невольно выпрямился. Микулин, как зонтом, накрылся брезентовым плащом и, скособочившись, тоже перебежал под навес.

— Ты смотри, какой ветрище здесь, — сказал он, отряхивая плащ. — Мокрый-то живо-два простынешь. Давай

быстрее назад! Там хоть и не топлено, да за стенами, а здесь как на юру.

Микулин одной рукой подхватил Вовку под мышки, прижал к своему боку, а другой распахнул над головами плащ и, оступаясь в мыльной глине, перенес Вовку на цементированный пол мастерских.

— А ну снимай рубаху да выжимай!

Вовка, стесняясь, отнекивался.

— Ты вот что, помощник,— строго сказал Микулин.— Давай договоримся раз и навсегда: мое слово — закон. Не перечить!

Вовка виновато насупился и стал стягивать рубашку. Мокрая, она застревала в плечах, будто под дождем моментально заузилась. Микулин помог стащить ее с головы.

Вовка простуженно шмыгнул носом.

— Уже? — нахмурился Микулин.

— Да нет, это я так... Воду уфыркнул.

Микулин улыбнулся:

— Ну, коли воду, ладно...

Без рубахи Вовке показалось теплее. Но Микулин не разрешил ему ходить голышом. Снял с себя пиджак и заставил Вовку одеться. Рубаху — отжатую — повесили продуваться на ворота.

В микулинском пиджаке Вовке было тепло и просторно. Полы, как у пальто, хлопали его по коленкам.

— А теперь, Гаврош, продолжим учебу,— поощряюще улыбнулся Микулин и взял с подоконника покрытый легким налетом ржавчины лемех.— Вот он, самозатачивающийся-то... Разницу уловил?

— Ржавеет быстро? — высказал Вовка предположение.

— Да ржавеют они все одинаково! — засмеялся Микулин.— А вот видишь, с тыльной стороны наплавлен на лезвие сормайт... Металл такой твердый, «сормайт» называется.

— Вижу,— догадливо закивал Вовка, хотя не мог уловить, чем же этот самый сормайт отличается от обычной лемешной стали: такое же железо, только видать, что наварено.

— Значит, самозатачивающийся не спутаешь теперь с простым, когда за лемехами пошлю?

— Ну, если присмотрюсь, то не спутаю,— поразмыслив, заключил Вовка.

Микулину такой обстоятельный ответ, похоже, понравился, он ободряюще похлопал Вовку по плечу и сказал:

— В теоретической части для пахаря самое основное — в лемехах разбираться. Они в плуге наиглавнейшая часть, — и, прищурившись, посмотрел на Вовку. — А в практической, сам признавался, ты уж специалист давно.

Вовка потупился:

— Да это у меня, Матвей Васильевич, не подумавши с языка сорвалось.

— Ладно, ладно, не переживай, — успокоил его Микулин. — Я ведь тоже шутя сказал, не в укор тебе.

Он накрыл Вовку плащом, и они снова перебежали под навес.

Ветер, казалось, поутих. А может, такое ощущение создавалось оттого, что микулинский пиджак хорошо сохранял тепло и Вовка совершенно не замечал холода.

По навесу непрерывно шумела вода, лилась с него ручьями, образуя между крышей и землей водяную прозрачную стену, которую не пробивал дождь.

— Пожалуй, завтра и в поле не выехать, — тревожно обронил Микулин.

Вовка вопросительно посмотрел на него, и Микулин пояснил:

— Утонем. Пашня не поднимет машину... — И сразу же успокоил себя: — Ну да ладно, бог не выдаст — свинья не съест. Хорошо, что с жатвой управились вовремя, а то теперь бы весь колос прибило.

Он подвел Вовку к своему плугу и неожиданно спросил:

— Ну как по-твоему, включен он или выключен?

Вовка нагнулся, заглядывая под лемеха, которые, как ему показалось, плотно касались земли.

— Вроде бы включен, — неуверенно проговорил он.

— Ну-ка, потяни за рычаг, — предложил Микулин.

Вовка отклонил рычаг на себя, и плуг тяжело осел. Вовка от неожиданности даже вздрогнул.

— Ничего, на ошибках учимся, — подбодрил его Микулин. — А вот выглубить можно только на ходу. Это мы с тобой завтра продемонстрируем.

Он показал Вовке, как вращением штурвала поворачивать ось полевого колеса, которое во время транспортировки плуга подкатывается назад и поднимает раму, разъяснил,

как крепить предплужник и нож, как прикручивать лемех, и засмеялся:

— Ну, это опять же чистая теория! Плуг устанавливают в поле... Значит, договоримся так: готовься к семи утра. Ясно?

— Ясно,— ответил Вовка и тревожно подумал, как бы ему не проспать.

* * *

Дождь за ночь повыдохся, заметно убавил в силе, но был еще достаточно напорист, и когда трактор, сверкая отмытыми гусеницами, поворачивал на ветер, водяное сево, возникавшее перед радиатором, закрывало даль, соединяя небо с землей посреди неожиданно укоротившегося поля. В кабине было тепло, и Вовка с одрогом думал, что ему, как прицепщику, вообще-то положено сидеть на плуге и мокнуть под проливным дождем, а вот Микулин, добрая душа, надоумил к рычагу, включающему автомат, привязать шнур. Дергая за него, можно выглублять и опускать плуг прямо из кабины. Дождешься конца загона, дернешь за шнур, и лемеха, послушные твоей воле, готовно вылезут из земли, трактор облегченно дернется вперед, разворачиваясь, сделает полукруг, и когда правое колесо плуга соскочит в борозду, шнур вновь безотказно выполнит свое дело, заставив лемеха вгрызться в податливую пашню.

Хорошее приспособление: сидишь преспокойно в тепле и в ус не дуешь, хотя идет такой дождь. Но когда трактор подворачивался к косым струям задним, незастекленным окном, холодные брызги обжигаяще начинали клевать и Вовку, и, конечно, Микулина. Вовка видел, как Матвей Васильевич ежился, втягивая шею в ворот рубахи, и недовольно оглядывался. Но что поделаешь — через заднее окно продернут шнур. Или отправляй прицепщика на плуг, или уж терпи.

Микулин хмурился, но не посылал Вовку на дождь. И Вовка-таки придумал выход из неприятного положения. Он стянул с себя уже подзасалившуюся машинным маслом фуфайку и заткнул сквозившую холодной сыростью продушину, оставив только щелку для глаз, чтобы следить за пахотой.

Вовка прищуренно вглядывался, как плуг переворачивал набрякшую от воды стерню, пряча ее под пласт, как отсыре-

ло чернела пашня, убегая суживающимся клином к потускневшему лесу.

— Вовка, — засмеялся Микулин, — ты, наверно, плуг потерять боишься? Так он, не беспокойся, не отвяжется и не убежит, он ведь не жеребенок. За ним не надо следить.

— Я вовсе не потому слежу, что он убежит, — насупился Вовка.

— А почему? — заинтересовался Микулин.

— Прицепщику положено следить, я и слежу.

— А-а, — протянул Микулин. — Тогда понятно. Конечно, раз положено — надо.

Вовка недоверчиво покосился на него: уж чего-то очень быстро Микулин согласился с ним, будто и не знал раньше, кто отвечает за плуг.

— Это ты правильно говоришь, — видать, почувствовав на себе недоверчивый взгляд, добавил Микулин. — Положения и инструкции должны неукоснительно соблюдаться.

Он сидел, отвалившись на заднюю спинку и безвольно уместив руки на рычагах управления.

— Только знаешь, по инструкции-то прицепщик уже не положен. Сменщик требуется, а не прицепщик. Плуг-то видишь какой: за веревочку дернул — и все, порядок в танковых войсках. Тут и один тракторист управится. Я ведь не говорил, что в прицепщики тебя беру. Мне напарник нужен.

Вовка похолодел от догадки: Микулин хочет от него отказать. Значит, не потрафил чем-то ему... А чем? Вовка растерянно выпустил из рук фуфайку, и косой дождь сразу же напомнил о себе, обдав кабину веером брызг.

— Да ты фуфайкой заткни окно-то, — посоветовал Микулин, — а на повороте, когда надо будет плуг поднимать, откроешь. И вся недолга.

Вовка добросовестно выполнил указание и, напрягшись всем телом, приготовился выслушать, как Микулин предложит ему отправляться домой. Наверное, скажет: «Вот погоди, дождь поспадет немного, а то простудишься, отвечай еще за тебя». Может, конечно, и свой брезентовый плащ из жалости навязать. Но Вовка и на минуту у него не задержится, плащ ему на колени бросит и, прикрываясь намокшей фуфайкой, независимо зашагает полем к деревне.

— Ты чего поскущел сразу? — спросил Микулин. — Я ведь тебя в напарники звал не для того, чтобы ты у меня назад оглядывался, а для того, чтобы ты вперед смотрел.

Давай садись на мое место, — приказал Микулин и, приподнявшись, освободил Вовке сиденье. — Ну, чего глаза вытаращил? Передвигайся быстрее...

— Да я... я...

— Чего растерялся? Садись быстрее!

Вовка подчинился. Микулин передвинулся на его место.

— Ну, так вот, — будто подытоживая что-то, сказал Микулин. — Вот это муфта сцепления. Когда скорости будешь менять, отжимай ее.

— Я знаю.

— Ну вот видишь, какой ты грамотный: и все-то ты знаешь... Но я все же на всякий случай напомним. Значит, повторяю: это муфта сцепления... А это рычаг газа... Почувствуешь, трактору тяжело, прибавь газку, помоги ему.

— Ага, — торопливо закивал Вовка, и перед глазами у него от неожиданности поплыли оранжевые круги.

Микулин продолжал что-то объяснять, но его голос не достигал Вовкиного слуха. Будто где-то в углу гудел шмель: слышно, что гудит, а не разберешь, о чем. Вовка встряхнул головой, прогнал оторопь.

— Дядя Матвей, еще раз объясните, — попросил он.

— Да ты чего разволновался-то так? Успокойся. Не боги горшки обжигают — получится.

Он еще раз показал Вовке, где рычаг газа, как с ним обращаться, как переключать скорости.

— Не бойся, трактор не автомашина. Управление у него не капризное... Ну, на четвертой скорости и пойдем. Давай.

Вовка вместо четвертой врубил шестую. Трактор, взревев, ткнулся радиатором в стерню и заглох.

— Ничего, ничего, — успокоил Матвей Васильевич. — На то она и учеба, чтобы ошибки делать. А сразу все получаться будет — всякий интерес пропадет к учебе.

Он схватил скользящий на сиденье плащ и выскочил из кабины под дождь.

Вовка было тоже открыл со своей стороны дверку, но Микулин закричал на него:

— А ну, кому сказано: сиди!

— Да не говорили вы ничего. — Вовка перелез на свое прежнее, прицепщицкое место.

— Не говорил, но и за собой не звал. Верно? — Микулин накрутил на пускач кожаный шнур и, качнувшись, резко оттянул его на себя. Трактор сразу застрелял дымными

кольцами, оглушительно заверещал. Микулин переключил пускач на мотор, и грохот стих, трактор зарокотал покладисто.

Микулин забрался на гусеницу, отряхнул плащ от воды и внырнул в кабину.

— Ну вот и вся недолга,— показал он в улыбке белые зубы. Лицо у него было в дождевых каплях.— Вообще-то и тебе не мешало бы освежиться. Непогодь-то вроде стихает.

Впереди и в самом деле слегка развиднелось, облака у горизонта по-ватному побелели.

— Пора бы уж, пора утихнуть дождю, а то заплывет вся пашня.— Микулин не сразу обратил внимание на то, что Вовка отодвинулся от рычагов управления и что сам он сел на привычное для себя место, поставил ногу на муфту сцепления.

— А ты чего в угол забился? — удивился он, уже машинально положив руки на рычаги.— Э-э, нет, у нас так не пляшут. Давай, брат, снова меняться ролями. Ты — тракторист, а я у тебя помощник.

Вовка, страдая от неудачи, неуверенно посмотрел на него.

— Ну, что, как девица, ресницами хлопаешь? — поторопил Микулин.— Давай не тяни резину, время не ждет.

Он, чуть не стукнувшись головой о крышу, поменялся с Вовкой местами и снова поторопил:

— Включай четвертую! Да смелее, смелей!

— Сюда? — подстраховавшись, сделал Вовка жест, показывая, куда собирается отклонять рычаг скоростей.

— Правильно. И на шестую опять угадаешь, так не беда.

Вовка передвинул рычаг, в коробке скоростей скрежетнуло.

— Педаль отпускаяй, педаль,— подсказал Микулин.

Вовка перестал давить ногой на муфту сцепления, и она, отпружилив, заняла изначальное положение. Трактор, ровно попрыгивая, пошел вдоль борозды.

У Вовки заслезил глаза, но он боялся оторвать руки от рычагов управления. Пальцы враз побелели — с такой силой Вовка вцепился в рычаги.

— Да ты свободнее держись, свободнее,— наставлял Микулин.— А то устанешь быстро.

Прогон был короткий, и Вовка, не успев насладиться властью над машиной, заволновался: впереди был разворот.

Микулин уже готовил Вовку к нему, учил, что делать.
— Положе разворачивай, положе, а то плуг на кабину посадишь.

Сидеть и советовать хорошо. А как положе, когда к самой пашне подступил лог, не в него же съезжать: тут, пожалуй, кувылькнешься под гору — и костей не собрать. Раньше хоть для разворота было просторнее, а теперь с каждой новой бороздой оставалось все меньше и меньше места.

Микулин уже дернул за шнур, выглубив плуг, и облегченный трактор побежал, как молодой конь.

— Рывочками работай, рывочками, — подсказывал Микулин. — Правый рычаг на себя — и чуть-чуть ходу дай. Еще на себя — и еще ходу дай... Вот так, вот молодец...

Трактор прошел по гребню угора. Вовка скосил взгляд влево, и у него затуманило голову: вниз почти отвесно сбегали кусты ивняка. А там, где бурлил ручей, стояли стога сена. Стожары у них не доставали уровня гусениц, были гораздо ниже. Вовка непроизвольно потянул правый рычаг на себя, трактор послушно отклонился от кручи.

— Смотри, в борозду не угадай, — хладнокровно предостерег Микулин и, намотав шнур на кулак, стал следить за плугом. — Так, так, прямо... чуть левее возьми... Хорошо... Р-р-раз! — и он осадил лемеха. Трактор угрожающе задохнулся от тяжести, но Микулин, склонившись к Вовке под ноги, добавил газку, заставил рокот мотора выправиться. — Ничего, парень, будет из тебя тракторист!

Вовка вспомнил вдруг об отце: вот бы он увидел его сейчас за рычагами... И осанисто выпрямился.

* * *

На седьмые сутки погода немного выладилась. И хоть ветер был по-прежнему резкий, но сверху не капало. Небо начинало просиниваться.

Микулин с утра оставил Вовку пахать одного.

— Понимаешь, необходимо кой-какие запчасти в мастерской подобрать, — оправдывался он перед уходом. — Сегодня Гомзилов как раз уехал за ними в «Сельхозтехнику». Так надо не прозевать: не поймай его вовремя, отдаст кому-либо другому, а у нас трактор-то старенький, детали постоянно замены просят.

Вовка, понурившись, выслушал его. Оставаться в поле

одному, да еще на тракторе, у которого «детали постоянно замены просят», было страшновато.

— Матвей Васильевич, а может, мне покараулить его?

— Кого? Гомзикова-то? — переспросил Микулин. — Так тебе ведь не выцарапать у него того, что я выцарапаю. Ты попрошайничать будешь, а тут надо брать. Увидел — форсунка новая, ага, сгодится, у нас свою заедает. Магнето привез Гомзиков — тоже не лишнее будет. Тут надо в зависимости от наличия действовать. Понял?

Вовка тоскливо кивнул.

— Ты уж не боишься ли один оставаться? — подозрительно прищурился Микулин.

— Боюсь, — признался Вовка.

— Вот тебе раз! — удивился Микулин. — Ты со мной шесть дней пашешь, и у меня к тебе никаких замечаний не было. Все хорошо получалось, так чего я тебя в черном теле буду держать: пора и на посменную работу переходить.

— Может, когда детали заменим, посменно-то станем пахать? — робко предложил Вовка.

Микулин захохотал:

— А я как сказал? Конечно, тогда. Только детали-то надо сначала приобрести.

Он беззаботно помахал Вовке рукой и ушел. Хоть бы трактор помог завести или дождался б, когда у Вовки пускач затрещит, так нет, и не обернулся ни разу. «Ну что за народ? — возмутился Вовка. — И душа ни за чего не болит». А если у Вовки ничего не получится? Если трактор у него не заведется, весь день простоит в борозде? Кто за простой в ответе? Не Вовка же: с него спрос невелик. А если гайка какая открутится и все развалится по частям? Микулин сам же сказал, что многие детали просят замены.

Вовка, нервничая, залил в трактор солярки. Притащил из ручья воды и наполнил ею, чуть не до пробки, прожорливый радиатор. «Хорошо хоть, от обрыва теперь далеко отодвинулись, — подумал он, оглядывая вспаханное поле. — А то бы один-то свалился с горы — и поминай как звали».

Ему стало жалко себя. Он сел на отсыревшую от ночного тумана раму плуга и даже не ощутил холода.

Перед ним щетинилось мокрой стерней поле. На затравеневших закрайках топорщился желтыми корзинками осот, а по бороздам во многих местах кустился красноголовый бодяк.

— Вишь, сорняков развели сколько! — осудил Вовка неизвестно кого, хотя неизвестно кого осуждать не собирался. Ему нужны были сейчас не безымянные упреки, а только те, которые направлены в адрес Микулина.

Он поднялся, попинал сапогом по гусенице — с нее тяжело отвалилась земля. «Хозяин мне тоже, — злорадствуя, выговорил Вовка Микулину. — Не мог с вечера грязь отбить...» Заглянул в ящичек, где лежали гаечные ключи, всяких размеров болтики, шайбы и где должен был находиться шнур пускача, — а там черт ногу сломит, все торчмя торчит. Вовка начал сердито рыться в железках, а шнур-то, оказывается, на сиденье был, Микулин его уже приготовил для своего напарника.

Вовка накрутил кожаную змейку шнура на пускач и, как Микулин, качнувшись всем корпусом, дернул что было мочи.

Трактор сразу заверещал. Вовка выждал, когда мотор схватится, и переключил на него подачу горючего. Мотор заработал ровно и терпеливо, не собираясь капризничать.

Вовка озабоченно походил вокруг трактора, будто мог углядеть таким образом какие-то неполадки, попинал сапогом отвалы плуга, отколачивая закаменевшую за ночь грязь, и забрался в кабину. Мотор уже хорошо прогрелся, в кабине от него стало совсем тепло.

Вовка включил скорость, заглубил плуг, и гусеницы, посверкивая, стали приминать хрусткую стерню.

Трактор медленно полз вдоль борозды, над радиатором, испарявшим тепло, подрагивало легкое марево, и сквозь него близкий осинничек трепетал порыжелой листвой, причудливо изгибаясь. Он вдруг то укорачивался, ник к земле, а то, зависая в воздухе, подтягивался к небу. Вовка сквозь облачко марева, как в винтовочный прицел, поймал парившего над пахотой коршуна, и тот тоже невообразимо искавился, потеряв сразу оба крыла и приобретя невероятно длинную шею.

Вовке стало смешно, но он вовремя спохватился, заметив, что трактор слегка отклонился от борозды. Вовка выправил промах, прижав правую гусеницу к пашне, и оглянулся. Приметливым глазом все же можно было найти изъян в его пахоте: в одном месте из-под пласта торчали неперевернутые пучки стерни. Вовка был готов сдать трак-

тор назад, но конструкторы еще не додумались до такого, чтобы с плугом можно было бы пятиться и перепаживать огрехи. Попробуй-ка дай задний ход — изогнешь у плуга всю раму.

Вовка выключил скорость, выбрался из кабины и побежал к торчавшему среди черной земли островку стерни.

«Э-э, да ничего страшного, просто недовернулся пласт», — обрадованно заключил он и умял сапогами упруго неподатливый срез земли. Пашня вроде бы сделалась ровной, не щетинилась больше пожнивными остатками, и Вовка мысленно похвалил себя за находчивость.

В небе появились жаворонки. От их песни дохнуло на Вовку беззаботным раздольем: «Неужто тепло объявляют?»

Ветер был все еще резким, сносил птиц в сторону, но они упорно возвращались к трактору, трепыхались над ним в вышине, заливались радостным щебетом, затем неожиданно умиряли крылья и камнем падали вниз, оживая лишь перед самой землей и вспархивая, будто пепельнокрылые бабочки. «Червяков высматривают, — догадался Вовка. — Ну, сейчас я вам их навываживаю».

Он забрался в кабину, скрежетнул рычагом, включая скорость, и пустил трактор вдоль борозды. Из выхлопной трубы рванулся к небу густой едкий дым. Мотор работал напряженно, но ровно.

И все же настроение у Вовки оставалось подавленным. Преследовало почему-то предощущение беды. А какая беда? Мотор не барахлит, погода налаживается, жаворонки даже прилетели на пашню. Чего еще надо?

И на развороте все обошлось хорошо: вовремя плуг углубился, вовремя включился, бороздное колесо вкатилось прямехонько в борозду, никаких огрехов — все выполнено безукоризненно точно. «Как в аптеке, так и тут», — вспомнил Вовка насмешливую присказку. И все же беспокойство грызло его неотступно.

* * *

И надо же: дурное предчувствие оправдалось. Переехал Вовка на новый загон, уже круг один сделал, а на развороте — по-о-логом, как наставлял Микулин, — вляпался в траншею, вырытую канавокопателем.

Вовка — с перепугу — заглушил трактор, и в ушах у не-

го зазвенело от тишины. Ветер-то куда подевался сразу? И травинкой даже не шелохнет... Будто замер от изумления, что Вовку угораздило свалиться в канаву.

Трактор уткнулся радиатором в стенку траншеи. Да-а, с плугом не вылезти, а назад тоже не сдашь: плуг, как норовистый конь, поднявшийся на дыбы, завис прицепом над левой гусеницей. Но ведь надо же что-то делать... Не куковать же тут, пока не вернется Микулин. А и вернется, так не на себе же плуг понесет. Он хоть и Микулин, а не Микула Селянинович, не богатырь из былины. Силенки-то у него не сказочные.

«А может, попробовать потихоньку, рывочками, взобраться на стенку траншеи?» — задумался Вовка. Ну хорошо, трактор взберется, так плуг-то намертво сядет в канаве — как клещ вцепится лемехами в землю, и подъемным краном его тогда не возьмешь. Нет, выезжать надо без плуга.

Придя к этому выводу, Вовка забеспокоился, что не завести ему трактор. Ну-ка, он стоит попом, чуть ли не на радиаторе, и горячее, и смазка — все, наверно, сбегало в переднюю часть. Вовка, холодея от такого предположения, бросился искать шнур пускача. А его как черти украли. Ни в коробке с гаечными ключами нет, ни на сиденье, ни под ногами среди рычагов. «Ой, растяпа, да ведь на стоянке, поди, оставил». Он побежал туда, где заводил трактор утром. И верно, шнур извивался среди закапанной мазутом стерни. Хорошо, что не запахал, а то б ищи ветра в поле.

Вовка вернулся к трактору и накрутил шнур на пускач...

Нет, есть все же счастье: мотор басовито зарокотал.

Вовка посмотрел, как бы отсоединить плуг, но сцепной болт заклинило в серье — никакими щипцами не вытащить. Хочешь не хочешь, а придется забираться в кабину и действительно рывочками подергать трактор: может, болт и ослабнет. Вовка, опасаясь сдвинуть трактор назад даже на миллиметр — плуг может налезть на кабину, — включил первую скорость и отпустил сцепление. Мотор захлебнулся от напряжения, пугая Вовку тем, что совсем заглохнет. Вовка, успокаивая его, отжимал сцепление, и тогда мотор, работая вхолостую, вновь набирал силу. Вовка снова ставил его под нагрузку, гусеницы скреблись по стенке траншеи, и на ее дно комьями осыпалась земля.

Вовка едва удерживался на сиденье, потому что трактор

сильно накренился. Ногами упираться во что-либо было невозможно: то и дело приходилось отжимать и отпускать муфту сцепления. И Вовка, полуобернувшись, держался за кромки вздымающегося к небу заднего окна. Он терпеливо следил за плугом, все пытаясь поймать тот момент, когда болт ослабнет в серье. Трактор дергался на одном месте, плуг то вздымался, то опускался, и Вовке показалось, что он наконец зафиксировал то положение, когда болт действительно можно вытащить.

Вовка выпрыгнул из кабины, взобрался на плуг, но плуг осел под его тяжестью и вновь заклинил болт. Вовка сердито сплюнул, соскочил с рамы. Прицеп не отошел вверх. Тогда Вовка вытащил из ящика с инструментами молот и стал снизу выбивать болт неуверенными ударами. Делать это ему мешала левая гусеница, над которой прицеп завис, и Вовка несколько раз смазал по ней, ободрав руки в кровь. Это еще больше разозлило его, и он настырнее размахался молотом.

Болт выскочил неожиданно: не поддавался, не поддавался — и вдруг с одного удара вылетел. Вовка подобрал его, бросил в кабину и снова уселся за рычаги.

«А ну, миленький, не подведи», — подбодрил он мотор и, добавив газу, включил первую скорость. Трактор, оскальзываясь, медленно выкарабкался из траншеи.

Теперь надо было высвобождать из плена плуг.

Вовка нашел под сиденьем трос и успокоился: «Ну, с тросом-то не пропадем». Он объехал опасную траншею вокруг, подкатил к плугу сбоку и, зацепив его тросом, развернул как можно резче, уже не боясь, что плуг может наползти на гусеницу или вздыбиться над кабиной. Он беспокоился теперь лишь об одном: чтобы полевое колесо не соскочило в канаву. Оно прошло по самому срезу дерна, и Вовка облегченно вздохнул: «Ну, вот и все, теперь можно снова пахать».

Лоб у него был в поту, рубаха на спине мокрая, будто Вовка таскал мешки с солью, а не за рычагами сидел.

Он прицепил плуг и подогнал трактор к борозде.

— Подожди! — сквозь грохот мотора услышал он крик.

Микулин махал ему руками. Шел он налегке, никаких запчастей не нес.

— Ты чего все на одном месте тархтел? — спросил он, прищурившись.

— Да вот,— кивнул Вовка на траншею и не нашел для оправдания никаких слов.

Микулин посмотрел на истерзанную гусеницами землю, сходил, заглянул в канаву и, видно, представил все, что произошло без него.

Вовка ждал от Микулина упреков: «Вот,— скажет,— вполз в траншею, и где только глаза у тебя были»,— а Микулин вернулся сияющий:

— Я же говорил, что вырастет из тебя заправский механизатор!

Вовка не поверил своим ушам.

— Плуг отцеплял? — уточнял Микулин детали происшествия.— А потом тросом разворачивал? Молодец! Голова на плечах, а не котелок.

Он заметил ссадины на Вовкиных руках:

— А это чего?

— Болт из серьги выбивал... О гусеницу поцарапал... Да ерунда! — отмахнулся Вовка.— Заживет, как на собаке.

— Нет, ты подожди,— встревожился Микулин.— Руки-то не больно чисты, мало ли чего может быть.

Он с ведром сбегал к ручью за водой, заставил Вовку отмыть грязь. Остатки воды залил в радиатор — и вовремя сделал, там наполовину все выкипело,— потом метнулся к лесочку, к пустоши, и стал рвать цветы.

«Да что это он? — изумился Вовка.— Как передовику готовит букет... издевается...» И не успел ничего сообразить, как Микулин бросил на сиденье охапку тысячелистника. В кабине ароматно запахло.

— Солдатская трава,— пояснил Микулин.— А ты у нас сегодня солдат, пострадал за артельное дело. Как на фронте.

Вовка не понял, к чему он клонит. Микулин обрывал с тысячелистника хвощеватые листья, комкал их, мочалил в ладонях и ровным голосом приговаривал:

— Лучшее средство при всяких ранах... Ну-ка, давай руки-то.— Микулин выдавил на ссадины несколько капель травяного сока.— Вот так, брат, не успеешь оглянуться — новой кожей затянет. И снова будешь как строевой солдат.

— Да я и сейчас здоровый.

— А я разве сказал, что больной? — засмеялся Микулин.— Конечно, здоровый... Только немного передохни. А я круга два-три сделаю.

Микулин уселся за рычаги, а Вовка примостился с ним рядом и вытянул дрожавшие от напряжения ноги.

* * *

В поле появился Гомзиков и, как только трактор поравнялся с ним, снял фуражку и поприветствовал механизаторов.

Микулин остановил трактор и, высунувшись из кабины, привстал правой ногой на гусеницу.

— Здорово, бригадир! — крикнул он весело.

Гомзиков подошел к нему и подал руку. Микулин соскочил вниз. Они достали по папиросе и закурили.

Вовка, насторожившись, прислушался к их разговору. Его поразила догадка, что Микулин утром ходил не к Гомзикову, а то с какой бы стати им здороваться второй раз.

— Там, где в дождь пахали, пашня-то подзаплыла, — огорченно заметил Гомзиков.

— Ничего, дисковой бороной пройдемся и выправим, — сказал Микулин. — Ты вот только не забудь о нас, когда привезешь запчасти.

— Да что я, не понимаю, что ли, твою нужду, — ответил Гомзиков. — Я же тебе обещал, что в первую очередь...

Вовка онемело уставился на них. Вот тебе раз, обещает в первую очередь. Но утром — не когда-нибудь, а сегодня же утром — Микулин уверял своего напарника, что у бригадира придется выцарапывать запасные детали. Это что же, выходит, Микулин обманывал Вовку? А причину придумал такую, что не подкопаешься.

Микулин будто подслушал Вовкино раздражение.

— Вовка, ты поезжай, — оглянулся он. — Мы тут немного потолкуем с бригадиром о перспективе.

«О пер-спек-ти-ве», — насмешливо вытянул Вовка губы, но ничего не сказал.

Гомзиков дурашливо изумился:

— О-о, товарищ Воронин, а я и не заметил вас сразу-то... Здравствуйте!

— Здравствуйте, — буркнул Вовка и включил скорость, устремившись взглядом вперед. Он уже не испытывал нужды следить за плугом: по правой гусенице, которая подминала стерню ровнехонько вдоль борозды, знал, что огрехов не будет. И все же, когда, развернувшись, поехал мимо бригадира и своего наставника, Гомзиков строго остановил его:

— Ты поаккуратней паши.

— А я и так аккуратно,— недоумевающе оглянулся Вовка.

Гомзиков поманил его пальцем, заставил выбраться из кабины:

— Вот подожди, придет агроном пахоту принимать да влепит парочку штрафов — тогда узнаешь, как надо работать. Не будешь огрехи оставлять.

Вовка испугался, что Гомзиков обнаружил притоптанный им пласт и выговаривает теперь за него. Ну конечно, обнаружил. Вовка как ни уминал его сапогами, а он все, поди, горбится — подойдешь, так сразу видать. Вот если б Вовка успел вспахать больше, холмик с неприжатой пластом стерней затерялся бы вдалеке и его б ни за что не нашли. Не стали бы ведь ни агроном, ни Гомзиков снова по полю туда и сюда, искать упрятанный Вовкой огрех.

— Смотри, парень! — пригрозил Гомзиков.

Но Микулин остановил его:

— Будет тебе человека запугивать...

— А я и не запугиваю,— насутился Гомзиков.— Ты посмотри, весь оподзоленный горизонт вывернул... Это ж кто так пашет?

— Где? Какой горизонт?

Но Гомзиков не давал Вовке опомниться:

— На какую глубину положено пахать? А ну-ка, ну-ка, скажи! — Он, хмуря брови, подступал к Вовке. Вовка, понурившись, сжался.— Ага, не знаешь.

Микулин опять вмешался:

— Ну хватит, хватит парнишку пугать, а то отобьешь всякую охоту учиться.

Вовка резко повернулся, пошел к трактору. За спиной заливался смехом Гомзиков:

— Ну, орел так орел, ни перед чем не остановится! Кто только вырастет из такого?

— Да человек и вырастет,— сказал Микулин и тихо попросил Гомзикова: — Ты уж его, Иван Сергеевич, не нервуй больше, ему сегодня и так напереживать пришлось...

— А что, опять неудачно в клуб слазил? — намеренно громко, в расчете на Вовку, спросил Гомзиков.

— Иван Сергеевич, ну зачем напоминаешь об этом? — одернул его Микулин.

— Перевоспитываю,— самонадеянно потряхнул головой Гомзигов.— Чтобы в другой раз nepовадно было по окнам лазить...

— Да чего его перевоспитывать,— не поддержал бригадира Микулин.— Его воспитывать надо... А парень-то все-таки хоть куда... Ты напрасно его задираешь... С головой парнишка: на лету все схватывает. Я с Витькой Зотовым неделю возился, пока научил его мало-мальски разбираться в машине, а этот с полуслова все понимает.

Вовка оторопело оглянулся: микулинская похвала приятно поразила его, и он не поверил, что она была высказана всерьез.

Микулин стоял к нему вполоборота и, конечно же, думал, что из-за шума работающего мотора Вовка не разберет тихих слов.

— Сегодня вон вляпался в траншею... Другой бы на его месте и руки опустил. А этот меня дожидаться не стал, сам выкарабкался.

— А ты-то где был?

Вовка насторожился: в самом деле, где?

— Да, понимаешь, я его на самостоятельность проверить хотел... Ну, и сделал вид, что ушел в деревню, а сам вон у дороги в кустах сидел...

Вовка замешкался у трактора, затылком чувствуя, что и Микулин, и Гомзигов в упор глядят на него. А чего на него смотреть? Вон и замолчали даже, притихли.

Вовка по-хозяйски поставил ногу на гусеницу, подтянулся, уцепившись руками за дверной проем.

— Думал уж, засаду придется оставить,— опять заговорил Микулин.— Еще минута, и высочил бы, не утерпел. А он и без подстраховки обошелся.

«А вы хотели бы с подстраховкой? — торжествуя, усмехнулся Вовка и, вспомнив давнишний упрек Гомзикова о несоответствии головы рукам, удовлетворенно протянул: — Не-е-ет, у нас голова по рукам. Вот так-то, товарищ Гомзигов...»

— Рисковый ты мужик,— не то осудил Микулина, не то восхитился им Гомзигов.

— Да ведь смену надо учить,— ответил Микулин.— А тут какой риск? Я же рядом... В любую минуту приду на помощь... Только, знаешь, человек лучше постигает науку, когда надеется на себя, а не ждет подсказки от дяди.

Они уже разговаривали не таясь, надеялись, что Вовка из кабины не слышит их. Ох, просчитались, у Вовки и уши по голове.

Вовка сделал прогазовочку. Трактор сердито отпыхивался дымом.

Гомзиков, притворно возмущаясь, закричал на Микулина:

— Да он же у тебя и трактор спалит! Как это ты доверяешь ему одному пахать?

Микулин многозначительно ответил:

— Зябь, она ведь пашется под будущий урожай.

Сказано было это громко, будто Вовка глухой и не услышал бы, если б они не повышали голоса.

ГОЛЕНАСТЫЙ ПЕТУХ

Для вечерних киносеансов в Полежаеве нет определенного часа. Пока не обрядятся на ферме доярки, Петя-киномеханик со своей будочки, на дверях которой намалевано печатными буквами слово «Аппаратная», и замка не снимет. Будь клуб располным-полнешенек, ломись от народа, Петя и бровью не поведет — на афише русскими же словами написано: «Время сеанса — после вечерней дойки». Вот и майся все Полежаево, жди, когда доярки управятся со своими делами.

Вовка Воронин в кино идти не собирался, но все равно проклинал доярок: «Тоже мне, барыни выискались, — ворчал он, поглядывая на запотевшие окна клуба. — Из пустого в порожнее наверняка переливают там, языки чешут, а трудящиеся люди из-за них понапрасну время теряют...»

Он, воровато ежась, сидел в канаве, чуть не доверху запорошенной палым березовым листом, и всякий раз, хотя в темноте его было уже и не углядеть, уныривал вниз, прятал голо-

ву в воротник пиджака, если кто-то проходил по тропинке. Собственно говоря, доярок Вовке можно было бы и не ждать: не они его занимали. Людей же, интересовавших Вовку, он видел собственными глазами: с полчаса назад в клуб прошествовали и заведующий машинно-тракторными мастерскими Степан Кузнецов, и тракторист Микулин. Вовка был уверен, что они не выйдут из клуба, пока фильм не закончится. Но никогда не мешает подстраховаться: а вдруг у Степана Кузнецова не хватит терпения, и он, изнузив себя ожиданием, устанет от духоты и гомона, выскочит из зала на улицу? Степан по характеру домосед. На обычную-то картину его на аркане не затянуть. А тут сказали, что фильм называется «Выстрел в спину» — и звать Степана не надо, всем семейством Кузнецовы явились. Смешно вспомнить, но «Степь» показывали — не какая-нибудь чепуха, по произведению великого русского писателя Чехова снято, — так не пошел, «Белое солнце пустыни» привезли — уж там и в спину и в грудь стреляют — тоже отсиделся дома, название, видите ли, не завлекло... Зато на «Выстрел в спину» прибежал, ног под собой не чуя. Вовка так и предполагал.

С минуты на минуту пришлепают с фермы доярки, в клубе погаснет электричество — и тогда, можно сказать, все Полежаево упрется взглядом в киноэкран. Вовке полная волюшка.

Ночи стояли уже по-осеннему темные, заволочные; звездные сполохи не тревожили неба, и светло было только у клуба под окнами, уронившими на землю скособоченные, вытянутые прямоугольники неестественной желтизны, перечеркнутые черными переплетами рам.

Вовка зябко ежился. С берез начинала капать ночная роса. Она прожигала холодом пиджачишко, покрывала жухлые листья в канаве дождливой слизью, так что невозможно стало пошевелиться: сдвинулся с насиженного места — и штаны уже мокрые.

Нет, этих барынь, видно, и самому черту не пересидеть. Вовка выскочил из укрытия и чуть не напоролся в темноте на доярок. Они возвращались с фермы, гогоча, как гусыни.

Вовка перемахнул через канаву и присел, опасаясь, что на бегу мокрые штанины захлопают по ногам и женщины по хлопкам услышат: по дороге кто-то бежит. Он никому в этот вечер не хотел мозолить глаза. Конечно, надо было бы... для

алиби, что ли, показаться в клубе, но мало ли среди ребят прилипал — привяжется тот же Славка Соколов, попробуй потом от этого хвоста отцепиться — репьем пристанет. Нет уж, Вовка будет действовать без свидетелей.

Он, ни разу не споткнувшись в темноте, по памяти вылетел на бугор, с которого днем видно всю деревню, поле за ней и лес, а сейчас, предсентябрьской ночью, хоть глаза коли, не понять, где земля, где небо. Лишь одинокой звездочкой горело под бугром окно Митьки Микулина. «Усадили опять с Николой нянчиться, а сами в кино усвистали», — осуждающе подумал Вовка о родителях своего приятеля и обернулся назад, туда, откуда пришел: чернота слизнула уже прямоугольники света из-под окон клуба, а по самим стеклам, перемещаясь, сложились сейчас фиолетово-оранжевые блики. Фильм, по всему понятно, начался.

Вовка достал из кармана электрический фонарик, «жучок», и, загудев динамиком, высветил под ногами пятно дороги. Луч скользнул из-под ног вперед, нащупал отворотку в поле.

Да, время действовать. Если и услышит кто рокот трактора, так это Митька Микулин. Но и то вряд ли: ему с неугомоном братом возни по самые ноздри — избу на буксир бери, и то вряд ли почувствует.

Вовка, настороженно прислушиваясь к тишине, повернул в поле. Под ногами асфальтом лежала набитая машинными колесами твердь. Правда, от росы она начинала покрываться слизью, и ему невольно приходилось смирять шаг, не торопиться.

Перед воротами, преграждающими дорогу в поле, Вовка испуганно замер, всем нутром ощутив, что из темноты кто-то сверлит его взглядом. Вовка неловко переступил, не зная, попятился ему или все же идти вперед, и, поскользнувшись, потерял равновесие. Он с трудом устоял на ногах, а когда выправился, из подворотни, шурша омертвелым репейником, взметнулся на изгородь живой ком. Вовка, потея, навел на него луч фонарика. На изгороди никого не было. Луч судорожно скользнул вдоль дороги, ощупывая ее уже по ту сторону ворот, и наткнулся на фосфорический отблеск кошачьих глаз. Кот выпрыгнул из пучка света, неслышно исчез в траве.

— Ух ты... — расслабленно выдохнул Вовка, ноги у него сделались ватными. Он еще раз посмотрел в сторону клуба.

Там было по-прежнему тихо, лишь фиолетовыми отсветами играли видимые отсюда окна.

— Ну ладно же! — угрожающе прошептал Вовка. — Смотрите свой «Выстрел в спину».

Слева за воротами открывалось поле, справа начинались колхозные гаражи, а впрыток к ним прижались машинно-тракторные мастерские — вотчина Степана Кузнецова.

С утра у их ворот стоял неисправный трактор Микулина, с которым Вовка больше недели пахал зябь. Какая удивительная неделя была, а этот охламон Степан все испортил: не подпускает Вовку теперь к микулинскому трактору, и баста.

— Не положено, — говорит, — нет семнадцати лет.

Да какие семнадцать лет! Вовка целую неделю на тракторе работал, никто о годах не спрашивал.

— Для меня ты хоть в космосе эту неделю отлетай, я тебя все равно к технике не подпущу, — уперся Степан. — У меня инструкция есть, закон... Понятно тебе?

— Да я же с Микулиным, с Матвеем Васильевичем, зябь пахал...

— Хоть с председателем колхоза паши... Они инструкцию нарушают, я за них отвечать перед законом не собираюсь.

Микулин сидел у окна на скамейке, хмурился, кусал сухой стебелек мятлика.

Степан не обращал на него никакого внимания, ходил перед Вовкой в засаленной фуфайке, растопырив выпачканные в мазуте пальцы.

— У меня, видишь вон, мотор от колесника висит, — показывал он на подтянутый на стальных тросах чуть ли не под потолок двигатель. — Сорвется ненароком — да на тебя... Я отвечаю? Да?

— И на вас может сорваться.

— А у меня что, головы нет? Зачем я под него полезу?

Микулин сидел невозмутимо. Хоть бы слово в разговор вставил. Так нет. Молчал, как воды в рот набрал. А сам же Вовку и звал в мастерские. У трактора правый фрикцион вышел из строя — гусеница руля не слушается. Только влево и можно поворачивать, до мастерских-то еле-еле добрались. Пока ехали, Микулин все объяснял Володьке: фрикцион — это, говорит, такое устройство... Когда рулевой рычаг тянешь на себя, фрикцион там к чему-то прижимается, и гусеница стопорится на месте, а другая, свободная, знай себе идет.

Но поскольку застопоренная не дает ей ходу, держит, будто на привязи, свободная движется по кругу. Таким образом трактор и разворачивается. Правый фрикцион выжимаешь — трактор идет направо, левый — налево. А вот уж если оба фрикциона выйдут из строя, тогда машина становится неуправляемой.

— Ну, я тебе принцип действия фрикционов покажу в натуре, когда будем ремонтировать, — пообещал Микулин.

И вот на тебе — показал! Словечка в защиту не выдал. Вовку его молчание больше всего и бесило. Ну, этот летает с растопыренными, как куриные лапы, руками — дивиться нечему. Перестраховщик! Но Матвей-то Васильевич хорош! Ехали, говорил: «Молодец, Володя. За практическую езду хоть сегодня можно пятерку ставить, теперь еще изучишь устройство — и можешь досрочно сдавать экзамены на права».

— Ты ведь в седьмом будешь нынче?

— В седьмом.

— Ну вот видишь, а трактористом, считай, уже можешь работать. Так что профессией обеспечен. Осталась одна формальность — сдать на права.

Вовку прямо-таки распирала гордость. Шутка ли, тринадцать лет, а он уже тракторист. Другие и после десятилетки в технике ничего не смыслят, а его сам Микулин, лучший механизатор колхоза, в пример ставит, в напарники к себе брать не отказывается: «Молодец, Володя!» Еще бы не молодец. Микулин Вовку и одного оставлял в поле — без подсказок управлялся с трактором. Да если бы хронометраж провести, кто за эти семь с половиной дней больше за рычагом просидел — Микулин или Володька, так еще неизвестно, чей верх оказался бы.

— Вот что я тебе скажу на прощание, Воронин, — явно подытоживая разговор, насмешливо произнес Степан. — Ты в мастерскую лучше не заходи. Ни мне нервы не порть, ни себе. До свидания, дорогой, — он протянул Вовке испачканную мазутом руку.

— Сначала с мылом отмойте, а потом уж протягивайте. — Вовка отстранился от мазутной руки и двинулся к выходу.

Степан побледнел, суетливо полез в карман за сигаретами:

— Ну, знаете ли... Молод еще... — Он похлопал себя по штанинам — спички отозвались в правом кармане.

Микулин встал, выплюнул изо рта травину, что держал в зубах, и легонько подтолкнул Вовку к выходу:

— Володя, на улице меня подожди.

Вовка, не оглядываясь, переступил порог. Через плечо он услышал еще в дверях, как Микулин, будто выбивая из мундштука окурки, ударил ладонь о ладонь:

— Круто берешь, Степан. Разгонишь пацанов, с кем в следующей пятилетке работать станешь?

— А потакать не собираюсь, как ты. Он в тринадцать лет зубы волчонком скалит, так что с ним будет, когда в силу войдет?

Вовка невольно замедлил шаг.

— Верно, с характером парень. Так этот характер надо на дело направить, а не против тебя или меня...

— Ну, я-то, положим, не боюсь с молокососом поссориться, — самодовольно усмехнулся Степан.

Микулин помолчал и вздохнул:

— Эх, Степан, Степан... — Он вдруг спохватился и крикнул: — Володя, прикрой дверь!

Вовка не отозвался на зов, прошел к скамеечке, установленной у стены мастерских. Она была залоснена механизаторскими штанами, будто воском натерта. Любят, видать, мужички покурить на завалинке: ветер в спину не дует — стена прикрывает, дождь сверху не мочит — крыша над головой есть. Для окурков вкопан в землю обрезок металлической бочки. Микулин, видно, сам прикрыл дверь, но она прилегла к косякам неплотно, оставляла широкие щели и запазухи: голоса все равно были слышны.

— У меня, видишь, все по полочкам разложено... — горячился за дверями Степан. — Тут — подшипники, там — болты и гайки...

— Да что он у тебя, этот порядок нарушит?

— А как же! — искренне удивился Степан. — Пацанов запусти сюда, так не только кавардак здесь устроят, а и половину запчастей на игрушки растащат.

— Ну, это ты зря, — снова вздохнул Микулин. — Хочешь, я тебе расписку дам... Пусти под мою ответственность.

Степан вроде засомневался.

— А циркуляр? — вдруг встрепенулся он. — Ведь его умные головы сочиняли, не нашим чета.

— Законы и то устаревают...

— Нет, Матвей, ты меня не уговоришь. Твоя расписка противозаконна, ее в расчет никто не возьмет. Сказано в положении, что на тракторе разрешается работать с семнадцати лет, вот пусть и терпят.

— Терпят... А он видишь какой терпеливый... Ему семнадцать-то стукнет, он уже школу закончит. Ты ему: «Садись, Володя, на трактор». А он тебе что ответит? «Нет,— скажет,— дядя Степан, у меня душа к трактору не лежит». Ты понял? Если ты сейчас его душу нашим делом не займешь, потом поздно будет. Упустим время.

— Ну, Матвей, тебе бы министром работать, а не трактористом,— опять засмеялся Степан.

— Значит, не уговорить тебя?

— Да я же тебе сразу сказал.

— Ну, а если председатель прикажет?

— Не прикажет, Матвей. Нет у него таких полномочий, государственные директивы ломать. А прикажет — я и ему не подчинюсь. Я тебя-то, Матвей, не понимаю: разве можно мальчонку на ремонт трактора ставить? Там же какая тяжесть! Не по его плечам.

— Неужели я его тяжести таскать заставлю? Ключи нужные будет подавать — и то помощь. Смотришь, и его кой-чему научу.

— Да чему ты его научишь?.. Везде бы с тринадцати лет и учили на механизатора. Ан нет, почему-то постановили права выдавать с семнадцати. Не дурнее же нас кругом.

— Ой, Степан, с тобой каши, видать, не сварить...

— Да уж такую, какую ты затеял варить, это точно, со мной не сварить. Ты что, увечить пацанов хочешь? Они же соображают чего? Левый рычаг на себя потянул — трактор пошел налево, правый — направо... А вот у тебя фрикцион вышел из строя — не окажись ты на месте, что было бы? Он бы, помощник твой, с трактором вместе в овраг свалился — и технику бы угробил, и от самого косточек было бы не собирать... Ну, чего молчишь? Не так, что ли?

— Зачем крайности брать...

— Ага, крайности... А кто от них застрахован? Или представь: не в овраг бы он угодил, а в автомашину с людьми врезался. Тогда кому отвечать? Министру? Или нам с тобой?

— Я ответственности не боюсь.

— А я жертв боюсь... Вот тебя, может, бог спас, что ты на тракторе оказался, когда фрикцион...

— Да что ты с этим фрикционом заладил? И Володька бы не растерялся. Уж если бы и не привел трактор в мастерские, так заглушил бы в поле.

— Это он на словах герой: кукиш пожилому человеку показать, язык высунуть, нагрубить... А посмотрел бы я, как он с неисправным фрикционом трактор повел... Я не то что машины, разводного ключа ему не доверю. Не потеряет, так стырит... Есть, есть у них такая привычка — тащить все, что плохо лежит... Ты и не спорь, я пацанву знаю! Они ведь то самокат мастерят, то подводную лодку, а строительного материала нет... Приходится, так сказать, экспроприировать у государства или колхоза.

Вовку аж передернуло от этих слов.

«Ах, вон оно что! — изумился он. — Заведующий мастерскими боится, как бы его не ограбили». Да Володьке чужого гвоздя без спросу не взять.

— Значит, опасаясь, что мальчонка у тебя коленчатый вал умыкнет, чтобы самокат построить, а на подводную лодку утянет планетарный механизм от трактора?

— Ну, планетарный механизм, положим, не утянуть, — усмехнулся Степан. — Он для него неподъемен, все-таки в нем шестьдесят два килограмма весу... хотя... ватагу собьет пацанов из шести... могут и за планетарный взяться. А уж о запчастях и говорить нечего. Половину растащат.

Вовка вскочил со скамеечки, толкнул дверь ногой.

— Я, Степан Сергеевич, о ваши запчасти рук марать не собираюсь! — закричал он с сердцем.

Микулин поднял на Вовку усталый, расстроенный взгляд:

— Володя, я же говорил, подожди меня немного на улице.

— А я и ждал... Но вы же не говорили мне, чтоб я и уши там, на улице, затыкал...

Степан поучающе покачал головой:

— Вот я читал в газетах недавно, что для школьников не худо бы изготовить на заводе специальные, ребячьи, машины. Ну, значит, вроде игрушек. Игрушечный трактор, игрушечную автомашину, игрушечные плуги и бороны... Чтобы, значит, учились пахать и сеять, а безопасно было и для окружающих и для самих школьников...

— Вы сами на игрушечных и работайте! — обиделся Вовка.

Не поймешь мужиков: один призывает всему учиться, другой заставляет в игрушки играть до совершеннолетия.

— А что? На игрушечных неохота ездить? — засмеялся Степан. — Охота искалечить такую машину, что подороже стоит? А ведь игрушечную-то и с неисправным фрикционом води сколько хочешь...

Вовка смерил Степана презрительным взглядом и вышел.

«Водите сами!» — распалял он себя. — Подумаешь, фрикцион, фрикцион... Да не так уж и велика премудрость — с неисправным фрикционом привести трактор с поля в ремонт. Ну, собьется он у тебя с дороги немного вбок — так ты сдай назад, выруливая гусеницей нужное направление, а потом дуй себе дальше. Скосит он через какое-то время снова в сторону — так ты снова спяťся, работая исправным фрикционом. Сколь ни подергаешься взад-вперед, а куда надо приедешь. Микулин и сам не на крыльях летел, а таким же образом дергался. Что, Вовка уж совсем полоротый: тринадцать лет, так и не сообразит ничего? Нет, Вовка вам не грудной ребенок, разбирается кое в чем.

Вовка, конечно, не стал дожидаться Микулина. Да и зачем его дожидаться, и так видно, со Степаном они спокутся: один кричит — не приведет Вовка трактор; другой утверждает — не приведет, так заглушит в поле. А вот и не заглушу!

Ворота в деревню были закрыты, и Вовка с разбегу переметнулся через изгородь на руках. У подворотней колодины грелись на солнышке куры — рассыпались сразу в разные стороны. Один лишь петух — гребень красный, будто мороженая калина, — драчливо склонил голову и — боком-боком — пошел на Вовку.

— А, иди ты, — Вовка отлягнулся от него левой ногой.

Гребень у петуха был в крови — уже от кого-то, видать, досталось, — а вот поди ж ты: характер не переломить. Петух подпрыгнул, взлетел на уровень Вовкиного плеча и, хлопая тяжелыми крыльями, со стукотком опустился на голенастые ноги. Вовка опять отлягнулся от него, но петух не намерен был отступать — угрожающе клонил к земле голову, распускал шпоры, разворачивался снова боком.

Вовке показалось, что на него из-за ворот смотрит Микулин. Подошел будто бы к самым воротам и стоит улыбается, ждет, чей верх будет — петуха или Вовки. Вовке хотелось обернуться к Микулину, удостовериться, что это действитель-

но он, а не кто-либо иной. Но петух словно гипнотизировал его. Он следил за каждым движением Вовки, не давал ему выключиться из поединка даже на долю секунды, подпрыгивал, норовя уцепиться шпорами за Вовкину рубаху.

Вовка невольно попятился. Петух гордо занял отвоеванное пространство, держа удобную для нападения позицию.

Вовка взмахнул рукой. Петух подпрыгнул, захлопал крыльями, поднимая ветер и жухлые листья.

Кто-то мешал Вовке взглядом, сковывал его движения. А петух не давал оглянуться, уяснить, кто.

Вовка спятился еще на шаг и, нашарив ногами палку, схватил ее — и к петуху. Но тот уже оценил обстановку: заполошно крича, он убегал по дороге, резво вскидывая голенастые ноги.

— Та-ак, сыночек, — услышал Вовка голос отца. — С петухами воюешь...

Вовку словно окатили из ушата холодной водой.

— А ну, подойди сюда! — приказал отец.

— За-а-чем? — неуверенно протянул Вовка.

— Я кому сказал, подойди!

И надо же такому случиться — Вовка побежал от отца. Он не мог и себе объяснить, почему так случилось. Ну, отдрал бы отец за уши, ну, дал бы ему подзатыльника — так отец же... Да и не сделал бы он ничего такого: Вовка не помнил, чтобы отец когда-нибудь распускал руки, мораль бы, конечно, шепотом прочитал, чтоб из соседей никто не услышал, а бить — нет, это на него непохоже.

— Ну, хорошо, — многообещающе погрозил отец. — Придешь домой — разберемся.

А в чем, собственно, Вовка перед ним провинился? В том, что от петуха драпака не задал? Или, может, Степан успел пожаловаться отцу: мол, сын у тебя грубиян, мол, он у тебя такой, он сякой. Нет, вроде бы не успеть отцу со Степаном перемолвиться, Вовка только что из мастерских, отца, слава богу, там не было.

Вот уж верно замечено: беда в одиночку не ходит. Вовка это по своему опыту знает. Неприятность всегда идет под ручку с другой неприятностью... В мастерских от ворот поворот получил, так еще и с отцом повздорил.

Вовка неприкаянно брел по деревне, не зная, куда себя деть. И домой заходить нельзя: сам себе дорогу отрезал. И к ребятам заглядывать — настроение не то. Ведь выложи

им, что Степан о тебе говорил, скажут, так и есть: не привести неисправный трактор. Они же по себе меряют, за рычаги никогда не держались. А Вовка — механизатор. Неделю у Микулина в напарниках ездил.

Решение вызревало у Вовки не вдруг. Он просто еще не догадывался и сам, что носит уже его в себе.

Не было у Вовки намерения угонять трактор, не было, а зуд какой-то уже точил душу. Ведь может же Вовка проехать на тракторе с одним фрикционом, назло всем может.

Вот то-то бы Степан Кузнецов удивился: «Посмотрите, какой мастак, а я не верил в него...»

Вовка забирался мыслями высоко. Но земля не небо: чем выше паришь в мечтах, тем чаще спотыкаешься на дороге.

Утро, говорят, вечера мудренее, но как до этого утра дотянуть?

Пожалуй, пока отец на работе, надо заскочить домой подкрепиться да, может, куда-нибудь и краюху припрятать. Там неизвестно, чем день завершится...

— «Что день грядущий мне готовит?» — просипел Вовка тоскливо, хотя напевом собирался себя взбодрить.

Он открыл калитку и уже отсюда увидел, что дом на замке: ну конечно, мать с сушилки не возвращалась, зерно там провеивает. «Тем лучше, пообедаем в одиночку», — потер он руки. Взгляд его наткнулся на старую ременную плетку, валявшуюся под крыльцом. И опять, не думая еще всерьез о тракторе, Вовка полез ее доставать; кожа у плетки мягкая, из ремешка можно сделать шнур к «пускачу». Был он как раз подходящей длины. Оторвать его от узорами изрезанной трости и сунуть в карман было делом минутным.

— «Все в карманы Ваня тащит, и набит карман, как ящик», — прищурился Вовка, вспомнив любимую присказку отца. Да, отец никак не шел у него из головы. И чего он сегодня так выстрожился?

Вовка похлопал себя по карману. Шурупы, гайки, ножик-складенчик отозвались дружным звоном. Теперь вот к ним отправился и ременный шнур.

— Да, как ящик, — повторил Вовка заключающие слова присказки и, сняв из петли замок, вошел в дом.

Он в каком-то полузабытьи, машинально, поел, не ощущая вкуса еды, отломил ломоть хлеба, с трудом затолкал его в карман и опять оказался на улице.

Киномеханик приклеивал у клуба афишу. Вовка повертелся вокруг него, повыспрашивал, что за картина, и, усевшись под березой на выпирающий из земли мощный корень, по щипку съел припасенную на черный вечер горбушку.

И только тут до него дошло, что сегодня же все Полежаево будет в клубе. И Степан Кузнецов, и отец, и Микулин... Конечно, если они узнают, что сегодня показывают «Выстрел в спину».

Вовка заскочил к киномеханику в аппаратную.

— А на мастерских тоже вывесите? — кивнул он на кипу незаполненных голубых афиш.

— Для кого там вывешивать? Два человека всего работают, — отмахнулся киномеханик.

— Не ска-а-жите. Там тракторов вышло из строя — не пересчитать. Чуть ли не все механизаторы на ремонте.

Киномеханик уловил в Вовкиной горячности какой-то подвох, погрозил пальцем:

— Ой, парень, ты чего-то мне неспроста казацкие песни поешь.

— Да я что, мне все равно, — похолодел Вовка и, спасая ситуацию, намеренно равнодушно повернул к выходу. — Я думал, как лучше: на мастерских повесить, на сельсовете, на школе, на магазине... А мне ведь, конечно, все равно.

Киномеханик бегать с афишами не большой охотник, на Вовку же и навалил это дело. А Вовке что? К мастерским только надо тишком пробраться, чтоб ни Степан, ни Микулин его не увидели, да к сельсовету не под окнами, а с тылу пройти. К магазину же и к школе можно лететь даже с песнями.

В хлопотах вечера и дожидаться не надо — сам настал. Все! Пора действовать!

Вовка, полный решимости, проскочил мимо доярок, торопившихся в клуб, но перед воротами в поле заробел. А тут еще этот кот добавил тревоги. Какие-то заколдованные оказались ворота: днем их охраняет петух, вечером около них несет караульную службу зеленоглазый котиче.

За воротами Вовка нажал на динамик «жучка»: в темноте можно залететь в яму, в колдобину, споткнуться о вывороченный пласт дерна — земля перед гаражами исхрыстана техникой.

Микулинский трактор стоял на месте, перед въездом в мастерские. Степан Кузнецов не пустил его даже под навес. Как же, у него на ремонт очередь... А то еще, может, на полках нету и запасных фрикционов, надо ехать в район...

Вовка залез в знакомо пахнущую кабину. На сиденье валялась фуфайка Микулина, будто он отлучился на перекур, а не ушел домой до утра. Фуфайка обычно прикрывала ящичек с инструментами. Но сейчас его не было под сиденьем. Ящичек Микулин куда-то припрятал. Конечно, гаечные ключи, отвертки, молотки, плоскогубцы, масленки, шурупчики, свечи дороже для тракториста даже новой фуфайки, а уж о микулинской, из которой вата клочьями лезет, и говорить не приходится. Так что Вовка не напрасно прихватил с собой ременную змейку от плетки. Шнур-то от пускача лежал у Микулина в ящичке.

Вовка взялся — для пробы — за рычаги управления: левый упруго пружинил, а правый проваливался, как в пустоту. Ну, где наша не пропадала!

Вовка, посвечивая фонариком, выпрыгнул из кабины, прошел к двигателю пускача. Он поблескивал машинным маслом. Под заплывшей мазутом колбочкой карбюратора висела капля горючего. Она, как росинка, отражала лучи фонарика и горела радужным сколком стекла.

Вовка накрутил ременную плетку на пускач, но дернуть за шнур не осмеливался.

За спиной — он ощущал это — жила деревня. Ее не было в темноте видно. Даже в микулинском окне свет либо погас, либо его заслонили постройки. Но до Вовки долетали вздохи коров, взбренькивали у собачьих конур цепи, нет-нет да и закудахчут — как будто рядом! — на чьем-то нашесте куры. Вовка никогда не думал, что темнота бывает такая чуткая. По мосту через Березовку проехали на телеге — опять как рядом: протяни руку — и упрешься ладонью в дроги. Слышно даже, как в щели меж мостовин сыплется в речку потревоженный колесами песок... У кого-то в доме несмазанно скрипнула дверь... Ой, не все Полежаево в клубе! Старики и старухи не променяют тепла печей ни на какие заманы.

Вовка дернул шнур — камнепад обрушился с неба. Трактор не просто трещал, он задыхался в дробильном грохоте, надрывался в реве, и Вовка, оглушенный, раньше времени переключил подачу горючего на мотор. Мотор не схватился.

Тишина вернулась на землю, но в ней не было уже ни брэнчания собачьих цепей, ни квохтанья кур на нашествиях, ни скрипа дверей. Будто мир погрузили глубоко в воду, отгородили от той жизни, какой он только что жил.

Ноги дрожали в коленях. Вовка, притушив свет, прислушался к темноте и стоял не шевелясь до тех пор, пока не вернулись к нему прежние звуки и шорохи. Деревня, оказывается, никак не отреагировала на обвальный грохот. Но Вовка, не очень-то доверяясь тишине, еще потянул время: отошел от трактора, присев на корточки, повслушивался в шелест травы — не перебивается ли он чьими-то шагами — и только после этого вернулся к покрытой потным холодом машине. Он не полез сразу к мотору, а завернул к баку с горючим, проверил, не слито ли оно, и, убедившись, что заправки хватит на дальний путь, снова прокрался к пускачу.

Вовка вновь намотал змейку шнура на разгонное колесо, вновь пережил минуты оглушающего грома и треска, но у него на сей раз хватило терпения раскрутить мотор дизеля так, что тот принял, наконец, живительный ток горючего, заработал ровно и — по сравнению с пускачом — почти бесшумно.

Вовка залез в кабину, врубил в ней свет, дал ток передним и задней фарам и, дождавшись, когда мотор прогреется, выжал сцепление. Трактор вздрогнул. Волнуясь, Вовка нащупал набалдашник переключателя скоростей и для начала толкнул его прямо вперед. Гусеницы лязгнули, темнота поплыла навстречу капоту, раздвигаясь в стороны перед пучком сильного света.

Трактор явно забирал влево, шел дугой, и выровнять его ход было нельзя: правая ручка рычагов управления бессиленно проваливалась.

— Пожалуй, так на второй скорости и поеду, — решил Вовка, не очень-то пока надеясь на свою реакцию: мало ли какая возникнет преграда, на медленном ходу можно и сообразить, что к чему. Все-таки машина-то инвалид.

Трактор сунулся радиатором в рытвину — Вовке, чтоб усидеть, обеими руками пришлось упереться в приборный щит — и, еще круче развернувшись влево, вылез по скосу наверх. Фары выхватили из темноты деревню, и сразу чуть ли не во всех окнах заиграл свет. У Вовки мелькнула даже мысль, что это не отражение от фар, а загорелись лампочки

под потолками, что он слишком долго возился с двигателем и люди уже вернулись из кино. Рискуя снова свалиться в канаву, Вовка попятил трактор, выворачивая его на поле-вую дорогу. Направляющие колеса лязгнули сзади ослабевшими цепями гусениц и, зависнув над рытвиной, огрузили машину вниз. Радиатор взмыл кверху, поднявшись на уровень ветрового стекла, уперся фарами в вязкое небо. Вовка торопливо включил переднюю передачу, и он, трактор, вы-ползая из кювета, успел развернуться чуть ли не на девя-носто градусов.

Вовка не удержал себя, чтобы не оглянуться. Деревня по-прежнему отсвечивала окнами, и, как при луне, белели стволами березы, сбегала под горку изгородь, а вдоль нее густым плющом чернела крапива. Господи, да он же заднюю фару не отключил! Вовка щелкнул тумблером, чернильная темнота осела за трактором, поглотив в себя и деревню с березами, и тем более изгородь, как плющом, затянутую кра-пивой.

Трактор уже опять съехал с дороги, опять надо было спячивать его назад. Ну, это дело не хитрое. Вовка быстро приспособился к переключению скоростей: от второй до заднего хода — один рывок рычага. Благо, не плуг за собой тянешь, сдавай назад, хоть полверсты. Конечно, пол-версты спячиваться ни к чему, и на нескольких сантиметрах гусеничный трактор можно развернуть в любом направле-нии. Но дергаться взад-вперед придется, от этого сейчас никуда не уйти.

Дорога свернула в березнячок, разреженный ельником, перескочила ручей и повела к песчаному карьере уже строе-вым лесом.

Мотор работал ровно и басовито. В кабине смотровое стек-ло усеялось крапинками пота. Душа у Вовки ликовала и пела: «Ну, что, Степан Сергеевич? Чья взяла?» Трактор слушался его, как умная лошадь.

Лес казался каким-то неправдашним. При свете фар и зелень хвои, и пестрота листьев приобретали особую сочность и напоминали скорее не настоящие деревья, а картину худож-ника.

Перед взлобком дорога неожиданно раздвоилась, и трак-тор сам себе выбрал левую, неразъезженную, отвилку. От-вилка эта опять раздвоилась, и опять трактор отвернул влево.

Ночью лес узнавался трудно, и Вовка не сразу сообразил, что уже давно едет к карьере заброшенным и опасным путем.

Лет пять назад носились на машинах с ветерком и по этой дороге, но когда вплотную к ней подступил овраг, с каждым дождем, с каждым таянием весенних снегов размываемый все сильнее, ретивая шоферня пробила к карьере объезд. Но это ж для опытного механизатора овраг страшен, а для Вовки и сам леший — друг.

Овраг выходил к дороге не сразу. Вовка увидел сначала по правую руку от себя широкий темный проем в деревьях, из которого на него дохнуло сыростью, потом запорошенная палыми листьями и мертвой хвоей просека выскочила в сосняк, и уж только после этого деревья вообще отступили с правой обочины, а луч фар, не находя во что упереться и скользя по песчаному обрыву, так ни разу и не осветил дна оврага. Да неужто он бездонный?

Левая рука непроизвольно отжимала рычаг управления, заставляя трактор, и без того забирающий влево, еще круче вязать дугу. Вовка заметил это, когда гусеница соскребнула кору с осинки, ближе других выскочившей к дороге, и уже подмывала ее под себя. Нет, пока есть еще относительный простор для маневра, надо сантиметров на тридцать дать задний ход. Вовка переключил скорость и, покрываясь потом, лег всем телом на рулевой рычаг. Мотор освобожденно гудел, а Вовка давил и давил на ручку рычага и не понимал, отчего так легко двигателю. Боже ж ты мой, да он же работает на холостых оборотах — нога у Вовки онемело топила педаль сцепления. Вовка медленно отпустил ее, но это ему казалось, что медленно, а нога, видно, дрогнула — и трактор рывком качнулся назад. Вовка испуганно осадил его, не успев развернуть гусеницу. Суетливо переключив скорость, он послал трактор вперед и снова — на сей раз уже плавно — спятился. Истерзанная гусеницей осинка распрямилась обочь кабины. Кора с нее слезла клочьями. И Вовка представил, что могло бы произойти, доведись шпорами гусеницы вглотиться не в тонкий податливый прутик, а в ствол заматеревшей сосны или ели. Чего доброго, трактор могло б развернуть и поперек дороги — ни назад не сунешься, ни вперед не пройдешь. Хорошо, если шесть с половиной тонн веса подрагивающей машины распределятся таким образом, что центр тяжести окажется по эту, невидимую, черту на

дороге, за которой тебе дарована жизнь, а если по ту, ближнюю к осыпи? Какие тормоза тогда остановят трактор?

Вовка отер рукавом испарину, выступившую на лбу, и тронул машину вперед.

Ему почему-то очень некстати вспомнилось, что он забыл у ворот мастерских свой ременный шнур, с помощью которого раскручивал диск пускача. Ну, и невелика потеря, не возвращаться же из-за нее домой. На обратном пути подберет, чтобы не оставлять за собой никаких улик.

На дорогу выкатился еж, побежал по световой толоке впереди трактора. Вовка не испытал от его появления ни восторга, ни желания поймать растерявшегося звереныша. И когда еж, ослепленный фарами, с разгону не сообразил, что земля под ним неожиданно оборвалась, когда он взмелькнул черными лапками, на лету сжавшись в упругий комок, Вовка от ужаса закрыл на мгновение глаза. Ему даже показалось, что внизу, в утробе оврага, тело ежа глухо шмякнулось и эхо пронесло звук шлепка по всему лесу.

Дорога слегка свернула от оврага, но он тут же, за поворотом, догнал ее и еще теснее прижал к деревьям. Ни вправо, ни влево тут уже повернуть, пожалуй, было б нельзя. Вовке пришла на память сказочка о двух баранах, встретившихся на горной тропе. Они, бедолаги, не смогли разминуться: таким узким был переход. Но вывернись сейчас из-за поворота не трактор, нет, а тот же баран, посмотрел бы Вовка, куда б он стал отворачивать. Хотя, ему, конечно, не страшно: встречный баран мог бы сигануть в лес. Но Вовка-то на тракторе не сиганет — деревья не пустят. А по правую сторону... Перед радиатором медленно ползла земля. Ползет, ползет — и вдруг проваливается в темноту. Луч от фар скользит по ней, как по небу, не находя, за что уцепиться.

Вовке слышалось даже, как из-под правого трака оползнем стекал по круче песок. Ему даже чудилось временами, что кабина накренивается, что земля ускользает из-под нее, и он невольно прибавлял газу, чтобы выскочить из опасной зоны.

У него разнылось от напряжения плечо, которое было ближе к оврагу. Он перетрудил его, наверное, потому, что на роковых метрах пути словно бы упирался во что-то хоть и невидимое, но твердое. И всем корпусом, а особенно правым плечом помогал машине не завалиться набок. Стоило ей чуть-чуть огрузнуть на правую гусеницу, как Вовка

задеревенелым туловищем клонился к свободному сиденью, пока трактор не выравнивался, не обретал устойчивость...

Вовка утопленником вцепился в спасительную рукоятку рычага управления — пальцы самому дьяволу не разжать: заостенели. В кабине было душно, и пахло потом больше, чем бензиновыми парами, но Вовка не замечал этого. Он расширившимися от ужаса глазами смотрел вдаль.

На песчаной кромке обрыва вверх корнями распластанно лежала сосна-выворотень. Вершина ее могучей кроны была отпилена темнотой, а корневище, как морское чудовище, как спрут, топорщилось своими отростками и выглядело живым. Оно, казалось, подзывало Вовку к себе, как рукой, приглашающе взмахивая одним из широких щупалец. Вовке начинало чудиться, что сосна продолжает сползать по песчаной круче в бездонную глубину и манит за собой его, Вовку.

Вовка до крови прикусил губу. Корневище-спрут медленно уплыло назад, в темноту.

Трактор полз по кромке обрыва, с которой — может быть, даже сегодня — обрушилась, потеряв опору, сосна.

Дорога стала невообразимо узкой. На ветровое стекло угрожающе надвигались рогатины сучьев. И тогда думалось, что они вот-вот вспорют кабину и, словно вилами, пригвоздят Вовку к сиденью. Но трактор упрямо пер на них, и сучья, скользя по капоту машины, проскрежетава по ее кабине, затихали, успокаивались сзади.

Вовка не смел оглядываться. Он прошупывал взглядом дорогу перед радиатором, пытаясь предугадать, что его ждет, — хорошо, что колея закруглялась немного влево, и ему не надо было поминутно бросать машину взад-вперед. Но уж очень узок был уступ для проезда. Добро бы лежал под трактором твердый грунт, а то ведь — песок. Усыпанный жухлыми листьями, он успокаивающе обманчив — смотришь, вроде бы сухо и ровно, но Вовка всем телом ощущал: гусеницы выворачивают из-под листьев песок, склонный утекать вниз водой.

Вовка понимал, что трактор останавливать опасно: твердь под ним была ненадежной. Он чувствовал, как она податливо оседает под тяжестью машины. И спасение было сейчас в одном — быстрее проскочить гиблое место.

Там же, где колею не замело листьями, там, где она проступала сеевом скипидарно-бурых иголок, можно было

довериться глазу: какой видишь дорогу, такая она и есть. Но чем она лучше замаскированной? Тот же самый песок.

И хоть дорога, словно помогая Вовке, полукругом отжимала лес от оврага, левая гусеница все равно норовила выскочить за обочину, зарыться в ягодник, в муравейник, в кусты ивняка, вгрызться в податливую кору необхватной сосны. Рывочками, на сантиметрик, на два вершка трактор приходилось сдавать назад, чтобы направить на колею, и Вовка слышал, как на таких разворотах уплывал песок не только из-под правой, но даже из-под левой гусеницы. Нет, он не соскальзывал по круче в овраг, он продавливался, раступался, словно вода, и создавалось такое ощущение, что вся дорога садится, сползает вниз вместе с многотонной и неуклюжей громадиной, вызвавшей этот оползень.

Вовка прямо-таки сросся с машиной, будто наделив ее своими нервными клетками. Малейшая оступь гусеницы испуганно регистрировалась его сознанием, заставляла крепче сжимать рукоять рычага, словно в ней одной и заключалось его спасение.

Ох, Вовка бы и врагу своему не пожелал такой дороги, какая выпала на его долю!

У него мелькнула подленькая мыслишка выпрыгнуть из кабины. Но куда прыгнешь: откроешь дверцу — и вот она, бездонная пропасть, прямо под змеисто ползущей гусеницей. Перелезть к левой дверке? Да ведь на секунду выпустишь управление из рук — и неизвестно, успеешь ли даже передвинуться с одного сиденья на другое. Выключить мотор? Но трактор-то и на ходу оседает на правый бок.

Так что уж лучше стиснуть зубы и вести его только вперед.

Дорога неожиданно пошла под уклон, забирая все круче вправо. Левая гусеница поминутно вгрызалась теперь не в кусты, не в ягодники, а в стену земляного откоса, который рос и рос, пока не сравнялся верхним обрезом с крышей кабины и пока, наконец, совсем не удвинулся в непроглядную темноту. Вовка сообразил, что это спуск в карьер, прорытый когда-то бульдозерами.

Трактор достиг дна оврага, мертво-желтого, изуродованного кратерами ям и холмами земли, без единого кустика, без единой травинки. Свет фар уперся в противоположную стену котлована, отглаженную ковшами экскаваторов. Нет, овраг был не такой уж глубокий, каким казался

сверху. Чуть правее изъеденной землеройными ковшами стены начинался пологий откос. Вовка углядел на нем укатанную дорогу. Так вот он где, новый объезд, пробитый шоферней к карьере.

Вовка враскоряку вылез из кабины на гусеницу, свалился в песок. Ноги не слушались его. Все тело ныло надсадой. Каждая клеточка его была чужой. Вовка уперся руками в песок, чтобы подняться, и не поверил, ощутив, каким стал тяжелым: мышцы не выдерживали его, дрожали перенапряженными струнами.

Вовка все же поднялся. Так шатало, наверное, космонавта, вернувшегося из полета на землю. Только Вовку свое возвращение не радовало. Ему ничего было не любо, не дорого.

Он рухнул снова на песок и, распластавшись, долго был неподвижным. Кажется, так бы и пролежал тут до смерти — ни волков, ни самого лешего не страшно.

Мерно рокотал трактор. Сквозь его рокот был слышен наверху шум деревьев. Откуда-то издали, из деревни, долетал крик петуха, перепутавшего ночь с утром. Не того ли самого, голенастого?

Вовка перевернулся на спину, разбросав руки в стороны, и лопатками, сквозь пиджачишко, почувствовал идущий снизу холод. Скребнув по земле пальцами, он набрал горсть перемешанного с галькой песка, вяло сдавил его — кажется, выступила вода, скользнула по запястью в рукав, обожгла холодом. Может, это и не вода, конечно, а песок, выстуженный росой и туманом.

Вовке послышалось, что где-то заговорили люди. Он проворно вскочил и, перевалившись туловищем через гусеницу — забраться на нее не хватило сил: к ногам словно двухпудовые гири подвешены, — дотянулся рукой до рычажков газа, отжал его до упора.

Мотор задохнулся. Тишина опустилась как с неба, и словно накрыла овраг звуконепроницаемым колпаком. Даже шум деревьев, слышимый при работе двигателя, куда-то отодвинулся, исчез. И люди нигде не говорили, не пел петух, не шуршали на ветру жухлые листья.

Немым истуканом стоял трактор, уставясь немигающими зрачками передних фар в отвесную стену песка, а задней высвечивая пологий взъем к лесу.

Вовка выключил свет и в темноте почувствовал, что трактор излучает живое тепло.

«Ну вот, теперь вы его поищите», — устало подумал Вовка, не испытывая никакого удовлетворения ни от того, что он привел машину в карьер, ни от того, что Степан Кузнецов утром волосы будет рвать на себе, хватившись пропажи. Кажется, достань в нем, Вовке, сил, он привел бы этот трактор обратно и поставил бы его к воротам мастерских точно так, как тот и стоял с вечера. И пусть никто бы и не узнал, что Вовка может водить трактор без фрикциона, пусть безнаказанно важничал бы Степан Кузнецов и не подпускал к трактору: Вовка не видел сейчас улады ни в своей мести, ни в собственном самоутверждении.

Он достал из кармана фонарик и побрел домой не той короткой дорогой, какой приехал сюда, какая была знакома ему теперь каждым листиком, каждым песчаным вьюночком, он пошел объездным, более длинным путем. Идти по следам своего трактора у него не хватало духу. Только сейчас ему сделалось по-настоящему страшно, и его начинала пробирать дрожь.

Вовка не знал, как одолел четыре версты дороги. Он помнил только, что шел долго, томительно, что, когда выбрался наконец к деревне, окна в клубе пылали светом и у крыльца гомонил народ. Кино, видимо, давно кончилось, молодежь устроила танцы.

Вовка открыл калитку своего дома, замка на дверях не было, но Вовку, судя по всему, не ждали, потому что свет в избе не был зажжен. Само собой, родители были уверены, что сын носится у клуба с другими ребятами.

Вовка поднялся на сеновал, где у него было постелено, разделся и, комом бросив одежду, упал на подушку. Он уже сквозь сон натянул на себя холодное одеяло и тут же увидел, как в яви, огромного петуха, того самого, голенастого, с горевшим калиной гребнем.

Петух убежал от кого-то, бойко отбрасывая назад голенастые ноги, пригнув шею к земле и чудом не опрокидываясь клювом в землю. Шпоры его мелькали медными пятаками, а гребень надломленно зависал над глазом и по капле ронял на дорогу густую кровь. Кровь, твердея, отскакивала от земли калиной-ягодой. Мальчишки собирали ее в пыли.

— Ребята, — слабым голосом умолял их Вовка. — Да калины и в палисаднике можно нарвать.

Но они не слышали его крика, бежали за петухом, и Вовка бежал вместе с ними, только не нагибался за ягодами. Петух

убегал от него. И пока Вовка гнался за ним, произошло непонятное превращение: петухом-то стал Вовка, и не у настоящего петуха, а у Вовки уже сочился кровью гребень. Вовка ощущал его тяжесть, чувствовал боль в надломе и видел отпрыгивающую от земли калину.

«Так от кого же я убегаю?.. Надо остановить кровь», — и догадывался, что бежит от себя самого, а тот, настоящий петух, идет следом и горделиво клюет ягоды.

«Что ты делаешь? Не твои!» — продолжая бежать, кричал Вовка, не понимая, зачем он бежит от себя. Ведь вон настоящий-то петух не бежит...

Вовка проснулся совсем разбитым. Отца с матерью в доме не было. На столе лежала записка. «А кто будет копать картошку?» — прочитал Вовка и сразу узнал руку отца. Уразуметь же смысл записки он долго не мог. Ох уж эта отцовская манера изъясняться с сыном! Все подковырочками, насмешками, недомолвками... Что за загадку решил загадать он сыну сегодня? Ах, да, Вовка вспомнил: отец же вчера с утра говорил, что если Володька будет свободен, пусть копает в огороде картошку — начнутся занятия в школе, и вздохнуть станет некогда. Надо же... Вовка с этими мастерскими отцовский наказ забыл-исперезабыл. Значит, о нем и напоминал отец, когда Вовка у ворот воевал с петухом. Еще бы: со стороны-то, конечно, картина открылась не из тех, что облагораживают сыновей в глазах родителей. Опять, скажет отец, мой балбес ветер в поле гоняет.

Вовка склонился над умывальником, чтобы ополоснуть лицо, и обомлел, увидев себя в зеркало: все губы в кровоподтеках. Вот уж верно, петух с калиновым гребнем. Стал руки намыливать — а на обеих ладонях мозолищи: «копать картошку» — и мыло-то взять больно.

Побитой собакой вышел Вовка на улицу. Ноги были словно резиновые, шарашисься на них, а не идешь. Казалось, не на тракторе вчера ездил, а марафон без тренировки сдавал.

Вовку, как преступника, потянуло к месту своего преступления. Он направился к мастерским. И второй раз за сегодняшнее утро удивился: трактор стоял уже у ворот. Может, и не было этой дурацкой ночи? Может, приснилось все?

Нет, шнур от Вовкиной ременной плетки висел, захлестнутый петлей, на дверной ручке. Вовка его не вешал. Значит,

Микулин подобрал на земле и, обо всем догадавшись, пошел по следам, оставляемым гусеницами. Конечно же, трактор не птица, не по воздуху улетел.

Микулин сидел на завалинке, курил.

— Ну что, Володя, утер нам нос? — спросил он тихо. В его голосе не было ни иронии, ни угрозы, скорее даже прозвучала нотка жалостливости.

Вовке сделалось стыдно.

— Да-а,— протянул Микулин и отвернулся, чтобы не встречаться с ним взглядом, словно в чем-то был виноват и сам.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

И угораздило же их заблудиться. Митька, кажись бы, все тропочки знал в лесу, все развилки затравеневших дорог, все ложки и поляны — а вот, будто глаза на затылке были, проскочил приметные места, завел всех троих, и себя в том числе, в лешачины буреломы. И ведь наладились-то за грибами вечером, когда пастухи коров пригнали домой, и потому не собирались дальше просеки забираться — отправились совсем налегке, по одной корзинке в руках. Думали, на жарёху наломают — и ладно. А грибы не попадались, так и просеки не заметили, оказались черт знает где.

Обросшие седыми бородами ели — не каждую и руками обхватишь! — устремляли свои вершины к небу, которое уже начинало сливаться с раскидистыми лапами деревьев и только кое-где просвечивало между ними морозно мигающими звездами. Лес угрюмо затих: где-то за полями, за долами ветер улегся спать и не беспокоил его.

— Я никуда больше не пойду.— Алик Макаров раздра-

женно бухнул на землю корзину с грибами.— Сяду под елку и буду сидеть, пока меня не найдут.

Он еще не знал, что накопленное за день тепло лес хранит в лучшем случае до полуночи, а там падет роса, с деревьев закаплет, как в дождь, низко опустятся изнуряющие сыростью туманы. Нет, августовские ночи ненадежные, сидеть нельзя. Надо идти и идти.

— Да куда идти? Глаза же в такой темноте сучками вытычешь. На всю жизнь инвалидом останешься.

Миленький, а ты закрой их одной рукой да локтем дорожку-то и прощупывай. Как иначе-то? Замерзнуть нельзя. Только поддайся слабости — пропадешь: тайга не выпускает потерявшего в себя веру. Вон она затаилась... На север двинешь — можешь на сотни километров ни единой деревеньки не встретить. Поддайся ей...

Корзины с грибами — полнехоньки — стояли у ног. И ведь что удивительно: как только поняли ребята, что заблудились, так и попер гриб — знай не ленись, срезай. Да отборный-то какой — целичок к целичку, один красивей другого: маленькие, плотненькие, надломишь посмотреть, нет ли червей, — ре-е-па.

Вот бы теперь определить, где север, где юг, — а то попусту ноги ломать не резон, еще пригодятся: Митька чувствовал, что забрались они далеко и, если даже выберутся сейчас на дорогу, до дому топать и топать. А как определишь? На поляну бы вылезти — там хоть небо видать, — по Полярной звезде сориентировались бы. Так где они в вековечном лесу, поляны? Лес и лес... Хоть бы на муравейник наткнуться — у него южная сторона более пологая, чем северная, — но в темноте разве что-нибудь разглядишь, проскочишь мимо, если скипидарный запах в нос не ударит.

— Ребята, нюхайте все, муравейник надо найти, — посоветовал Митька. — По муравейнику определим, где юг, а где север.

Володька Воронин сразу повел носом, будто ищeyка. С Володькой никогда горя нехватишь: что ему скажешь, то и будет делать, нюни ни при каких обстоятельствах не распустит. А вот Алик...

— Я не собака, — словно прочитал Алик Митькины укоры в свой адрес. — Я не муравейники вынюхивать с вами пошел, а грибы собирать. Это вы меня заблудили, вы завели сюда, вы и нюхайте...

— И на небо поглядывайте, неплохо бы Полярную звезду разыскать...

Митька не хотел устраивать в лесу перебранку. Что толку-то, до хрипоты друг на друга выкричишь голос. Ну, оплеухами обменяешься, а из лесу-то выходить вместе. Некогда выяснять виноватых. Вот уж домой выберемся, тогда душеньку отвести можно. А в ночном лесу закричишь — на себя же беду и накличешь. Это он тебе только кажется нехоженым да забытым, лежаевский лес. А он забыт человеком, но не зверьми. Может, в ста шагах от тебя рысь на суку сидит, дожидается, когда ты один останешься. А может, из-за соседнего дерева следит за тобой медведь.

Алик Макаров человек приезжий, а Митька с Володькой тут родились и наслышались про свой лес всякого, и насмотрелись всего — и как овец волки резали, и как корову медведь подвалил, и как дед Спиридон прибежал, исцарапанный рысью. И все среди бела дня это было, а тут темная ночь. Плечом к плечу надо держаться, шаг в шаг ступать.

— Да чтобы я еще с вами связался, чтобы я за грибами когда пошел — ни в жизнь, — не унимался Алик. — Из-за каких-то поганных подберезовиков рисковать своей жизнью...

Вовка все-таки не утерпел, сунул ему тычка. Алик всхлипнул и замолчал, не решился дать сдачи. Но в знак протеста высыпал из своей корзины грибы, расшвырял их ногами.

— Давай, давай, паникуй, — мрачным голосом предостерег его Митька и рассказал для острастки про деда Спиридона.

Алик выслушал его молча — то ли поверил, то ли нет, неизвестно.

Но видно, засело что-то в мозгу. Уж порядочно отошли от того места, где Митька рассказывал про Спиридона, Алик вдруг и скажи:

— Если зверь встретится, убегать нельзя. Убегающего он будет преследовать. Я в книжке читал, даже от тигра нельзя бегать...

Посмотрели бы на тебя, как ты перед тигром будешь стоять.

— Не-е, от медведя так лучшее спасение на дереве, — возразил Володька.

Лес будто подслушал их разговор, решил проверить, кто чего стоит.

Тяжелой волной, со стоном и скрипом, прокатился верхо-

вой ветер, и лес сразу ожил — зашевелилось что-то в темневших впереди кустах, а сзади запотрескивало, запостукивало, и то там, то тут зашуршало в опавших листьях.

И вдруг кто-то невидимый дико захохотал над деревьями, а потом как крикнет:

— Ух-ух-ху!

Мурашки забрались под рубаху от сумасшедшего смеха. Митька невольно рванулся к дереву, прижался к стволу. Володька обхватил елку руками с другой стороны. А Алик, накрывшись пустой корзиной, присел на корточках там, где его застал крик.

Эхо размножило наполненный жутью голос и прикатило назад ослабленным расстоянием, но по-прежнему устрашающе знобким:

— У-хху-ху-у...

Кожа от него покрывалась пупырышками не только по спине, но по всему телу. Алик ползком добрался до дерева, к которому жались ребята, уцепился за Митькину ногу.

Наверху затрещало, будто кто-то обламывал сучья, тяжело завоzilось, вздыхая, и защелкало костяными палочками.

— У-ху-ху...

Митька-то уже догадался, что это филин, но все равно не мог унять дрожи в коленях.

— Пошли, — поторопил он ребят, чтобы быстрее миновать сатанинское место, а где там пошли, Алик уцепился за колени, и шагу не сделать. — Да филин это, пошли...

Говори ему сейчас хоть соловей, страху уже не убавить.

И в это время филин вверху завопил, будто ему защемили железом лапу и он не мог ее вырвать, бил и скреб когтями по незакрепленному листу жести, а потом все же высвободился и снова захохотал: ну, что, мол, моя взяла, вот уж теперь-то я вам покажу-у...

Володька сунул в рот пальцы и свистнул. Филин притих.

— Вот я тебе, лешачине! — крикнул Володька, и оттого, что над примолкшим лесом полетел человеческий голос, скованность отступила.

Митька, пытаясь прежней озабоченностью показать, что ему не страшно, зябко поежился и вздохнул:

— За Полярной звездой, Володя, следи. Вдруг увидим...

— Да чего там «следи», — встрепенулся Володька. — Я сейчас на дерево залезу... Оттуда-то видно.

Володька оставался самым собой. Его, пожалуй, и филин-то держал в напряжении только до тех пор, пока кричал, а утих сатанинский смех, и у Вовки от него ничего не осталось в памяти. Но нет, голос, кажется, и у Володьки перехватывает, а то бы чего ему самого себя повторять.

— Сверху-то все небо видать,— бодрясь, шумел он,— сучьями небо не застит. Оттуда и Полярную звезду разыщу.

Он уже поставил корзину с грибами у ног, подтянулся на руках, взобрался на первый сук.

— Ой, Володь, не сорвись,— предостерег его Митька. Но Володьку предостережения будто подхлестывают.

— Ну уж, скажешь,— выдохнул он и перебрался на сучок выше.

После того страха, который им довелось пережить, Володьке, наверно, и в огонь лезть не страшно, а тут всего лишь на дерево...

— Володя, не лазь... Лучше муравейник найдем.

А Володька уже карабкался ящерицей, скрипел о ствол резиновыми сапогами.

— Ничего,— отдуваясь, сипел он сверху.— У меня глаза к темноте притерпелись. Я как кошка вижу...

— Да хоть бы не здесь, а то у филина, может, гнездо тут... Кинется еще оборонять от тебя...

С филином, конечно, лучше не связываться. Кто его знает, нападает он на человека или нет. А уж раз забрели в его царство, лучше пооберечься.

Благоразумие взяло верх и над Володькой. Он спустился вниз. И, словно оправдываясь, вздохнул:

— Не даст до вершины забраться... Я филина знаю. Отчаянная птица. По темени клювом долбанет — и был таков. Мешком свалишься.

Алик опять затаил свою песню:

— Ребята, да бесполезно же все... Давайте утра дождемся.

Ох, Аличек, не знаешь ты, что полезно, а что бесполезно. Ходить, ходить надо, чтоб не замерзли — ночь-то приближается зубостучная.

На этот раз и Вовка не обратил внимания на Аликово нытье, был весь в себе, Митьке даже показалось, что его пробирает дрожь.

Отошли немного в сторону, и снова Володька поставил корзину на землю:

— Эх, была не была.— Он поплевал на ладони.— Ну,

ребята, ждите меня.— Будто они могли убежать, оставить его на дереве.

— Володька, не суетись, осторожнее, смотри. Ты человек горячий — может, я полезу?

— Еще чего? Мне мысль пришла, я и полезу.

Алик, видать, тоже загорелся надеждой.

— Полезай, полезай, Володя,— подбодрил он Володьку.— Надо же какое-то принимать решение.

Ох, умник, уже ночевать под деревом пропала охота... Теперь собрался на чужом горбу в рай проехать? Митька все еще не мог простить ему прежнего нытья: нет хуже, когда под руку ноют; тут и без того кошки на сердце скребут, а он еще добавляет.

Володька прошелестел нижними лапами елки и стал совсем неразличим в темноте. Сверху сыпалась омертвевшая хвоя, льнула к Митькиной шее.

— Володя, осторожнее,— уговаривал Митька.— Обими ногами на один сучок не вставай...

— Не маленький,— долетел сверху выдох.

Уже устал, наверно. Эх, Митьке надо было бы самому лезть, не так бы болело сердце. Сам-то Митька, прежде чем сучку довериться, рукой бы за него ухватился, повисел бы на нем, страхуя себя ногами, а уж только потом как следует обртал.

— Володя! Ну, как там?

— Да еще высоко до неба...

Ой, не поторопил ли Митька его этим окриком? Еще воспримет Володька вопрос как понукание — тогда беда.

— Володька, ты вверху осторожнее, там сучки ненадежные.

И Алик запел в унисон:

— Ты, Володя, не торопись.

Уж не высовывался бы. Зла на этого Алика не хватает.

Володька зацепился, видно, рукой за еловую шишку, она оторвавшись, проскользнула сквозь разлапистые сучки, гулко ударилась о землю.

— Ух, черт, гибкая очень,— выругался в темноте Володька,— видно, подобрался к вершине.

— Так и не лазь выше.

— Ага, Володя, не лазь,— поддержал Алик.

Вверху стало тихо. Митька представил, как Володька, держась одной рукой за ствол дерева, другой отводит

упругие лапы от лица, чтобы отыскать глазами Полярную звезду.

— Ну, видишь ли чего?

— Да вижу, а понять не могу, она или нет...

— Она самая яркая,— подсказал Митька, а Алик, конечно же, добавил:

— Ты звездный ковш ищи, Большую Медведицу, тогда не запутаешься.

Эх, тебя бы самого этот ковш-то искать заставить... Думаешь, перед Володькой ровное поле открылось? Черта с два! В лесу на какое дерево ни взбирайся, другие всегда будут заслонять белый свет. Покрутишься еще вокруг ствола, пока просвет найдешь.

— Ковша-то никак не могу полностью разглядеть, а черпачок вижу,— наконец подал голос Володька.

— А звезда яркая? — уточнил Алик. Похоже, научную обработку данных он собирался брать на себя. Ну как же, Алик с первых дней приезда в Полежаево объявил, что он в своем Улумбеке, где раньше учился, занял первое место на математической олимпиаде. Восьмиклассников даже обошел, потому что соображать не умеют, а задачки — на сообразительность: если склонность к соображению есть — и пятиклассник решит. Кто его знает, Алика, может, и правду рассказывает. В табеле-то, показывал, за шестой класс по всем предметам пятерки. А здесь, в Полежаево, надумал вот беспроводной телефон изобретать,— ребята видели, говорят, лампочки какие-то понатыканы в ящике, проводки, батарейки — наушники наденешь, так писк слышать. Получится этот телефон, не получится — другое дело. Но факт — смыслит чего-то, раз делает.

— Володя! — крикнул Алик. — Я буду вокруг твоего дерева ходить и тебе голос подавать, а ты сразу командуй «стоп», когда я остановлюсь на той стороне, где Полярная звезда.

Смотри ты, удивился Митька, действительно соображает. Митька как-то не подумал о том, что Володька, спускаясь с дерева, не один раз винтом ствол обовьет — разве вспомнишь тогда, где звезда горела. Соображает и вправду.

— Здесь? — кричал Алик.

— Иди, иди...

— Здесь?

— Не в ту сторону идешь... Назад поворачоти...

— Да ведь все равно по кругу, — возразил Алик, но повернул назад. — Здесь?

— Не могу понять, где ты. Еще раз крикни.

— Здесь?

И Митька подскочил к Алику:

— Здесь?

— Ага, там!

Ну, теперь живем, сориентировались... На юг двинем, на какую-нибудь, но выйдем проселочную дорогу. Это уж точно.

И вдруг Митька похолодел, у него сжало сердце: надолго ли хватит им этой сориентированности — пятнадцать, двадцать деревьев обогнут — и опять закружились... Если бы Полярная звезда всегда над тобой светила... А она неизвестно где. Не будешь же за ней через каждые сто шагов на деревья лазить...

Володька спустился на землю герой героем.

— Ну, братва-а! — И Алика с Митькой по спинам похлопал. — Незнестность кончилась... Теперь живем!

«Сказать или не сказать?» — колебался Митька. Скажи, так Алик опять расхнычется, изведет нытьем. А не скажи... Через пять минут сами поймут, когда один будет тянуть в одну сторону («Там звезда!»), другой — в противоположную («А мне кажется, там!»). Нет уж, лучше по правде, чтобы ко всему быть готовым.

Володька уже обнимал Алика, забыл, что каких-то десять минут назад тычка давал. И Алик забыл обиду, будто уже пришел в Полежаево, обнимал Володьку-спасителя.

— Ребята, вы рано ликуете, — остановил их Митька.

— Да чего там рано? — Володька не унывал. Он, да он же, ребята, на дерево лазил! Он Полярную звезду отыскал! — Мигает мне, понимаешь, как фонарик.

— А в ковше? — переспрашивал Алик.

— Ну! В ковше.

Митька сухо кашлянул:

— Ребята, мы сейчас на сто шагов отойдем — и она уже из ковша выпадет. Ведь не по ровному полю идти — среди деревьев. Кругаля как дадим...

И куда делось веселье. Ой, с тайгой шутики плохи. Раньше времени не пляшите.

Глубже-то всех осознал ситуацию Алик:

— Так и на дерево лазили зря? И рисковали зря? Да?

Рисковали... Рисковал Володька, не ты. Вот теперь только общий-то риск и начнется.

— Ребята, давайте лучше сидеть на месте.— Алик, похоже, сник сразу же, как от пощечины.— А то мы забредем туда, где нас и не найдут никогда. В болото еще залезем...

Да-а, сообразительный мальчик, ничего не скажешь. В болото вляпаться не мудрено, но и на месте нельзя сидеть.

Промозглость уже оседала на землю, вытесняла прогретый воздух, и мох под ногами начал, спружинивая, пылить росой. Алик сам же и ежился от сгущающегося холода, руки совал в рукава рубашки, как в муфту. Вот ведь, укатили в лес, в чем по деревне бегали, хоть бы пиджачишко — один на троих — надернуть кому-то. По очереди бы, глядишь, грелись.

— Нет, ребята, пойдем.— Митька заскрипел тяжелой корзиной. Конечно бы, грибы можно вывалить, до грибов ли сейчас. Но ведь ребята сразу поймут, что он разуверился — и тогда никто никого слушать не будет. А надо, чтобы в лесу слушались сильного.

— Зря пойдем, зря,— протестовал Алик.— Последние калории впустую растратим... Калории надо беречь... Дольше протянем...

— Ну, твоя научная теория не для тайги,— сдерживая раздражение, сказал Митька.— На кроликах ее сначала проверь.

Он уж повернулся спиной к невидимой Полярной звезде, сказал «Пошли» — и тут-то его и осенило: Митька же не один заблудился, их трое. Вот и надо использовать метод, которым Алик с Володькой Полярную звезду зафиксировали. Один будет стоять на месте и криком подсказывать направление отправившимся вперед. Не так уж и сильно отклонишься в сторону, если спину станешь все время подворачивать на крик. Знай себе, будто локатором, голос лови и иди, иди, а потом встань как вкопанный и сам кричи, пока товарищи на тебя не выйдут, пока не переставят тебя, как вешку, на новое место.

Вот в чем спасение. А их тем более трое — тремя вешками можно точнее ориентир удержать.

Но Алик ни в какую не соглашался ходить один.

— Алик, да слышать же будем друг друга... Рядом же...

Нет и нет. После филина не стыдился и страх напоказ выставить перед товарищами. Раньше соглашался под елкой один остаться, а теперь и с перекличкой идти ему боязно.

— Да бесполезно все! — вконец отчаялся Алик. — Не видно же ничего. Еще в овраг какой свалишься, ноги переломаешь. А то в медвежью берлогу залезешь...

— В тигриную не угоди, — подхихикнул Вовка.

Митька не поддержал его подковырки: ему хотелось уладить размолвку добром. Вот уж на что калории-то тратить нельзя, так это на ссору.

— Алик, да для пользы же дела, — уговаривал он. Аликову же терминологию и в ход пустил: тот упорствует, что бесполезно дорогу вешить, а Митька ему наперекор твердит — для пользы дела обязательно надо вешки тянуть.

Алик уже едва не куксился:

— Ребята, и с двумя вешками не ошибемся, — шел он на попятную. — А с третьей хуже, я только напутаю...

А уж чего там хуже? Двоих-то можно бы заднему по голосам в одну линию вытянуть: Володька, тебе, мол, левее... еще немножко левее, — и когда их ауканье, и Володькино и Аликово, вытянется в прямую, крикнул бы: «Стой!» — и пошел им на смену.

Но Алик заладил свое: нет и нет. Уж сказал бы впрямую, что одному оставаться — поджилки трясутся, так толмачит одно и то же: «Я напутаю, у меня, мол, слух искаженный...»

Что это еще за такой искаженный слух у людей бывает? Митька пока не слышал, что человеку кричишь на левое ухо, а ему кажется, что кричат на правое.

— А у меня вот так, — чуть не ревел Алик, — я что, виноват, раз у меня искажение слуха?

Да нет, конечно, не виноват. Только раньше не замечал никто такого дефекта, и Алик на свои уши ни разу не жаловался.

— Неужели я позориться перед вами стал бы? — наступал Алик. — Да я и сейчас-то, может, потому признался, что вопрос о жизни и смерти вашей встает... Подведу всех — меня же и обвините... Так уж лучше не рисковать...

Ох! Что и говорить, рискованный парень. Не приведись никому слышать это нытье. Конечно, можно бы применить армейское правило: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Но пока погодим. Впереди — еще длинный путь. Неизвестно еще, чего подсунет дорога. Лучше ссоры не заводить, сделать вид, что поверили...

— Володь, идите вдвоем, а я тут вам покричу...

Алик оживился, спросил деловито:

— И нам кричать?

— Ты можешь побережь голосовые связки... Без тебя упримся.

И ведь только тремя вешками и успели перемениться, как Митька почувствовал: откуда-то тянет холодом. Будто на земле лежал какой-то огромный зверь и дышал на них промозглым, настоящим на приречных травах воздухом. Охо-хо... Неужели в луга выходим? Лес и в самом деле пошел под уклон. Под ногами хвойная и моховая подстилка сменилась травой, сначала редкой и мелкой, а потом уж и по колени и по пояс даже.

Митька боялся поверить себе: река? Нет, не журчит водичка, не слышно. А трава — уже по шею ему, утонуть в ней можно. Ну, утонуть не утонешь, а искупаешься, это уж точно — штаны намокли, хоть выжимай.

Эх, где наша не пропадала! Не ворочаться же назад. Митька пустил впереди себя корзину, чтобы она обивала с травы росу, и пошел напрямую. Лес остался уже позади, потянулись кусты ивняка, но и они вскоре расступились, открыв уставленный невысокими стожками сена лог.

Здесь было светлее, чем в лесу, даже можно разглядеть, как потемнели от влаги штаны, как у Вовки с левого рукава свисали лентами лоскуты рубахи. Наверное, изорвал, когда лазил на дерево, а может, по дороге за сучок зацепился.

Небо выстуженно бледнело, оросившись звездами. Где она, миленькая, Полярная?

Батюшки, да и не за спиной вовсе, а впереди по курсу. Вот это ковш Володенька отыскал... Этим бы ковшом да ему по затылку!

И Володька понял свою промашку.

— Ну, ребята... — только и выдохнул.

Вот тебе и «ну»! Не выйди в этот лог, так переставляли бы вешки до утра. Вот когда озноб-то прокатился по Митькиной спине — зубостучный, не чета тем мурашкам, какие высыпали, когда филин кричал.

Ой, Володька, проверять тебя надо, оказывается, во всем...

Дрожь не давала Митьке выговорить и слова, того и гляди, прикусишь язык.

Он затоптался на месте, сделал вид, что греется. А у самого пот выступил, лицо покрылось испариной. Смахнул ее рукавом — и снова топтаться.

Ну, может, днем и разобрались бы, что к чему, по солныш-

ку б повернули назад. Но еще неизвестно, какая погода ждет их завтра. А вдруг дождь занудит? Вдруг облаками все небо затянет? Что тогда?

И Алик, сообразительный мальчик, наконец разобрался, что Полярная звезда впереди:

— Ребята, мы же не туда шли..

— Ладно, не вякай,— осадил его Митька, и — диво! — дрожь унялась.— Шли не туда, а пришли куда надо.

Самое главное, что шли, не сидели под деревом. А раз шли, да еще тем более по прямой, кругалья не делали,— где-нибудь да выскочили бы на приметное место. Не в Ночную, так в Козленков лог, не в Козленков лог, так на Широкую просеку, а не на Широкую просеку, так на Николинскую дорогу. Вешки куда-нибудь, но вывели бы. А вот под елкой-то остались бы ночевать, неизвестно, чем все закончилось бы. Так что, Алик, тебе лучше помалкивать. Володька оплошал, а кто на его месте оказался б глазастей? То-то и оно...

Шли не туда, а пришли туда, куда надо...

Конечно, лесом — без дорог-тропок — и по правильному б ориентиру они нахлебались бы киселя, пока б деревню свою не увидели.

А тут все же лог. Кошенный. Лог к реке выведет, река — к деревне. И по кошенине идти — не по кустам. Вот только мокрые штаны к ногам льнут и ноги мерзнут.

— А ну, штаны выжимать! — скомандовал Митька.— Снимай, снимай, не стесняйся.

Отжали воду, теплее стало. И слышали: а ведь журчит ручеек, бьется где-то водичка, не умолкая, катится.

Так куда ж они все-таки выбрались? В Козленков лог — о, это несусветная даль! — или в истоки Ночной — это тоже не близко, но все же не в тридесятое царство?

По берегам ручья плотными зарослями стоял черемушник — кисти с ягодами прямо просились в рот. Но Митька шел, не тянулся к ним и, если они зависали над лицом, отодвигал их рукой — знал железное правило: не ешь черемуху в лесу, пить захочется. Конечно, вода здесь рядом, но вдруг выберутся они на проселочную дорогу и придется топать по ней до ближайшей деревни километров пятнадцать — умрешь от жажды.

Ребятам строго-настрого наказал: в нашем положении лучше перетерпеть. А не удержитесь — дело ваше. Как говорят, хозяин — барин.

Ручеек вывел к поляне. Поднялись на взлобок, чтобы определить, куда вывела их Полярная звезда, — и отлегло на сердце. Межаков хутор! Старый заброшенный сеновал стоит. Колодезный журавль тянется к небу, чета рябин и березок... Значит, и на самом деле в истоки Ночной умахали, в истоки речушки, которая из ночи бежит, с севера... Хорошо хоть, не миновали ее. Теперь семь верст по лесной дорожке — и Поле-жаево. Ноги сами вынесут, земли не почуют.

Где-то далеко послышались выстрелы. Эхо раскатисто пронесло разрывистый грохот над лесом. Да это же их, грибников, ищут...

— О-го-го-го-о! — отозвался на залпы Митька. Они закричали хором, но их, наверно, не слышали и по-прежнему палили из ружей.

Алик было рванул бегом, но Митька остановил его:

— Подожди, хоть грибов отложим, а то прибежишь с пустой корзиной...

— Не нужны мне ваши грибы!

Он припустил бежать на выстрелы, не оглядываясь, будто оставлял за собою смерть.

В спину ему смотрела Полярная звезда, морозно-яркая, не улыбочивая. Самая надежная звезда, если сумеешь ее отыскать на небе, если у тебя на это хватит терпения.

ШКУРА НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ

Разведка донесла: Алик Макаров ходит за грибами по заросшим березняком закрайкам полей, по косогорам у речки, по склонам ложка, отделяющего полежаевские земли от николинских, по закустарившимся, затравеневшим канавам вдоль большака.

— Слаб в коленках, — сделал вывод из этой новости Вовка Воронин. Он сидел на ошкуренных еловых крыжах, сваленных под окнами Митькиной избы, и, вытянув босые ноги, деловито разглядывал растопыренные пальцы — наверное, искал занозу. Митька участливо склонился, чтобы помочь ему, но Володька утянул ноги к себе.

Разведка донесла еще и другое: Алик Макаров перед каждым встречным-поперечным хаял полежаевский лес. Он, мол, и неухоженный, он и угрюмый, он и такой-то, он и сякой-то — одним словом, проклятый. А вот в Улумбеке, в котором Алик жил до переезда в Полежаево, не лес, а художественная открытка. И указатели у каждой тропы прибиты: туда —

«Солнечная поляна», туда — «Аэлита»... Да что же это за «Аэлита» у них? Оказывается, навес от дождя... Вот чудо так чудо: в лесу от дождя навесы... Да в лесу под любой елкой прячься — не вымочит. Нет, «Аэлит» понастроили. Тропинки веником подметаются. Дороги песком посыпаны — даже на велосипеде можно кататься. Через каждый километр печивремянки поставлены — замерзнешь, можно отогреться, мокрую одежду подсушить. И главное, спички на шесточке лежат и дрова уже наготовлены — непогода застигла, огонь всегда разведешь.

— Врет,— скривил губы Володька.— Давно ли сам рассказывал, что в Улумбеке партизаны орудовали. Не под навесами же они у него сидели.

Митька молча пожимал плечами: кто его знает... Конечно, после войны прошло столько лет, что за это время могли и партизанские непроходимые буреломы облагородить. Но с другой стороны, что за нужда их облагораживать — указатели приколачивать, навесы строить... Леса-то не парки, вон их сколько.

Так Алику мало еще этого вранья оказалось. Он чем больше рассказывал об Улумбеке, тем сильнее входил в раж. Я, говорит, на ваш полежаевский лес теперь насмотрелся. Я, говорит, теперь в него и ногой не ступлю: мне, мол, просто неприятно, что он у вас до такой степени запущенный и неприбранный.

Ну, ну, косорыльничай, думал Митька. В лес он, видите ли, шагу не сделает. Вот уж теперь все полежаевские осины, все березы и елки слезами обольются: Алик Макаров их позабыл-позабросил... Как без него и быть... Совсем от тоски завянут...

И Митька и Володька Воронин знали, что ларчик-то открывается просто: Алик Макаров действительно слаб в коленках. До того дня, пока они втроем не заблудились в лесу, Алик не клял полежаевские чащобы. Наоборот, только и знал, что канюнил: «Возьмите с собой за груздями», «Не забудьте, если за малиной пойдете».

А один раз поплутали по лесу — и как отворотным зельем Алик опился.

Лес у него, видите ли, проклятым стал... Да что бы полежаевцы делали без своего леса? Ты бы, Аличек, чем зимой печку топил? За какими бы стенами от мороза прятался?

Нечего на лес свою вину сваливать... Не бегали бы в тот

вечер, задрал головы, — не заблудились бы. И ведь компас есть в каждом доме. А они, полоротые, удумали шуточки с тайгой шутить. Отправились в лес налегке — в одних рубашонках. Ни спичек с собой не взяли, ни компаса. Вот за это и поплатились. Продрогшие, мокрые, чуть не всю ночь проблудили, пока не вышли к речушке. Так в этом разве лес виноват? Они сами. Алик же все на тайгу свалил: заблудились потому, что она неухоженная.

— Нет, я такую несправедливость не потерплю, — сказал Володька и снова вытянул ноги. — У самого поджилки трясутся, а корчит из себя барина: кто-то виноват, что дорожек для него в лесу не расчистили, указателей на деревьях не приколотили.

— Зато теперь ухоженный лес отыскал, — подыграл ему Митька.

Володька сначала не понял его, а потом, видно, вспомнил, куда Алик ходит за грибами, и рассмеялся.

— Да, теперь у него с указателями...

Срам говорить, но в Аликовых обихоженных угодьях — по канавам особенно — растут не грибы, а сплошное недоразумение. Какой-нибудь хиленький масленок выкарабкался из-под земли, так и тот весь в пыли — в десяти водах мой, не отмоешь. Ну-ка, столько машин по большаку пробежало — не только пылью, а и гарью этот масленок закоптили.

И в березняках у полей что за грибы? Обабки, волнушки да сыроежки, а уж ни беленького, ни груздочка, ни рыжичка там и с собаками не отыщешь. Настоящий гриб растет в настоящем лесу.

Без настоящего леса не прожить... Ведь в лес за грибами или за ягодами идешь, так радости от этого не меньше, чем от игры, испытываешь. В лесу не только перед сверстниками, а и перед взрослыми свою сноровку покажешь. Кто больше боровиков навываывает из мха, кто не волнух, а груздочков наладет в корзину? Ой, грибы, они ведь не всегда сами под ноги лезут. Их надо знать, где искать. Увидел кустики белоуса — приверни, даже через чащобу к ним продерись: если до тебя тут никто не побывал, то семьдесят процентов из ста — белые грибы с тобой встречи ждут. И муравейники не обходи, и на лесную опушку к березам выскочи, и до мухоморов под ельником хоть ползком, но доползи, не пожалей ни спины, ни коленей — там, именно там и прячутся белые. А уж про обычные-то приметы — под осинами ищи подосино-

вика, а под березами — подберезовика — полежаевским ребятам и напоминать не надо: с молоком матери это усвоили.

Нет, без леса в Полежаеве не жизнь.

Как Алик станет? Все отправятся за грибами, а он — во всей деревне один — баклуши примется бить? Но ведь скоро на вырубках брусника дозрится — и тогда не только школьники, все Полежаево в лес уйдет. Тогда Алик, что ли, вместе с собаками будет дома караулить, в сторожа наймется?

Вот если бы Митьке не нянчиться с братом, он бы из леса только поесть прибежал. А то выкраиваешь горе-часы, когда мать не на ферме и когда она в настроении.

Никаких своих интересов... Алик Макаров не зря его упрекал за это. Действительно, весь белый свет Никола затмил.

А ведь и у Алика Макарова — он говорил — был годовалый брат. Но Алик сумел как-то совместить свои интересы с настояниями родителей нянчиться с ним. А как?

Алик не единожды обещал Митьке посвятить его в тайну — и об отце рассказать, выполняющем секретное задание правительства, и о брате, которого Макаровы оставили неизвестно где. Уж не в Улумбеке ли по Солнечной поляне гуляет, под Аэлитой от дождя прячется? Теперь у Алика, пока они не помирятся, ничего не узнаешь. А мириться с Аликом ни Митька, ни Вовка не собирались, если он не прекратит чепуху про полежаевский лес сочинять.

— Нет, я его отучу нашего леса бояться, — пообещал Вовка Воронин и, сбиваясь, зависистывал какой-то непонятный мотив. Руки в карманы сунул, прошелся деловито по луговине, усыпанной березовым листом. — Ох уж и отучу.

И, не оглядываясь, покатил домой.

Верная примета, что ничего ему на ум не взбрело. Уж Митька ли своего дружка не знает: если в голове у Володьки какой-то план вызрел, так он домой не пойдет, он медлить не станет, сию же секунду приступит к его исполнению. И кому-кому, а Митьке-то обязательно во всех деталях раскроет свой замысел, ничего от него не утаит.

А тут сразу домой отправился. Значит, пуста голова.

* * *

Митька не вытерпел, спросил при встрече у Алика: — Ты, говорят, ухоженный лес нашел? Алик смутился ненадолго:

— Да нет,— скривил он губы,— у вас везде беспорядок... Просто маме захотелось грибного супа сварить, и я, чтоб напрасно времени не терять, по-быстрому сбежал в березнячок.

— Ну, и понравился маме твой суп? — Митьку выводила из себя способность Алика держаться невозмутимо.

— Отвела душу... А вообще-то у вас в грибах очень низкий процент белка. Вот у нас в Улумбеке грибы на вкус резко отличаются от ваших в лучшую сторону.

— Ну, если ты по канавам собирал зачуханные маслята, так они и от наших грибов отличаются.

Алик артистично вытянул шею, склонил рыжую голову набочок:

— Это почему маслята? Я принес одни белые...

Неслыханная наглость! Да что, Митька не знает, где белые растут, а где о них и слыхом не слыхивали?

Митька не знал, как уличить Алика во лжи. Подкараулить в поле и выхватить корзину: вот, мол, смотрите, сплошные сыроежки? Можно, конечно, и так. Но Алика же не припрешь к стене. Скажет, да, сегодня не повезло, а вот вчера удачно на кустик один нарвался — полную корзину боровичков нарезал. Что проямлишь ему в ответ? Врун, мол, и все такое прочее. А факты где, что врун? Нету фактов, одни предположения.

Но и Алик уязвим, ой, уязвим... Его ахиллесову пяту все Полежаево знает.

И у Митьки как-то само собой вырвалось предостережение:

— Смотри, Алик... В овсы медведь стал наведываться... Не наткнись на него... Один ведь и есть один.

Алик надменно усмехнулся:

— А я в овсы не хожу,— и ботиночком прочертил на земле черту. Как отрезал. Меня, мол, не запугаешь.

Митька не сразу нашелся, в какую сторону и разговор повернуть. Алик, видно, решил, что Митька его берет на пушку. Но Митька про овсы-то как раз и не врал. Медведь действительно повадился в поле, измял вдоль лесной опушки не один загон, обсасывая метелки овса. Конечно, он выбирался из березняка не днем, а дожидался, когда свечереет, когда деревня затихнет, но факт оставался фактом — медведь лакомился овсом.

— Мне не веришь, у мужиков спроси,— настаивал Митька, сознавая, что хоть и говорит правду, а все равно расчет де-

дает на то, чтобы Алика застрашать. Какой медведь днем в деревню придет? Он же не с ума спятил...

Алик беззаботно отмахнулся от Митьки:

— Ладно тебе сказки рассказывать. — У него ни в одном глазу страху не было. Он и песенку даже запел самым натуральным голосом — нигде не сглотнул одрога: — «Я медведя не боюсь, я на дерево взберусь».

Митька, все же продолжая начатый тон, пугающим шепотом предупредил:

— Смотри-и... В березняке деревья, сам знаешь, какие. Ни на одно не взберешься... Любое удилищем согнется.

Алик беспечно засмеялся:

— До того пугал, что, наверно, и самому страшно стало? — Он пытливо уставился Митьке в глаза.

Митьке и вправду сделалось не по себе от своего жуткого шепота.

— Ну, смотри,— повторил он припугивание, явно не выдерживая состязания с Аликом. — Мое дело предупредить. А ты поступай, как хочешь.

* * *

Вечером Мария Флегонтовна пришла к Микулиным за молоком, поставила бидончик на застланный клеенкой стол.

— Митя, сводил бы ты моего парня за белыми грибами. Я его посылаю-посылаю, а он мне одни ошметки приносит, все в червях,— чистить начну, так больше половины выбрасываю...

«Вот тебе раз!» — чуть не присвистнул Митька и отвернулся, чтобы Мария Флегонтовна не заметила торжества в его глазах.

Но ее о чем-то спросила Митькина мать, и Мария Флегонтовна переметнулась на другой разговор, тут же, видимо, и забыв о своей просьбе.

Митька слушал их разговор вполуха, потому что Никола орал благим матом и Митька не знал, как его успокоить. И соской-то брату рот затыкал, и зыбку-то зло качал, так что очеп¹ стучал по потолочине,— все без толку. Разревется парень, и сладу нет. Хоть сам вместе с ним реви.

---

¹ О ч е п — пружинистая жердь, укрепляемая под потолком, на которую вешается зыбка.

Мария Флегонтовна наклонилась над зыбкой, засюсюкала:

— Колюсенька, ты мой холосенький... Ну, иди ко мне, иди...

И диво ведь: загугукал Никола, улыбка выплыла на лицо. С матерью Марию Флегонтовну перепутал.

Мария Флегонтовна вытащила Николу из зыбки, стала укачивать его на руках. А сама так в Николкино лицо все и смотрела, будто и насмотреться не могла.

Митькина мать засмеялась:

— Вот, Мария Флегонтовна, тебе бы такого!

— Да что ты, Надя, куда мне без мужа-то! Алик безотцовщиной растет, с ним умаялась. Некому и пристрожить...— Она, наклонившись над Николой, прицокнула языком — тот от радости пустил пузыри.— Я уж и с твоим наиграюсь. А с меня Алика хватит. И так от рук отбился совсем...— Она подняла затуманившиеся глаза, вздохнула: — Алику три года было всего, когда Василий помер, Алик и не помнит его. Вот с тех пор и маюсь одна...

Митька сразу насторожился.

Но Мария Флегонтовна смахнула выкатившуюся слезу и заставила себя улыбнуться:

— Ну и натетешкалась сегодня с вашим Николкой,— сказала она окрепшим голосом.— Отвела душу. А он у вас спокойный такой. Только глазенками хлопает да улыбается.

— Ну да, спокойный...— возразил Митька.— Заведется, так ревет и ревет.

— Вот у меня Алик ревун-то был... Спасу не было. И грудь даю — ревет, и качаю — ревет, и на руках ношу — ревет. Вот уж помаялась. Одного вынянчила, а труднее достался, чем иной матери десятеро.

— Избаловала,— сказала Митькина мать и кивнула на Николу: — Не смотри, что маленький, все понимает. Волю с такого возраста дай, так на шею и сядет...— Она наклонилась к ребенку, прищелкнула языком.— Ну, что?

Николка обрадованно забил ногами.

— Ну иди, иди, покормлю.

Митька ни к селу ни к городу задал вопрос:

— Мария Флегонтовна-а, а вы из Улумбека-то почему уехали?

— Да ведь Алику в седьмой класс нынче, а там трехлетка всего.

— В Улумбеке-то? — удивился Митька.

— В Улумбеке. А что? — Мария Флегонтовна, кажется, чего-то заподозрила в его вопросе.

— Да так... А партизаны у вас воевали?

— Какие партизаны? — всплеснула руками Мария Флегонтовна. — Это Алик опять нафантазировал? Ну что ты с ним будешь делать! Большое воображение... — Она захохотала и стала жаловаться Митькиной матери на то, что совсем измаялась, живя две зимы с сыном врозь. — Я в Улумбеке, а он в школе в райцентре. У тетки жил, под приглядом, а все равно не у мамы родной. Ой и извелась за два года! Начальству заявление за заявлением писала: переведите, где школа есть. И в район-то писала, и до области-то дошла. На третий год только уважили: говорят, в Березовском районе нужны почтовые работники. Я бы бросила почту, да стаж неохота терять. Дом продала в Улумбеке и не жалею. Здесь и в государственной квартире, да с сыном рядом.

— А Улумбек далеко отсюда? — невинно поинтересовался Митька.

— Где там далеко! В соседнем районе... Согру слышал? Ну вот там и есть. — Мария Флегонтовна улыбалась Митьке: — Ми-и-ть, сходил бы ты с Аликом за белыми-то грибами... Уж больно охота пожарить на масле...

— Да у меня ведь хвост есть, — кивнул Митька на брата.

— Так с этим хвостом я посижу... Он у вас хо-ло-сенький... — Она опять заприщелкивала Николе языком, но тот смотрел только на мать и ни на кого больше. — Сходишь, Мить?

— Ладно, там видно будет.

Мать достала Николе грудь, и Никола сразу зачмокал, ухватился за грудь ручонками.

— Сходи, Митя, сходи, — настаивала Мария Флегонтовна.

— Да он ведь со мной сам не пойдет.

— Это почему не пойдет? Алик мне говорит, что вы не берете.

Митька вышел в сени.

На улице уверенно покрикивал на кого-то Алик Макаров.

* * *

И все-таки у Володьки Воронина светлая голова! Кто на что, а голь — и верно! — на выдумки. Мы, говорит, от этих березняков отучим его на всю жизнь, сам признается, что там

порядочных грибов нет, сам в нашу компанию приплетется с повинной...

Вовка, довольный, потирал руки. Как говорится, дело было уже почти в шляпе.

— Ох, Митька! — ликовал он. — Как это ты додумался до такой хитрой штуки? Вот медведей-то твоих мы на Алика и натравим. Ну уж он попляшет у нас.

Митька ничего не мог взять в толк, пока Володька ему не разъяснил, что собирается делать. План он предложил проще простого.

Вымазать сажей лицо. Вывернуть наизнанку шерстью шубу и, напялив ее, залечь в кустах на Аликовой дороге. Алик подойдет — а на него медведь вздымается, рвякая.

— Да ведь Алик рассудка лишится...

— Ну, сказа-а-ал, — не поверил Володька. — И взаправду медведь нападает — так никто еще из-за этого полоумным не делался... Испугаться, конечно, испугаешься... Ну, может, с мокрыми штанами домой прибежишь — так это ведь ерунда.

— Ой, Вовка, ты Алика плохо знаешь. Ты его не равняй со всеми, — у Митьки было нехорошо на душе. — Ты, может, и не испугался бы никакого медведя, а Алика можно и зайкой сделать.

Вовке понравилось, что его причислили к смелым людям. Он привычно сунул руки в карманы, прошелся фертом:

— А что? Я бы и перед настоящим медведем не оробел. — Он горделиво вздернул голову.

Митька опять подыграл ему:

— Ты, Володя, особенный человек...

Вовка принял похвалу за чистую монету.

— А что? — еще сильнее напыжился он. — Никто не застрахован от встречи с настоящим медведем. Вот пускай и Алик закаляет характер... — Вовка в упор, решительно посмотрел Митьке в глаза и, уловив в ответном взгляде замешательство, для успокоения друга добавил: — Ну... Ежели что, так мы же рядом... Шубы сбросим... Человеками подойдем к нему...

— Человеками... А у самих лица в саже...

— Ну, так мы же для опознания голоса подадим... Я, мол, Вовка Воронин, а я — Митька Микулин. — Вовка отчаянно махнул рукой. — Да, в конце-то концов, для его же пользы! А то в лесу живет — и леса боится...

Идея завладела Володькой — считай, он ее уже осуществил. Так — вправо, влево — могут быть отклонения, а сердцевина останется нетронутой. Вовка был неотступен.

* * *

Они выследили, когда Алик отправился в березнячок, — и за шубами. Конечно, лучше бы, если б кто-то вместе с Аликом пошел за грибами и вывел его в условленное место к засаде. Но Алик же бунтарь-одиночка, никого с собой не берет. Приходилось, как говорится, решать задачу с двумя неизвестными: и Алика из виду не потерять, не отстать от него далеко, и сделать так, чтобы он погони за собой не почувствовал.

Володька уже на ходу вырядился в шубу, рукава вывернул. На голову шапку нахлобучил, тоже кверху овчиной. Щеки, лоб, нос сажей вычернил — только зубы белели. И Митька опять подумал, что напрасно они затеяли этот розыгрыш. Таких уродов и не в лесу встретишь, в деревне — так и то испугаешься. «Ну, в случае чего, я первым голос подам», — решил он, облегчая себя вздохом.

Володька уже перемахнул через изгородь и нетерпеливо подзывал Митьку рукой: быстрее, мол, быстрее, а то упустим его из виду.

Да, в шубе было не сладко, пот уже бисером выступил на лбу. А пока до березняка добежишь, весь упаришься, будешь мокрый, как после бани.

Они сговорились обойти Алика с флангов и спрятаться у канавы, уже давно затравеневшей, обсыпанной брусничником. Канавка была прорыта когда-то для осушения торфяников. Там Алик непременно замешкается, отвлеченный от поиска грибов пурпурными ягодами брусники, которые так и просятся в рот. Но бежать до этой канавы не близко.

— Может, лучше не устраивать засады, а красться за Аликом по пятам?

— Да ты что? — от обиды, что Митька такой несообразительный, Володька чуть не поперхнулся. — Он же обернется и ноги твои увидит. А ноги-то не в меху... Сечешь?

— Секу, — вздохнул Митька, пригибаясь к земле: поле было ровное, и они бежали по нему, как по ладони.

В березнячок заскочили, там уже проще, там есть где спрятаться. Березнячок хоть и тянется узенькой полосой, но

места хватит, чтобы маневр сделать, чтобы обход совершить. А ну, Володька, поддали жару! Где ползком, где перебежками обошли Алика, отступили в глубину зарослей.

А вот она и канава. По дну ее сочился пенистым квасом неторопливый, едва живой ручеек. На будылях прошлогодней иссохшейся таволги, топорщившейся на дне канавы, стожками засохла розоватая пена — свидетельство того, что ручей бывает и шумным и говорливым.

Володька перемахнул канаву, зацепив ногой вершину сиреневого стожка, и сухая пена снежным сеевом полетела за ним, утягиваемая порывом воздуха. Митька с тоской взглянул на пламенеющие бордовой брусничкой стенки канавы и тоже прыгнул. Тешить себя ягодами было не время. Но все же по эту сторону канавы можно было перевести дыхание: Алик шел где-то сзади. Теперь только бы не просчитаться, угадать, где он пойдет. На всякий случай березнячок надо обхватить по ширине, насколько возможно. Одному с левой стороны залечь, другому — с правой. Если что, так можно ползком переменить позицию.

Алик все же не дал им опомниться. Он, беззаботно поколачивая прутиком по корзине, шел по усыпанной солнечными зайчиками тропе, попинывал подозрительно бугрившуюся листву. Проверяй, проверяй, белые тут из земли прут, тебя дожидаются. Но Алик, видно, на белые не очень-то и рассчитывал, потому не брезговал и сыроежками, да такими лохматыми, что они у него в руках крошились.

Он спустился в канаву неподалеку от Вовки и, конечно же, как загонщики и рассчитывали, не смог вылезти из нее, пока не обобрал ягоды.

Митька по-пластунски переполз поближе к Володьке и из-за соседнего куста стал наблюдать за Аликом.

Сначала наверху показалась корзина, а потом котенком, на четырех конечностях, едва не мурлыча от удовольствия, выбрался Алик. Он встал, отряхнул налипшие на ладони листья и, повесив на руку корзину, двинулся дальше.

Алик не поравнялся еще с кустом, за которым прятался Вовка, но подошел уже к намеченному рубежу расправы, и Володька злобно зарычал, выкатился на тропу, поднял мохнатые передние лапы (а сам стоял на коленочках, ноги из-под шубы показывать боялся: они же не в рукавах!), заколошматил лапами воздух.

Алик, бледнея, бросил корзину. Вовка-то рассчитывал,

видно, что он побежит, а Алик грохнулся на землю и лежал, затаившись, не шевеля ни рукой, ни ногой.

Батюшки, испугался Митька, да что они с Володькой наделали? Еще отдаст богу душу...

Нет, один глаз у Алика моргнул, зыркнул на мохноногое чудище и закрылся. Знает, видать, что на дикого зверя нельзя смотреть пристально: пристальный взгляд воспринимается как вызов на бой.

И все же Володька — от греха подальше — отступил назад. Глаз снова открылся, а сам Алик лежал, не шевелясь, будто мертвый. Глаз выискивал, куда спряталось чудище. Алик лежал долго, Митька уж снова обеспокоился, все ли с ним ладно. Но Алик приподнял голову, уперся руками о тропку, даже корзину подтянул к себе.

Володька завоzilся в кустах, и Алик снова грохнулся на тропинку, как мертвый.

Начитанный мальчик, ничего не скажешь. Это он изображает рассказ из книжки, как мальчик медведя перехитрил, притворившись покойником. Медведь понюхал притвору и ушел. Но Володькин-то медведь не дурак, его на мякине, как воробья, не проведешь. Он же тебя корягами забросает.

Корягу, конечно, не вывернуть, да и нет их в березняке, но палками, прутьями покидаться можно, из опавших листьев фейерверк устроить не сложно...

Володька, хрипло рыча, треща валежником, ринулся подбрасывать вверх листья, палки, комья земли.

Митька поддержал его утробным рычанием и тоже завьюжил над собой листьями.

Алик, почуяв второго зверя, вскочил и — без корзины — бросился убежать. Видно, не знал, что два медведя с одним покойником делают.

Вот бы сейчас Алику прокричать вдогонку: не умеешь с товарищами дружить — научим, не хочешь — заставим. Но, к сожалению, медведи человеческими голосами до сих пор не кричат.

* * *

Да-а... А Алик все-таки оказался впечатлительный мальчик... Прочувствовал, что произошло. И хватило ума сделать верные выводы.

— Еще бы не хватило, — самодовольно усмехался Во-

лодка, — если убежал без корзины, а корзина сама из лесу пришла и перед окнами у Алика на черемуховом сучке облюбовала местечко. Все грибы в целости и сохранности... Мало того, еще откуда-то — на полкорзины! — и ядреный боровик затесался.

Тут уж, конечно, и самому непонятливому все станет ясно. А Алик все-таки был человеком сообразительным.

При встрече с Митькой поздоровался первым, не заискивая, не теряя достоинства.

Митька, сохраняя невинность в голосе, спросил:

— Ну как, Алик, белые грибы в березняках?

У Алика не дрогнул на лице ни один мускул. Подумал, сказал:

— А-а, какие там белые... — усмехнулся, добавил: — Медведи все белые вытоптали.

Митька сделал вид, что не понял намека.

— Да ну, в березняки, кроме зайцев, никто не забегает.

— Не скажи, — возразил Алик и подмигнул Митьке, — из овсов иногда приходят.

— Ну, те, что по овсам ходят, человека не трогают. Так, порычат для острстки немного и вернутся в овсы.

Алик промолчал. Митька даже не ожидал от него такого миролюбия. Никаких упреков. Полежаевские леса не проклятые. Улумбек — не пуп цивилизованной Вселенной. Совсем другой Алик стоит, не выпендривается, не хвастается, не поучает. С таким, как говорится, хоть сегодня в разведку.

— Знаете что, ребята... Пойдете за грибами — возьмите и меня с собой.

Вот это уже другой разговор! С самого бы начала так.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАКАН КИСЕЛЯ	3
© Газета «Литературная Россия», № 13, 1975 г.	
ГРУЗДИ-РЫЖИКИ	11
© Журнал «Пионер», № 7, 1976 г.	
ТИШКИНЫ КОТЯТА	22
© Журнал «Юность», № 12, 1976 г.	
ФОНАРИК	45
© Журнал «Уральский следопыт», № 3, 1976 г.	
СЕРЕЖКИНА ПРЕМИЯ	66
© Газета «Пионерская правда», № 14, 1976 г.	
КЛЮЧИ	74
© Газета «Литературная Россия», № 6, 1976 г.	
АМБАРНАЯ МУЗЫКА	86
© Журнал «Уральский следопыт», № 3, 1980 г.	
ЗЯБЛЕВАЯ ВСПАШКА	100
© Журнал «Юность», № 12, 1976 г.	
ГОЛЕНАСТЫЙ ПЕТУХ	125
© Журнал «Юность», № 7, 1982 г.	
ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА	149
© Журнал «Пионер», № 10, 1980 г.	
ШКУРА НЕУБИТОГО МЕДВЕДЯ	162

Для среднего возраста

Леонид Анатольевич Фролов

ПОЛЕЖАЕВСКИЕ МУЖИЧКИ

ИБ № 7958

Ответственный редактор Н. С. Аравина. Художественный редактор М. Д. Суховцева. Технический редактор Л. П. Костинова. Корректоры В. В. Борисова и Э. Н. Сизова. Сдано в набор 30.05.84. Подписано к печати 21.12.84. А03017. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьн. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 11,16. Уч.-изд. л. 9,87. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5466. Цена 55 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли.

127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм

«Целлофот»

Фролов Л. А.

Ф91 Полежаевские мужички: Повествование в рассказах/ Рис. Л. Непомнящего.— М.: Дет. лит., 1985.— 175 с., ил.

В пер.: 55 к.

Повествование в рассказах о детстве сельских подростков в наши дни. Жизнь ребят заполнена не только детскими играми, озорством — 13—14-летние «полежаевские мужички» принимают самое активное участие в сельском труде, помогая взрослым и в поле и на ферме.

Ф 4803010102—068
M101(03)85 401—85

P2

55 коп.

Издательство
"Детская литература"

